

А. А. ЗИМИН
А. Л. ХОРОШНЕВИЧ

РОССИЯ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА

Академия наук СССР
Серия «Из истории нашей Родины»

**А. А. ЗИМИН,
А. Л. ХОРОШКЕВИЧ**

**РОССИЯ
ВРЕМЕНИ
ИВАНА ГРОЗНОГО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

- Еще одна книга об Иване Грозном? — спросит читатель. Нужна ли она? Ведь уже от историков, из романов, по фильмам мы, кажется, знаем все о деятельности этого правителя, ставшего символом самовластия и жестокости, имеем даже восстановленный М. М. Герасимовым скульптурный портрет.

Но дело в том, что эта книга не столько о Грозном, сколько о России. Авторы задались новой и, несомненно, плодотворной целью: показать, как Россия, так же как и другие страны Европы, закономерно шла по пути к абсолютизму, в чем было своеобразие этого пути, т. е. что она двигалась рядом с другими, кого опережала и от кого отставала.

Российская действительность эпохи Грозного хорошо обжита авторами: они отлично чувствуют себя в кругу крестьян и холопов, бояр и горожан, в Боярской думе, на Земском соборе и в приказе. Они свободно ориентируются в запутанной и все усложняющейся системе общественной и политической организации страны. Вместе с восставшим народом они на улицах Москвы, вместе с великими возмутителями общественного спокойствия Матвеем Башкиным, Феодосием Косым и другими они обличают несправедливость власти; они делают удачи и поражения русских полков.

Именно глубокое знание очень непростой темы и позволяет авторам раскрыть сильные и слабые стороны растущего самодержавия. Они трезво оценивают объективное значение выдвинутых Иваном Грозным и его соратниками разрешимых и неразрешимых, внутри- и внешнеполитических задач, определяют реальное соотношение между субъективными намерениями царя и реальными возможностями страны, истощенной ордынским игом и все еще расхищаемой и терзаемой враждебными

державами, видящими свою цель в подрыве ее национального возрождения.

Для Грозного (как позднее и для Петра) решение больших внешнеполитических проблем — выхода на Волгу, на Балтику, на Урал — было неразрывно связано с внутренними реформами, которые бы помогли ему собрать в кулак все управление, создать сильное войско. На беду, Россия еще не была к этому готова. Россия достигла многого: укрепились центральная и местная власть, войско, расширилась торговля, она выиграла Казанскую войну, простерла свою власть до Урала, обезопасила себя Засечной чертой от крымцев. Но Ливонскую войну, которую Грозный по праву считал главной, она проиграла.

Грозный верил во всемогущество самодержавия, пожалуй, не меньше, чем в бога, и раз жизнь вынуждала — не задумываясь рубил головы боярам и князьям, церковникам и дворянам, но, чем доле он свирепствовал, тем яснее видел, что может убить любого боярина, но не боярство, разорить город, но не горожан, храм, но не духовенство... На место одних князей и бояр вставали новые, одни монастыри сменялись другими, недавние слуги становились соперниками. И не могло быть иначе, пока страна экономически не окрепла, пока царь не имел денег, а рассчитывался землями. Поместная система в этих условиях рождала то, с чем он боролся.

А боролся он рьяно и упорно, непрерывно изыскивая новые способы: делил и переделывал структуру страны и власти, то поддерживал третье сословие, то грабил его, то своевольничал, то создавал сословное представительство, то грозил церкви секуляризацией, то подкармливал ее, то поддерживал контрреформу, то вместе с ней — умеренное просвещение... И все это — за счет мужика и городского бедняка, которые несли на себе тяготы реформ, войн и опричных кровопролитий.

Так же пытался действовать Грозный и за пределами страны. Где хватало войск — там войной, где недоставало сил, он прикидывал возможные союзы — то русско-шведско-английский, то унию с Речью Посполитой, то ее русско-австрийский раздел, то сближение с Османским султанатом, то антиосманскую лигу под эгидой Рима... Этого рода попытки оказались тщетными, хотя и поучительными для русской дипломатии.

Неудивительно, что время взятия Казани, Нарвы и Полоцка — время блестящих побед и горьких пораже-

ний — порождало при самодержавном дворе непрерывную борьбу группировок, отмеченную заговорами и казнями — влодейством, достойным шекспировских героев современной Грозному английской действительности. И авторы правы, когда отвергают провинциальный взгляд досоветской науки, ее эмигрантских эпигонов и их духовных наследников, не заметивших типологического сходства всего строя России эпохи Грозного с тем, что сопровождало централизующийся абсолютизм более передовых стран Европы; впрочем, то же было и в политически лоскутном мире Германии и Италии, не исключая и двора самого наместника св. Петра.

Иван Грозный — фигура глубоко трагическая. Авторы справедливы. Их цель — не оправдание или осуждение Грозного, а объяснение того, что его личный крах — это порождение конфликта правителя с обществом, которое в конечном счете всегда сильнее. Правитель на свой самодержавный лад сделал все, что мог. Россия шагнула вперед, но народу это стоило таких невзгод, что последовал мощный взрыв крестьянской войны.

Прошли столетия, и трудящиеся массы России, возглавленные революционным пролетариатом, окончательно смели в России самодержавный строй, одним из худших олицетворений которого был грозный царь.

В. Т. Пашуто

ВВЕДЕНИЕ

К середине XVI столетия население всех стран земного шара не только вступило в Новое время, но и испытало, хотя и по-разному, на себе первые результаты происходящих перемен. Для европейских стран XVI век открыл капиталистическую эру. Спорадические ростки капитализма, появившиеся в Италии еще в XIV столетии, к XVI дали буйную поросль. Наиболее передовые в экономическом отношении страны Западной Европы (Англия, Нидерланды) вступили в мануфактурный период капиталистического развития.

В результате насильственной экспроприации, и в первую очередь огораживаний, крестьяне Англии превращаются в мануфактурных рабочих. Накопление крупных частных капиталов за счет торговых и пиратских экспедиций сопровождается ограблением населения внутри страны. В Нидерландах начало Нового времени ознаменовалось быстрым развитием промышленности, обострением противоречий между отжившим классом феодалов и стремившейся к власти буржуазии. Первые капиталистические предприятия зародились и в странах центральной Европы.

Власть капитала один за другим подрывала устои феодализма. Формировались абсолютные монархии; отныне власть в государстве короли делили с буржуазией. Церковь — этот, по словам Ф. Энгельса, «наиболее общий синтез и наиболее общая санкция существующего феодального строя»¹, не выдерживала идеологического напора растущего класса буржуазии. Реформационные движения охватили Германию, Англию, Швейцарию. Однако становление более дешевой церкви дорого стоило ее приверженцам. Сотни тысяч жертв в религиозных войнах Англии и Франции стали платой за ее введение.

Европейский мир стал ареной ожесточенной классовой борьбы. Крестьянские войны в Германии охватили весь

центр Европы, восстания происходили во Франции и Англии. Обострялись противоречия между монархической властью Римской империи и бурно развивавшимися Нидерландами. Здесь складывались предпосылки первой буржуазной революции, протекавшей в форме национально-освободительной борьбы против испанского господства. Уходящее прошлое показывало свои самые отвратительные лики — французские короли из дома Медичи, их современники на шведском и испанском тронах являли образцы бессмысленной жестокости и злобы.

Всеянием Нового времени отмечена и история Америки, Африки, Индии. Великим цивилизациям Центральной и Южной Америки, экзотическим странам Африки первое соприкосновение со Старым светом не принесло ничего доброго. Золотой поток, хлынувший в Европу из Америки, привел к революции цен, обострил экономические и классовые противоречия в каждом из европейских государств.

На юго-востоке с европейскими государствами соседствовал Османский султанат. Он держал под своей властью славянские и неславянские народы Балканского полуострова, угрожая Центральной Европе, южной части Средиземноморья и народам Восточной Европы.

На стыке европейского и восточного миров быстро росло и крепло новое государство — Россия. Лишь недавно, в 1480 г., она окончательно освободилась от ненавистного ордынского ига, хотя угроза крымских набегов существовала в течение столетий после этого. Последствия чужеземного ига давали себя знать в некоторой заторможенности развития ремесел, более низкой роли городов в экономике, а горожан в социальной жизни страны. Слабость товарно-денежных отношений приводила к тому, что земельные пожалования все еще оставались единственной формой материального обеспечения служилых людей. Потеря ряда земель некогда могущественного Древнерусского государства, перешедших временно в состав Великого княжества Литовского, Швеции, Польши, Венгрии и Крымского ханства, затрудняла внешнеторговые контакты России. Неизжитыми последствиями ордынского ига и отрезанностью России от основных торговых путей объясняется судьба тех ростков новых предбуржуазных отношений, которые зарождались в крупных городах и на севере страны.

Нет времени в истории феодальной России более противоречивого, чем вторая половина XVI в. Успехи сосед-

ствовали с поражениями. Экономический подъем и рост городов центра в первой половине века сменились кризисом и аграризацией многих старинных городов центра страны. В то же время быстро росли города севера, востока и юга страны. Расширение территории государства сопровождалось отливом населения из центральных районов. Хозяйственному освоению основных территорий пришло на смену их запустение. Рост торговых связей, освоение недавно присоединенных восточных и южных земель сочетались с укреплением крепостничества. Утверждение начал сословно-представительной монархии и постепенная ликвидация удельной обособленности в годы опричнины были задержаны расчленением страны на государев удел и земщину. На смену взлету русской культуры, расцвету общественной мысли пришли клерикальная реакция и средневековая схоластика. Противоречия, раздиравшие общество, в начале XVII в. вырвались наружу, и грандиозная гражданская война потрясла страну, как бы подводя итоги тому, что недавно пережила Россия.

Книги, посвященные середине и второй половине XVI в., писались, как правило, об Иване Грозном, его политических преобразованиях и военной деятельности. Советские ученые давно подходили к созданию трудов о том, как жила при Грозном Россия. Герой этой книги — народ, и в период безвременья создававший непреходящие ценности. Его суждения — в песнях, былинах и других произведениях — тот камертон эпохи, по которому авторы проверяли все иные представления о «времени Грозного».

ВЕНЧАНИЕ НА ЦАРСТВО

Над Москвой плыл колокольный звон. Звонили во всех кремлевских соборах — у Спаса на Смоленской площади, у Николы Чудотворца у Каменного моста через Москву-реку. Им вторили окраинные церкви и монастыри — Новинский, Симонов, Андроньев и другие. В морозном воздухе звуки легко растекались по Москве, переливы колоколов достигали подмосковных сел — Коломенского, Воробьева. Они возвещали московским жителям о торжественном событии — венчании молодого государя великого князя всея Руси Ивана Васильевича на царство.

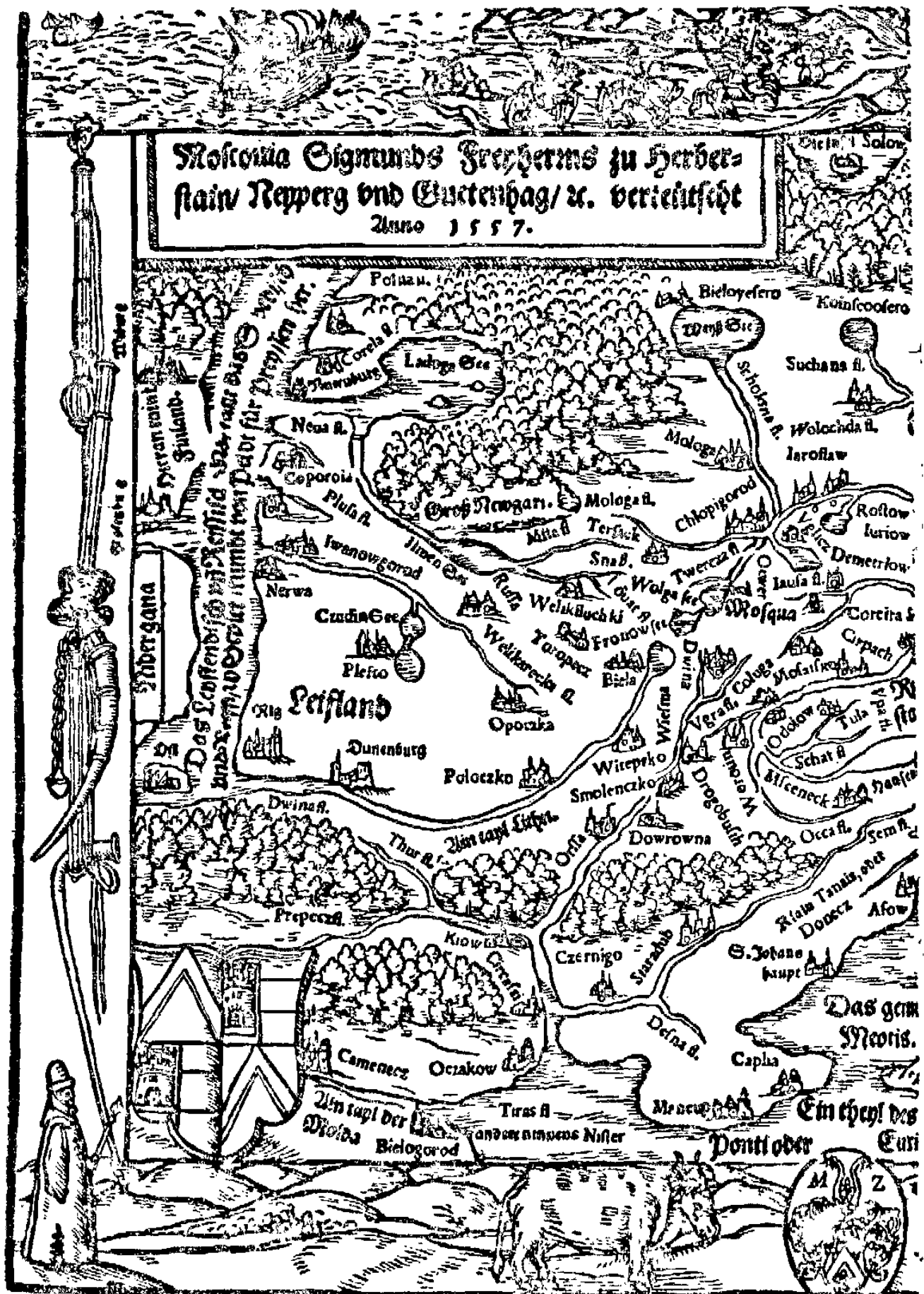
II Кремле медленно и чинно двигалась процессия. Из Иконнического дворца она направлялась к главному иконостасу собору Успения Богородицы, отстроенному при Иване III, деде нынешнего великого князя. В тяжелых меховых шубах, соболиных, горностаевых, беличьих, крытых то восточными шелками с яркими разводами, то итальянским бархатом, то фландрским сукном, медленно двигались бояре. В толпе зрителей кафтаны купцов и гостей перемежались и сермягами мастеровых и холопов. Завороженная великолепием шествия и серьезно происходящего, толпа застыла. Шутка ли, венчание на царство. Такого Москва еще не видала. Правда, 40 лет тому назад в этом же Успенском соборе венчали двоюродного брата Ивана IV, малолетнего Дмитрия — внука Ивана III, но не на царство, а на великое княжение. На царство же Иван IV венчался первым, это было 16 января 1547 г.

Во время долгой, по обычаю православной церкви, торжественной службы митрополит возложил на Ивана крест, венец и бармы, присланные якобы византийским императором Константином Мономахом на Русь для венчания князя Владимира Всеволодовича (Мономаха).

Устами митрополита была начертана программа деятельности царя: в союзе с церковью, которая отныне объявлялась «материю» царской власти, царь должен был укрепить «суд и правду» внутри страны, вести борьбу за расширение государства¹.

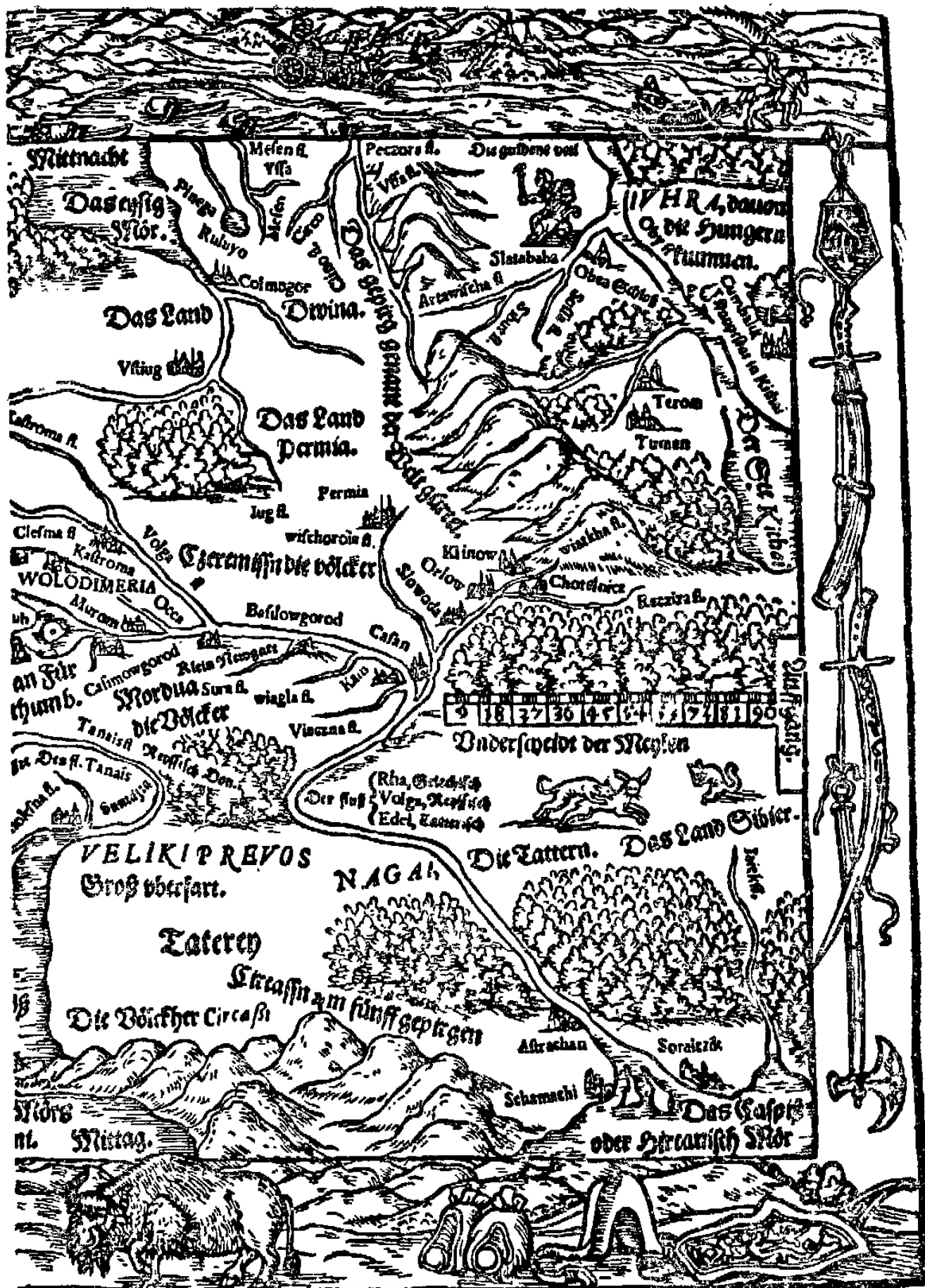
По завершении чина венчания великий князь стал «боговенчанным царем». По алым камке и бархату, струящимся, словно поток крови, на ослепительно белом снегу, шел в свои хоромы первый русский царь, носивший этот титул на иконах с точки зрения тогдашнего мира основанных. То, о чем мечтал дед нынешнего царя, свершилось.

Дополнение короткого слова «царь» и в без того уже пышном титуле великого князя — «Государь и великий князь Московский, Владимирский и прочих земель» — делало его носителя равным по чину императору «Священной Римской империи», ставило выше европейских королей — датского, английского, французского и многих иных, в том числе и ближайших соседей и соперников — польского и шведского, уравнивало с восточными соседями — казанским, астраханским ханами — наследниками Золотой Орды, недавними повелителями Руси. На эту ступень лест-

Gedruckt zu Wienn in Osterreich durch S.

Карта России. Из книги С. Герберштейна «Записки о московитских делах».

Michael Zimmermann in G. Vinnen Hof.

ницы европейских государей поднялся правитель единственного славянского государства, и это произошло в то время, когда Болгария и Сербия, равно как и другие народы Балканского полуострова и юго-восточной Европы, изнывали под игом Османского султаната.

Столица государства, Москва, отныне украсилась новым титулом — она стала «царствующим градом», а русская земля — Российским царством. Но для народов России начинался один из самых трагических периодов его истории. Наступало «время Ивана Грозного».

РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО

Единое Русское государство простиралось от Белого и Баренцева морей на севере до Чернигова, Путивля и рязанских земель на юге; от берегов Финского залива и Смоленска на западе до Северного Урала и нижегородских земель на востоке.

Это была огромная страна, площадь которой к началу царствования Ивана IV достигала 2,8 млн. кв. км. Народы, населявшие северный Урал и Зауралье, издавна входили в состав Русского государства. Далее граница круто сворачивала на запад и отделяла русские владения от Казанского ханства. Правые притоки Волги — Сура и другие — протекали по территории Русского государства. На юге граница устанавливалась конкретным соотношением сил враждебных России государств — Ногайской орды и Крымского ханства. На юго-западе соседом России было Великое княжество Литовское, удерживавшее власть над большей частью украинских и белорусских земель. Лишь западно-русские земли во главе со Смоленском с 1514 г. вернулись в состав Русского государства. На северо-западе Россия граничила с Ливонским орденом, подчинившим латышей и эстонцев власти немецких феодалов, и Финляндией, входившей в то время в состав Шведского королевства. Часть пограничных русских земель омывал Финский залив. Тонкие и болотистые берега делали невозможным использование этих территорий для сооружения городов. Единственный порт, воздвигнутый дедом Ивана IV Иваном III в 1492 г. и названный Ивангородом, располагался в устье реки Наровы напротив небольшого балтийского порта — Нарвы. В целом по размерам территории Россия уже в 1547 г. стала крупнейшим

государством Европы после «Священной Римской империи Германской нации».

В создании единого государства Россия опередила часть народов Европы (в частности, немцев и итальянцев) и шла в ногу с Англией, Францией, Испанией, где в конце XV в. сложились государства одной преобладающей народности. Государства же Восточной и отчасти Центральной Европы складывались как многонациональные. Польское королевство включало часть земель Волыни. В «Священную Римскую империю» входили, кроме немецких княжеств и городов, территории славянских и романских народов, что и предопределило непрочность этого политического образования.

Русское государство формировалось как многонациональное государство нескольких народов — прежде всего русского, преобладавшего в Замосковном, Новгородско-Псковском краях и в Приднепровье, затем северных финно-угорских — саамов (лопари, карелы, меря, коми, хангы, манси), поволжских — мордва, удмурты. Ведущую роль играла великорусская народность, восходящая к народности древнерусской и преобладавшая в экономическом, политическом и культурном отношениях. В целом население России достигало 6,5 млн. чел. ¹

Плотность населения постепенно возрастает, обживаются окраины государства. Следствием роста населения в Северо-Восточной Руси было укрепление сельских поселений (сел, деревень). Однако по плотности населения (2 человека на 1 кв. км) Россия резко отставала от передовых европейских стран. Неравномерность заселения территории страны объяснялась объективными условиями: южные земли, подвергавшиеся постоянной угрозе крымского нападения, практически пустовали. Плотность населения повышалась в районах более древнего освоения — в Замосковном крае, Псковской и отчасти Новгородской землях; довольно низка была она и в восточных районах, находившихся под угрозой набегов из Казанского ханства. О том, насколько губительны были последствия чужеземного ига для развития русских городов, можно судить по таким цифрам: в Нидерландах насчитывалось 300 городов и 6500 деревень, в России того же времени на территории, в десятки раз превосходившей территорию Нидерландов, располагалось только 160 городов.

Издавна ведущей отраслью хозяйства России было земледелие. Сеяли прежде всего озимую рожь, яровой

овес, а на севере, в Новгородском крае и на Двине, — ячмень (жито), в более южных районах — пшеницу и гречиху. Из технических культур был особенно распространен лен в Псковском крае и Новгородских землях, а также на севере центральных областей Русского государства (в Пошехонье, Ярославском, Углицком и других уездах). Культивировались конопля (особенно в Ростовской области, Новгородских землях), хмель — в Приднепровье, в северных, западных и центральных уездах. Из овощей употребляли в пищу репу, капусту, морковь, свеклу, огурцы, лук, чеснок. В садах разводили яблони, сливы.

В центре страны на территории Владимирского ополья, где давно было развито сельское хозяйство, и в ближайших окрестностях Москвы к середине XVI в. уверенно обозначилась победа трехполья над всеми другими системами земледелия — перелогом *, подсекой **. В южных районах, в пределах так называемого «Поля» или «Дикого поля», где хозяйственное освоение еще не завершилось, трехполье соседствовало с перелогом. Процесс освоения земель продолжался и на других окраинах (в Олонецком, Холмогорском, Вологодском районах), здесь подсека по-прежнему оставалась главной системой земледелия.

Техника обработки земли совершенствовалась медленно. Соха господствовала почти повсеместно, лишь в передовых хозяйственных районах применялся плуг. Использование органического удобрения — навоза носило случайный характер. Экстенсивность скотоводства объяснялась в первую очередь тяжелыми условиями жизни крестьянства, которое не имело достаточных возможностей для разведения высокопродуктивных пород скота. В соответствии с этим урожаи были довольно низкие — сам-3—4, т. е. превышали количество высеянных семян в 3—4 раза. Этот уровень был характерен для сельского хозяйства передовых стран Европы двумя-тремя столетиями раньше.

Земельная собственность в России к середине XVI в. носила сословный характер. Государственное (черносош-

* Перелог — такая система земледелия, при которой часть земли по выпашке покидается на несколько лет и зарастает в течение 8—10 лет.

** Подсека — система земледелия, при которой засеваются вновь расчищенные в лесу места, срубленные деревья сжигаются.

ное), вотчинное и поместное (светское) землевладение соседствовали с монастырским и церковным.

Черносошное землевладение сохранилось только на окраинах страны: на севере и в недавно присоединенных районах на юге и востоке. В центральных районах основная масса земель государственных крестьян была расхищена феодалами.

Владелец вотчины, как показывает сам термин, мог передавать ее по наследству (от отца к сыну и т. д.), продавать и закладывать. На вотчинном праве имели земли князья, в период феодальной раздробленности бывшие главами самостоятельных политических образований, а ныне сохранявшие лишь титул как обозначение родового звания, княжата — потомки удельных князей Рюриковичей и Гедиминовичей и, наконец, бояре, составлявшие высшую прослойку феодального общества и вместе с князьями и княжатами занимавшие ведущее место в судебно-административном управлении страной. Все они в качестве вассалов великого князя обязаны были вместе с ним участвовать в походах во главе своих отрядов, состоявших из дворян и «служилых людей по прибору» (из верхушки черносошного крестьянства, холопов и свободных элементов городского населения).

Поместья предоставлялись в пожизненное владение за военную службу дворянам, низшей, военно-служилой прослойке феодалов, составлявших так называемый двор князя или знатного боярина. Держатель поместья (в конце XV в. называвшийся поместником, а впоследствии помещиком) не мог передавать его по наследству, продавать или закладывать. В качестве первых получателей поместий от великого князя выступали дворяне и средняя прослойка феодалов, так называемые дети боярские. Эта форма землевладения была сравнительно новой. Она широко использовалась при присоединении новых земель (Новгородской, Тверской, Псковской и Рязанской) и поэтому получила наибольшее распространение именно на этих территориях. Кроме того, помещичье землевладение занимало значительное место в центре страны, в Московском, Ярославском, Звенигородском уездах, где оно соседствовало с вотчинным и монастырским.

Рост военно-служилого войска в период объединения страны поставил задачу материального обеспечения дворянства. В условиях слабости товарно-денежных отношений средством этого обеспечения могла быть в первую

очередь земля. Правительство внимательно следило, чтобы «земля из службы не выходила», т. е. дворяне владели этой землей до тех пор, пока они сами или их дети несли военную службу. Обычно поместье наследовали сыновья или близкие родственники (племянники и т. д.). По достижении 15 лет сыновья могли служить «в припуск», т. е. с отцовского поместья, если оно было достаточно большое, или они получали поместья в стороне («отвод»). За исправную службу «оклад» (размер поместья) повышался, а за неисправную (неявку на смотр, побег со службы и т. д.) поместье могло быть «отписано» на государя.

Поместное (условное) землевладение оказало значительное влияние на старинные формы земельной собственности, вотчинное (наследственное) землевладение также все более связывалось с военной службой. С течением времени помещики и мелкие вотчинники становились основной опорой складывающегося самодержавия.

Стимулируя развитие поместной системы, правительство в то же время старалось подчинить своему контролю владения удельных князей и бояр. Эту задачу облегчала эволюция вотчинного землевладения. Лишь удачливые представители княжеско-боярских родов сумели приспособиться к новым условиям жизни, к развитию товарно-денежных отношений, делавших невыгодным старый способ хозяйствования, основанный на труде холопов. Большая же часть старинных княжеско-боярских владений быстро беднела. Они продавали или закладывали свои владения. Крупные вотчины делились на части, дробясь между многочисленными наследниками. Владельцы вотчин, не имевшие потомков, часто отдавали свои земли в монастыри на помин души.

Монастыри пополняли свои владения как за счет присвоения черных земель, так и за счет отчуждения земель светских феодалов (с помощью вкладов, покупки, мены). По свидетельству иностранного современника Адама Климента, в 1553 г. треть населенных земель в России принадлежала духовенству. Вотчины отдельных монастырей достигали огромных размеров. Так, во владении Иосифо-Волоколамского монастыря находилось более 80 тыс. десятин пахотной земли, Кирилло-Белозерского монастыря — от 13 до 19,6 тыс. десятин с 23 селами, 3 приселками и 892 деревнями. Не уступали им и Троице-Сергиев и Савво-Сторожевский монастыри.

Феодальная собственность на землю сочеталась с мелким крестьянским землевладением. В условиях крепостнической системы, складывавшейся на Руси после ордынского ига, надел крестьянина, являвшийся своеобразной «натуральной заработной платой»², служил средством обеспечения помещика рабочими руками. Размеры крестьянских наделов были еще сравнительно велики.

Основную рабочую силу в хозяйствах светских и духовных землевладельцев составляли «люди дворовые» (холопы) и зависимые крестьяне. В трудах советских исследователей Е. И. Колычевой и В. М. Панеяха всесторонне показано положение холопов в социальной структуре общества. Родившиеся в холопстве назывались «людьми старинными». Владелец холопов мог также получить их в наследство от своих родителей по духовной грамоте (тогда они назывались духовными), или в приданое (приданные), или приобрести благодаря вступлению их в брачные отношения с его холопами («по робе холоп, по холопе раба»), или захватить в бою (полоняники), или купить, фиксируя сделку в полной грамоте (полные). Покупка холопов чаще всего происходила «с доклада» (с разрешения) наместнику или волостелю (управлявшими городом и волостью), поэтому они иногда именовались докладными. Наряду с полными и докладными холопами появляются «люди кабальные», ранее входившие в состав полных холопов. Полные, докладные, кабальные люди, как правило, жили во дворе своего господина, получая поэтому наименование дворовых.

Все эти группы дворни занимали различное место в хозяйстве феодалов. Часть их использовалась в качестве дворовой челяди, т. е. поваров, конюхов, сапожников, хлебников, плотников и т. д. Большинство же холопов обрабатывало господскую пашню (страдные люди). Они часто имели движимое и недвижимое имущество — «собину» или «данье» от господина, в состав которых входил рабочий скот, взятый иногда с условием уплаты господину оброка. Бывали случаи, когда по завещанию вотчинник передавал своим людям ту землю, которую они раньше обрабатывали на господина. Холопы, таким образом, превращались в крестьян. Высшая прослойка дворовой челяди состояла из ключников, приказчиков сельских и городских дворов, военно-служилого люда. Привилегированный разряд дворни составляли также военные послужильцы, сопровождавшие служилых людей в много-

численных походах. Вооружали своих военных слуг вотчинники сами. Церковно-монастырские хозяйства, отказываясь от применения труда холопов, постепенно начинали все больше использовать наем свободных людей, главным образом из числа крестьян.

Крестьяне несли повинности в пользу государства, если жили на государственных землях, или в пользу владельца, если они жили в частных владениях. В подавляющем большинстве они искони «сидели» на землях отцов, дедов и прадедов.

С течением времени стал слагаться обычай, что крестьяне, обложенные тяглом (т. е. государственными повинностями в денежной и натуральной форме), — так называемые тяглые люди, не могут покидать своих земельных участков. В жалованных грамотах первой половины XVI в. все чаще появляются запреты феодалам принимать «письменных людей и тяглых из иных волостей».

Монастыри и помещики пользовались всякими средствами, чтобы удержать за собой крестьян. Публицист первой половины XVI в. Максим Грек говорит, что, если изнуренный непосильным трудом и поборами монастырский крестьянин «восхощет инде негде переселиться, не отпускаям его, увы, аще не положит установленный оброк, о нем же толика лета жил есть в нашем селе»³. Итак, крестьянин должен был выплатить годовой оброк, прежде чем выйти на свободу, что было непосильно бедняку. В дальнейшем у него оставалась альтернатива — либо бежать от феодала, либо быть и впредь за ним: выйти законно он уже не мог. Крестьяне, обязанные тяглом и попавшие в «письмо», т. е. писцовую книгу, на практике правом перехода не пользовались. Право выхода их детей и племянников, не попавших в писцовые книги, было стеснено.

Картина приниженного положения крестьян (даже чернососных, не говоря уже о частновладельческих) была бы неполной, если не упомянуть об их сословной неполноправности. Крестьяне, как в любом феодальном обществе, фактически были лишены права собственности на основное средство производства — землю. Они устранялись от участия в органах управления, их роль в судебных и финансовых учреждениях на местах была совершенно ничтожна. Весь аппарат власти находился в руках господствующего класса.

Несколько лучше было положение государственных

черносошных крестьян. В Северном крае (районах Новгорода, на Двине, Белоозере) крестьяне входили в общины-волости, где они были связаны целой системой взаимных обязательств. Община-волость являлась по существу владельцем занимаемой ею земли; она вела тяжбы о земле в случае возникновения каких-либо споров, распоряжалась землей, уступала ее другим лицам, заключала соглашения с крестьянами, берущими ее на «оброк». Во главе общины стоял выборный староста.

Из состава общины выделялось некоторое число богатых крестьян. Крестьяне, связанные с торгово-промышленной деятельностью, иногда превращались в видных предпринимателей-купцов. Такими были, например, Строгановы, Кологривовы и другие. «Лутчие», зажиточные крестьяне занимали важнейшие выборные должности в волости — сотских, десятских, пятидесятских, старост и целовальников.

Развитие товарно-денежных отношений приводило к обнищанию и обезземеливанию значительных масс крестьянства. Уже в конце XV в. в результате расслоения деревни, роста внутреннего рынка и усиления податного гнета на Руси появляются бобыли. Как правило, это были безземельные обедневшие крестьяне, не имевшие возможности платить государственную подать. Среди бобылей нередко встречались кузнецы и другие мастерские люди.

Процесс обезземеливания и расслоения феодальной деревни способствовал возникновению еще одного разряда зависимого крестьянства — новоприходцев. Новоприходцы — это крестьяне-бедняки, вынужденные искать «пристанища» у богатого хозяина, феодала. Обычно они заключали договоры, «порядные» грамоты, согласно которым вступали в зависимость к господам. Новоприходец брал «подмогу» (средства) на обзаведение. В течение одного года он был или освобожден от платы оброка господину, или платил его «вполы», в уменьшенном размере. За это он обязан был «деревня розпахати и поля огородити и старые хоромы починити и новые поставити». Если он эти обязанности выполнял, на взгляд господина, плохо, то платил «заряд» — неустойку, достигавшую иногда значительной суммы (5—10 рублей) *. По истечении льготных лет новоприходцы начинали выполнять барское «зделье» (работали на пашне) вместе с основной мас-

* Стоимости 20 четвертей земли с жилыми и хозяйственными строениями.

сой зависимых крестьян, платить оброк и «тянуть» государство тягло. Новоприходцы как один из наиболее подвижных элементов деревни представляли интерес для тех земельных собственников, хозяйство которых не было достаточно обеспечено рабочими руками.

Таковы важнейшие разряды зависимых людей, составлявших основную массу населения русской деревни. В это время происходит сокращение черных земель, уменьшение крестьянских наделов и увеличение повинностей. Натуральные поборы переводятся на деньги, к барщине начинают постепенно привлекаться не только холопы, но и крестьяне. Все чаще и чаще они попадали в кабалу, усиливалась крепостническая зависимость крестьянства, ухудшалось его положение. Максим Грен писал, что крестьяне «во скудосте и нищите всегда пребывают, ниже ржаного хлеба чиста ядуще, многажды же и без соли от последняя нищеты»⁴.

Серьезные сдвиги произошли в ремесле и торговой жизни. Хотя многие изделия по-прежнему изготавливались в отдельных мелких хозяйствах (тачалась обувь, шилась одежда, местными силами выполнялись строительные работы), домашняя промышленность постепенно уступала место ремеслу, сосредоточенному в городах.

Крупнейшим городом была столица Русского государства — Москва. Ее население превышало 100 тыс. человек. Территория Москвы охватывала огромный район в пределах нынешнего Садового кольца. Польский историк XVI в. Матвей Меховский считал, что Москва вдвое больше Праги, а англичанин Р. Ченслор находил, что она превышала Лондон с предместьями. В Новгороде в то же время насчитывалось свыше 26 тыс. жителей. Эти два города намного превосходили другие русские города. В Коломне к середине XVI в. насчитывалось около 3200 человек, в Можайске — 5700 человек.

«Славным и многонародным градом» был Ростов. Достигли расцвета Дмитров и Серпухов, в котором к 1552 г. проживало свыше 2500 человек. Сильно вырос и Нижний Новгород, особенно после того, как в 1525 г. туда был переведен «торг» из Казани.

В центре преобладали города, в которых наряду с посадским населением имелась значительная прослойка феодалов-беломестцев (светских и духовных), т. е. владельцев дворов, освобожденных («обеленных») от уплаты государственных налогов. Территория города делилась

на крепость — «город» и посад (торгово-ремесленное поселение). На севере чаще всего встречались города-посады, где не было ни крепостей, ни дворов светских феодалов, хотя монастыри и церкви владели многими городскими участками. На северо-западе располагались крепости, лишённые торгово-ремесленного люда (например, некоторые псковские пригороды).

Городки-крепости с незначительным ремесленным населением на юго-западе и юго-востоке страны служили для обороны от вторжения литовских и польских феодалов и от набегов крымских и казанских ханов. В этих городках были расположены военные гарнизоны «приборных» людей (пищальников и др.), набравшихся преимущественно из среды городского населения или «гулящих» (вольных) людей. По мере продвижения русской границы на юг численность посадского населения здесь постепенно возрастала.

Потеряв во время иноземного ига часть своих земель, Россия оказалась отрезанной от основных торговых путей. Торговая блокада, предпринимаемая Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским, привела к тому, что русское ремесло задыхалось от отсутствия сырья для развития главных отраслей производства — цветных металлов (меди, олова, свинца), необходимых для различных отраслей металлообработки, строительства гражданских зданий и крепостных сооружений, для отливки оружия и ремесленных инструментов, в частности труб для добычи соляного рассола и цренов для выварки соли. Из-за торговой блокады сокращалось поступление в Россию благородных металлов. Все эти металлы, за исключением железа, в России не добывались. В развитии ряда ремесел Россия по-прежнему зависела от европейского импорта.

Среди ремесел преобладали деревообработка, кожевенное дело, хлебопечение, металло- и железообработка. Почти полностью отсутствовало сукноделие, в особенности изготовление тонких сукон.

В ряде отраслей промышленности с середины XVI в. происходит заметный прогресс техники. В железообрабатывающей промышленности применяется уже механическая сила (вододействующие молоты). Широкую известность приобретают русские пушечники, вытеснившие из этой отрасли производства иностранцев. В солеваренной промышленности развивается техника глубокого бурения,

повысившая производительность варниц. Новые технические приспособления появляются и в мельничном деле. Так, у Спасо-Прилуцкого монастыря в 1543—1544 гг. на Вологде была водяная мельница «на одной трубе, два колеса немецкие». Совершенствуется и строительное дело.

Все это создало предпосылки для промышленной специализации отдельных частей страны. Выделились соледобывающие районы (Старая Руса, Двинское Поморье, Соль Вычегодская, Соль Камская, Балахна, Кострома, Нерехта, Соль Переяславская и др.). Началось производство мыла в районах развитого скотоводства — Вологде и Ярославле. Крупным центром металлообработки был Новгород, снабжавшийся железной рудой из Водской и Ижорской земель, а цветными металлами — из-за границы. Мастерство кузнецов (особенно оружейных) достигло высокого уровня в Серпухове и Твери. Развивалось железоделательное производство в Вологде и небольших городках северо-запада — в Орешке, Тихвине, Заонежье и т. д.

На небольших местных рынках, изобиловавших предметами мелкого производства, господствовали ремесленники и торговцы. Степень специализации в отдельных ремеслах была довольно высокой: так, среди ремесленников, изготавливавших обувь, известны голенщики, каблучники, подошвенники и т. д. Мастера, производившие промышленные полуфабрикаты, постепенно превращались в мелких товаропроизводителей.

Однако в целом товарное производство, мало затронувшее основные отрасли хозяйства, не могло удовлетворить потребности развивающегося государства. Задачи централизации приводили к тому, что государство выступало организатором крупных производств, в первую очередь литейного и денежного дела.

Из постоянных торговых связей все большее значение приобретали сношения Новгорода с Москвою, а также поморского севера с центром страны. От Холмогор путь в Москву шел через Вологду, Галич, Кострому и Ярославль. По Волге и Шексфе торговые караваны направлялись из Москвы и центральных областей на Белоозеро. Налаживаются связи и между другими областными рынками. Этому процессу содействовала ярмарочная торговля. В отдельных городах и при крупных монастырях происходят ярмарки, приуроченные к дням местных праздников. Так возникали общерусские связи, ведущие к складыванию общерусского рынка.

В межобластной торговле большую роль играли привилегированные торговцы — гости, а также монастырские купчины из Соловецкого, Волоколамского, Троице-Сергиева монастырей, ведущих крупную торговлю солью и хлебом. С ростом экономического влияния торгово-посадских кругов торговые привилегии монастырей постепенно начинают сужаться.

Крупные торговые люди, гости принимали большее участие во внешнеторговых операциях и меньшее — в торговле на местных рынках. Вместе с тем они были и своеобразными великокняжескими агентами по торговым делам. Многие из них становились крупными землевладельцами, занимали видное место в правительственном аппарате. Казначейми и печатниками стали Головины, Ховрины, менее важные посты занимали Дьяконовы, Алексей и Федор Сырковы и другие.

Вместе с экономическими и социальными сдвигами исчезали и такие пережитки феодальной раздробленности, как частновладельческие города. Во владении духовных и светских феодалов оставалось небольшое число городков (например, Алексин — митрополичий, Зарайск — монастыря Николы Зарайского, Касимов — татарских царевичей, Холопий Торг — князей Прозоровских, Ворытиск, Одоев, Новосиль северских князей, Ворытских и др.). Кроме того, постепенно сокращались привилегии светских и духовных феодалов в остальных городах. Большие слободы и дворы служилых людей и духовенства все более и более включаются в тягло.

Своеобразные формы принимала социальная организация посадского населения. Трудом Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова доказано существование корпоративного устройства ремесленников в XII—XV вв. Следы цеховой организации ремесленников можно обнаружить и в русском городе середины XVI в. Лучше всего изучены ремесленные корпорации Великого Новгорода. Представители отдельных профессий, по наблюдениям А. П. Пронштейна, селились здесь, как правило, компактно, на одной территории (улице), имели свою организацию во главе со старостой и патрональным храмом. Другой формой организации ремесленников были торговые ряды. В Новгороде существовало особое объединение носильщиков. Возможно, колокола для ряда крупнейших монастырей и литейщиков в Пскове (при Покровской церкви).

В городе и деревне изредка применялся наемный труд. В кузнечном деле, строительстве, на перевозке грузов и в деревне наемные работники (детеныши, в частности) по своему положению больше приближались к феодально-зависимым людям, чем к вольнонаемным рабочим позднейшего времени. Получая за свою работу денежный «оброк» в виде своеобразного задатка, они фактически попадали в кабалу к нанимателям.

В целом в России, как и в странах Европы, в первой половине XVI в. происходит рост влияния городов и бюргерства. Однако влияние городского населения на судьбы страны в России было гораздо меньше, нежели в передовых странах Европы, в силу слабости товарно-денежных отношений. Крепостническое государство сковывало возможности участия купечества и ремесленников в политической жизни страны.

ЛЕСТНИЦА ЧИНОВ

Российское царство первой половины XVI в. распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие свои особенности в управлении, «живые следы прежней автономии», по выражению В. И. Ленина¹. В пределах государства существовали полусамостоятельные удельные княжества. Сохранялись удельные княжества брата Ивана IV Юрия Васильевича (Углицкий удел), их двоюродного брата Владимира Андреевича (Старицкий удел), менее значительные владения служилых князей Воротынских, Одоевских и Мстиславских. Впрочем, эти княжата постепенно из числа «слуг» — вассалов переходят на положение великокняжеских бояр, теряя остатки былой самостоятельности.

Высшая власть осуществлялась великим князем и Боярской думой. Великому князю принадлежало право назначать на основные государственные должности, в том числе в Боярскую думу. Он же возглавлял вооруженные силы страны и ведал ее внешнеполитическими делами. От его имени издавались законы, а великокняжеский суд являлся высшей судебной инстанцией. При всем этом власть великого князя была в какой-то мере ограничена Боярской думой — сословным органом княжеско-боярской аристократии. Велика была роль Боярской думы во внешнеполитических делах. Бояре ставились во главе по-

сольских миссий и вели переписку; внешнеполитические дела рассматривались великим князем совместно с боярами. Присутствовали они и на приемах послов.

Создание единого государства привело к расширению великокняжеского хозяйства, управление которым было сосредоточено в руках дворецкого. Дворецкий не только ведал населением великокняжеского домена, но часто выступал и в качестве судьи последней инстанции. Долгое время дворецкие активно участвовали в решении общегосударственных дел. В их распоряжении находился большой штат дьяков, постепенно специализировавшихся на выполнении различных государевых «служб». Наряду с казначеями дворецкие осуществляли контроль за деятельностью местных властей — наместников и волостелей. Дворецкие выдавали и скрепляли своей подписью жалованные грамоты, они же судили самого феодала или население его владений по спорным делам с соседями — монастырями, другими феодалами, черносошными крестьянами или посадскими людьми. Суд по наиболее важным уголовным делам — разбою и воровству с личным — также входил в компетенцию дворецких.

К числу важнейших дворцовых чинов принадлежал конюший — фактический глава Боярской думы. Даже дворецкий на лестнице чинов рассматривался «честию» (т. е. должностью, положением) вторым, т. е. «под конюшим первым». В обязанность кравчего входило во время пиров ставить на великокняжеский стол «яству» и подносить великому князю чаши с напитками. Оружничему были подведомственны «доспех» (т. е. вооружение) и «мастеры» (т. е. оружейники). Этот чин считался ниже конюшего, дворецкого, кравчего. Еще ниже на иерархической лестнице дворцовых чинов находились ясельничие, сокольничие, ловчие и постельничие. Они набирались из среды дворянства. Ясельничие являлись помощниками конюших и ведали государевой конюшней. Принимали они участие и в организации дипломатических сношений с погайцами, доставлявшими в Россию коней. Постельничий ведал великокняжеской спальней. Сокольничий и ловчий организовывали охоту. К мелким придворным чинам относились стольники, распоряжавшиеся княжеским застольем. Средством обеспечения этих дворцовых чинов были кормления — доходы, собиравшиеся с путей *.

* Путь — определенная административно-территориальная единица с населением, подведомственным дворцу.

Большая государственная печать (лицевая сторона). 70-е годы XVI в.

Уделы постепенно переставали быть источником создания новых княжеств для ближайших родичей русского государя, а становились неотъемлемой частью общегосударственной территории. Вместе с тем была еще не изжита экономическая и политическая раздробленность страны. Этим и объясняется, что центральное управление удельными землями в Москве сосредоточивалось в руках особых дворецких, ведомство которых было устроено по образцу московского.

Наряду с уделами пережитком политической раздробленности оставалась церковь, своего рода государство в государстве. Обладая огромными земельными богатствами, наделенная всевозможными податными привилегиями, она оказывала существенное влияние на политику великокняжеской власти. Многочисленные монастыри,

разбросанные по необъятной территории России, пользовались поддержкой местного служилого люда и купечества и могли безбедно существовать также за счет бесчисленных денежных и натуральных вкладов «на помин души» и «о здравии». Постепенно монастыри превратились в тормоз на пути экономического и политического развития России.

Проблема соотношения светской и церковной власти — одна из наиболее острых для всякого централизованного или централизующегося государства. Она не возникала там, где не было политических и социально-экономических предпосылок для складывания централизованных государств (в некоторых политических образованиях, входивших в состав лоскутной «Священной Римской империи», в городах-государствах Аппенинского полуострова и во многих других районах Европы).

В наиболее же централизованных государствах Европы проблема соотношения светской и церковной власти решалась одновременно или почти одновременно с Россией. Во Франции в 1516 г. король получил право назначения на высшие церковные должности. Церковь стала превращаться в часть государственного аппарата, а король получил новый источник доходов. В 1561 г. в ходе гражданских, имевших форму религиозных, войн на севере страны была проведена частичная секуляризация церковных католических земель. В 1547 г., т. е. в тот же год, когда Иван IV венчался на царство, английская королева Елизавета, регентша при своем сыне Эдуарде VI, подтвердила решения Генриха VIII о секуляризации церковных владений, узаконив независимость англиканской церкви от папы.

Союз православной церкви и русских государей имел многовековую историю. Ивану III в 90-е годы XV в. удалось добиться независимого от константинопольского патриарха права назначения русского митрополита. Предпринятые им же попытки ликвидировать (секуляризовать) земельные богатства монастырей успеха не имели: церкви удалось отстоять свое могущество.

На время Ивана Грозного приходится резкое обострение отношений церкви и государства. Следует иметь в виду, что положение церкви осложнялось борьбой различных идеологических течений среди церковников. Господствующим было воинствующее направление — иосифляне, получившие название от главы этого течения —

Иосифа Волоцкого (1439—1515). Они решительно выступали в защиту земельных богатств церкви и тезиса о том, что духовная власть выше светской, отстаивали внешнее благочиние и букву церковных писаний. Они создали теорию о божественном происхождении великокняжеской власти. Их противники — так называемые нестяжатели — для укрепления позиций церкви склонны были допускать некоторые реформы, в частности ликвидировать владение монастырей населенными землями. Вопреки иосифлянам они не придавали существенного значения формальному благочинию, подчеркивая роль мистических элементов веры. Отрицали они и многие сочинения отцов церкви. Они утверждали, что «писаний» много, но не все они «истинны». Наконец, только на время было притушено, но не заглохло окончательно пламя «еретических» движений, охватившее полувеком раньше всю страну.

Идейный разброд в церкви давал возможность великокняжеской власти лавировать между различными группами церковников, используя в своекорыстных интересах то одну из них, то другую, неуклонно проводя политику централизации страны.

Наряду с положением уделов и церкви насущным вопросом политической жизни страны была организация управления. В условиях централизации территориальный принцип, по которому прежде строился правительственный аппарат, был недостаточно пригоден.

Зародышем новых органов управления страной, отвечавшего интересам широких кругов дворянства, была государственная казна с ее штатом дьяков, распределение дел между которыми происходило по функциональному признаку. Казна была центральным финансовым ведомством, государственным архивом, занималась организацией дипломатической службы, вооруженных сил и обеспечением земель дворян-помещиков. Во главе казны стоял казначей, назначаемый из лиц, близких великим князьям, хорошо знавших финансовые вопросы и вопросы внешнеполитических сношений. Помощником казначея был печатник, ведавший государственной печатью, которой скреплялись важнейшие документы. Текущую работу вели дьяки, под руководством которых начали формироваться будущие приказы.

Значение этого процесса нельзя преувеличивать. Складывание приказной системы относится к более позднему

времени. В первой половине XVI в. дьяки еще входили в состав казны и двора. Отдельные отрасли казенного управления еще не обособились и не сформировался определенный штат для исполнения каждой из них. Задача формирования центрального аппарата власти до середины XVI в. в полной мере осуществлена не была.

Великокняжескую власть в городе как центре основной территориально-административной единицы страны — уезда, а также в волости — полусамостоятельной единице внутри уезда — представляли наместники и волостели, осуществлявшие основные функции местного управления. Им, как правило, было подведомственно население в области суда, включая дела о разбое и убийстве. Наместники часто ведали сбором таможенных, проездных (мыто) и некоторых других пошлин. Наместник с его штатом тиунов и доводчиков (слуг и судебных исполнителей) обеспечивался за счет «корма», собиравшегося с местного населения (по приезду в город или волость — «въезжий» корм, а также корм на три праздника — рождество, пасху и Петров день) и за счет судебных пошлин, сбора с торговых мест и других пошлин. Размер наместничьего корма фиксировался в доходных списках.

Если в период образования единого Русского государства появление наместничьей администрации представляло собою крупный шаг по пути подчинения бывших удельно-княжеских территорий центральной власти, то к середине XVI в. институт наместников уже изжил себя и не соответствовал новым задачам укрепления власти на местах.

Система бесконтрольного хозяйничанья на местах ложилась тяжелым бременем на крестьянство и посадский люд. Она не давала возможности сосредоточить финансы в центральном ведомстве — казне и мешала укреплению государственного аппарата.

В первой половине XVI в. принимались меры к ограничению власти наместников. Постепенно утверждается правило их погодной смены. Из юрисдикции наместников изымалось население монастырских и светских вотчин — «оприч душегубства (убийства) и розбоя с поличным». Для решения совместных тяжб подданных великого и удельных князей великий князь часто назначал собственных представителей, тем самым сужая компетенцию суда наместника. Судом по делам, касающимся непосредственно светских и духовных феодалов, ведал теперь сам

великий князь или «боярин введенный» (часто дворецкий). Суд наместника в черносотных волостях и на посадах ограничивался обязательным участием в судопроизводстве старост и «лучших людей» из числа местных жителей.

Ограничение власти наместников происходило одновременно с увеличением политического влияния дворянства на местах и с усилением централизации местного управления. Появились так называемые городовые приказчики, вербовавшиеся из состава провинциальных дворян. В их руки перешла часть прерогатив наместников, они осуществляли административно-финансовую власть на местах и прежде всего в городах как административных центрах уездов. Городовым приказчикам было подведомственно «городовое дело» во всех его видах, «ямчужное дело» (варка пороха), они наблюдали за набором временно используемых на подсобных работах вспомогательных сил — «посошных людей», набравшихся по разверстке с сох (окладных поземельных единиц). В их ведении находилась организация материального обеспечения обороны городов. Расширению функций городских приказчиков свидетельствовало о постепенном складывании элементов сословного представительства в местном управлении.

Основу войска в середине XVI в. составляла дворянская конница. Впрочем, дворянской она может быть названа условно. Бояре и дети боярские (дворяне) были обязаны приводить с собою хорошо вооруженных конных воинов из числа своих военных холопов, которые и составляли массу дворянского войска. Свои отряды были у крупнейших феодалов, особенно у удельных княжат. Лук, стрелы, копья, кольчуги, щиты и шлемы издавна были вооружением конницы. Войску была придана артиллерия (наряд), роль которой постепенно увеличивалась. В качестве вспомогательных сил для транспортировки артиллерии и т. д. использовались так называемые посошные люди. Большая часть полков создавалась на время походов, а после их окончания распускалась по домам, границы страны оставались незащищенными.

Соседями России были государства, обладавшие более боеспособным войском. XVI век был временем, когда в Европе получило широкое распространение огнестрельное оружие, которое произвело переворот в организации вооруженных сил и привело к созданию регулярного войска. В Великом княжестве Литовском перешли к использова-

нию профессионального войска наемников, способного легко использовать новейшие средства вооружения. Спешили изменить систему вооружения и в Швеции. Эти преимущества, впрочем, не помогли соседним государствам в борьбе за неправо дело, как например, Великому княжеству Литовскому в стремлении удержать древнерусское наследство, равно как маневренность и мобильность конницы не предотвратила потери государственности Казанским и Астраханским ханствами.

В России процесс создания регулярного войска происходил медленно. В первой половине XVI в. появляются сначала в городах в качестве гарнизонов так называемые пищальники, вооруженные огнестрельным оружием — пищалями. Пищальники, набравшиеся из среды городского населения, были ядром регулярного войска. В зависимости от важности похода войско делилось на три или пять полков (сторожевой, передовой, правой и левой руки, ертаульный *). Во главе их находились военачальники из феодальной знати. Система местничества, определявшая положение и взаимоотношения воевод соответственно их знатности и предшествующей службе, препятствовала выдвижению талантливых полководцев на важнейшие командные должности, зачастую сводила на нет ратные подвиги войска. Трудно мобилизуемое, малоподвижное, плохо приспособленное к решению задач обороны и наступления войско не удовлетворяло потребности государства. Система вознаграждения земель за участие в боевых действиях не устраивала самих воинов. Итак, реорганизация войска дополняла тот перечень неотложных дел, которые стояли перед правительством.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

На престол в качестве первого русского царя взошел поздний сын великого князя Василия III (которому минуло 51 год, когда родился долгожданный наследник) и Елены Васильевны Глинской, дочери князя Глинского, выходца из Великого княжества Литовского, свойственницы последних сербских деспотов. Осторожный и трезвый политик, испытавший воздействие эпохи Возрождения, Василий III сочетал в себе горячий интерес к знанию с

* Полк, двигавшийся впереди для разведки.

макиавеллизмом честолюбивого правителя. Показная набожность прекрасно уживалась в нем с готовностью пожертвовать церковными традициями во имя государственных интересов, которые он отождествлял с собственной особой. Ради продолжения династии он расторг брак с бесплодной Соломонией Сабуровой и в начале 1526 г. женился на Елене Васильевне Глинской, избранной им «лепоты ради лица». 25 августа 1530 г. в блеске молний и под грохот грома, красочно описанных новгородским летописцем, появился на свет наследник престола. В его характере можно обнаружить византийскую изощренность, унаследованную им от отца и бабки Софьи Палеолог, племянницы последнего византийского императора. Необузданностью желаний и быстрой сменой настроений отличался не только дед Грозного Иван III, но и легкомысленная и вспыльчивая красавица Елена Глинская. Внук византийской царевны и свойственник сербских деспотов соединил в себе и хорошие, и дурные стороны характера предков. Государственный ум и малодушие, трезвый расчет и порывы необузданного гнева, религиозность, доходящая до ханжества, и неприятие церковной действительности, жестокость и сладострастие составляли причудливый сплав характера нового царя.

Подданных спешно приводили к присяге наследнику престола. 15 августа 1531 г. принесли присягу и новгородцы. В честь этого события в новгородском детинце была поставлена церковь Успения с приделом Усекновения честные главы Иоанна Предтечи. По иронии судьбы с усекновением «честных глав» будет в дальнейшем связана вся жизнь Ивана Васильевича. Ивану IV было 3 года, когда умер его отец. Регентшей при малолетнем великом князе сделалась его мать. Большое влияние на политику приобрел князь И. Т. Теляпнев-Оболенский. Молва считала его возлюбленным правительницы Русского государства.

Жизнь, казалось, шла теми же путями, которые проложил Василий III. Правительству Елены Глинской удалось расправиться с удельной оппозицией (удельные дядя Ивана IV были «пойманы»: Юрий Дмитровский — в 1534 г., Андрей Старицкий — в 1537). Шло интенсивное строительство городов, проведена была денежная реформа. На смену многочисленным местным монетам, вытеснявшимся и ранее новгородскими деньгами, пришла единая монета — копейка. Введение единой монеты облегчи-

ло торговые отношения разных земель Российского государства, способствовало установлению прочных связей между ними.

Во время регентства Елены Глинской внешнеполитическое положение страны резко ухудшилось. В Казани в 1535 г. пришел к власти хан Сафа-Гирей, выходец из Крыма, злейший враг России. Воспользовавшись обострением русско-литовских отношений, казанские отряды опустошили окрестности Нижнего Новгорода, Муром, Балахны, Костромы. В 1537 г. отряды Сафа-Гирея оказались под Муромом. Набеги сопровождались разорением земель и уводом тысяч русских людей в плен.

Это не способствовало стабилизации внутреннего положения. Не желавшие безропотно подчиняться княгине-регентше влиятельные княжата и бояре ждали случая, чтобы захватить власть. И такой случай представился. В 1538 г. княгиня Елена неожиданно скончалась. Поговаривали, что она была отравлена. Сразу же после этого произошел государственный переворот. Телепнева-Оболенского бросили в темницу.

Власть перешла к Боярской думе, в которой все время происходила борьба двух группировок: первую во главе с князем И. Ф. Бельским, склонным продолжать линию на дальнейшую централизацию государства, представляли главным образом северские княжата, во второй под руководством Шуйских, решительных противников сильной великокняжеской власти, объединились ростово-суздальские княжата. В ходе сложной политической борьбы Шуйским удалось одержать временную победу. Под разными предлогами И. Ф. Бельский был посажен «за сторожи», а его сторонники — разосланы по селам или казнены. В феврале 1539 г. Шуйские добились нового успеха: с престола был сведен митрополит Даниил, сторонник И. Ф. Бельского.

Рост феодального гнета, усилившегося в результате хозяйничанья временщиков, вызвал уже к концу 30-х годов обострение классовой борьбы. Положение крестьянства и холопства давно вызывало озабоченность передовых мыслителей. Видный публицист середины XVI в. Еромолай Еразм писал о положении крестьян: «Всегда в волнениях скорбных пребывающа, еже не единого ярма тяготу всегда носяще»¹.

Другой формой протеста подавленного нуждой и бесправием сельского населения было бегство, которое при-

обрело значительные размеры. Холопы бежали, унося с собою и нехитрое имущество, и грамоты, которыми оформлялась их добровольная по форме, но вынужденная по существу, продажа в полное рабство. Так, у одного тверского помещика в 1548 г. отсутствовали даже документы на землю — «крепости украдены, побежал холоп, покрадчи»².

Черные, великокняжеские крестьяне, потерявшие значительное количество земель, вели упорную борьбу за утраченные общинные владения. Так, черносотенные крестьяне Белоозера явочным порядком зачали монастырские земли: «...перелезши... за межу, землю пашут и лес секут и пожни косят, а называют... своею землею»³. Великий князь, а позднее царь, как правило, стоял на стороне монастыря и в тех случаях, когда монастырские власти прибегали к насилию, чтобы овладеть крестьянским имуществом.

Ухудшение положения крестьян привело к увеличению «разбоев»: «Многие села и деревни розбойники розбивают, и животы... грабят, и села и деревни жгут, и на дорогах многих людей грабят, розбивают и убивают многих людей до смерти. А иные многие люди... розбойников у себя держат. А к иным людям розбойники с разбоем приезжают и розбойную рухлядь привозят»⁴. «Лихие люди», «тати», «розбойники» (по терминологии официальных документов) объявились во всех центральных и северных уездах страны — Дмитровском, Звенигородском, Кашиинском, Московском, Новоторжском, Бежецком, Коломенском, Переславль-Залесском. Наместники и волостели оказывались зачастую бессильными справиться с крестьянскими «разбоями».

Под прямым давлением дворянства Шуйские должны были пойти на проведение губной реформы*. Первые губные грамоты относятся к октябрю 1539 г. Сущность реформы, изученной Н. Е. Носовым, сводилась к тому, что важнейшие уголовные дела о «ведомых лихих людях» сначала во Искове и некоторых северных землях (Новгородской и Вятке), а затем и в центре изымались из компетенции наместников и передавались в ведение дворянства, из среды которого для этой цели выбирались «из-

* Губа — округ, но территории обычно совпадал с уездом.

любленные головы» (старосты). Реформа, отвечавшая классовым интересам дворянства, была направлена против растущего сопротивления крестьянства и не могла решить вопроса о самих причинах разбоев. Она также подрывала судебную-административную власть феодальной знати на местах. Контроль над деятельностью губных органов в центре осуществляла специальная комиссия Боярской думы («бояре, которым разбойные дела приказаны»).

Проведение реформы сопровождалось дальнейшим усилением роста влияния И. В. Шуйского, в феврале 1540 г. бывшего «воеводой и наместником московским». В практику законодательной деятельности в это время внедряются решения Боярской думы как равнозначные с великокняжескими указами. Иван Грозный позднее вспоминал, как Шуйский третировал его, малолетнего великого князя, обреченного терпеть унижения и насмешки со стороны сменявшихся как в калейдоскопе временщиков. На всю жизнь у него остались воспоминания о неустроенном детстве, об оскорблениях, нанесенных ему князьями Шуйскими.

Первый период правления Шуйских оказался кратковременным. Отход части сторонников Шуйского и митрополита Иоасафа на сторону Бельских привел к победе последних в конце 1540 г. Из заточения были выпущены И. Ф. Бельский, князь Владимир Старицкий и сын Андрея Углицкого Дмитрий. И. Ф. Бельский стал крупнейшим военачальником и организатором дипломатической службы. В 1541 г. на берегах Оки ему удалось отразить поход крымского хана Сагиб-Гирея, поддержанного османским войском и артиллерией.

В 1540—1541 гг. правительство Бельских снова (хотя и непоследовательно) взяло курс на осуществление централизаторских мероприятий, отвечавших интересам дворянства. Продолжилось осуществление губной реформы. Политика правительства Бельских вызвала недовольство княжеской оппозиции. Был составлен заговор, возглавлявшийся князьями Шуйскими. В него вошли видные представители московского боярства и «новгородцы Великого Новгорода все городом». Князь И. В. Шуйский «многих детей боярских к целованию привел, что быти в их совете»⁵.

В начале 1542 г. сравнительно легко был совершен государственный переворот. Власть вторично перешла

в руки Шуйских, ориентировавшихся на союз с влиятельными церковными землевладельцами. Внутренняя политика правительства, по наблюдениям С. М. Каштанова, резко изменяется именно с 1542 г. Крупные духовные феодалы получают самые щедрые льготы — освобождение от уплаты ямских денег, выполнения посолской службы и т. д. Это противоречило политической линии, проводившейся ранее. Приостанавливается строительство городов. С 1543 по 1549 г. прекращается выдача губных и даже наместничьих грамот, ограничивавших права и привилегии наместников и волостелей.

Время второго правления Шуйских, запечатлевшее высшую степень боярской реакции, тяжело отразилось на положении народных масс. Согласно выводу А. Г. Манькова, именно к началу 40-х годов XVI в. относится резкий подъем хлебных цен. Ареной ожесточенной классовой борьбы стали и русские города. Горожане стремились освободиться от гнета феодалов и открыть широкую дорогу дальнейшему развитию ремесел и торговли. Происходивший на посадах рост имущественного неравенства неизбежно приводил к столкновениям между выделявшейся из общей массы посадского населения эксплуататорской группой торговцев и ростовщиков и беднотой.

Особенно острым было положение в Пскове, осложнявшееся частыми недородами, пожарами и другими стихийными бедствиями. Наместники, которые, по словам летописца, были «сверени, аки льове, а людие его, аки зверие, дивии до крестьян»⁶, нещадно эксплуатировали население. Зимой 1540 г. правительство вынуждено было сменить одного из наиболее ненавистных Пскову наместников — Андрея Шуйского и выдать псковичам грамоту «судити и пытати и казнити... разбойников»⁷. Аналогичные губные грамоты были выданы другим городам. На время произвол наместников был ограничен. Однако вскоре они возобновили беззастенчивый грабеж населения. Новое движение в Пскове в 1544 г. развертывалось в обстановке хлебного недорода, бедствия горожан усугублялись частыми в том году пожарами. Движение приняло, очевидно, широкие размеры, если летописец называет его «великим».

Усиливается антифеодалная борьба и в другом крупнейшем городе — Великом Новгороде. Еще в конце 1543 г. в грамоте, адресованной новгородским губным старостам, назывались нередкие случаи «душегубных дел»

и «грабежей» в Новгородской земле. В 1545 г. на Новгород возложили тяжкую повинность. Нужно было выставить «с дворов» 2 тыс. вооруженных пищальников. Между зажиточными кругами Новгорода и массой посадского населения, на которую падала основная тяжесть разверстки, обострились отношения.

Городское население вовлекалось и в распри отдельных боярских и княжеских группировок. Какие-то волнения городских людей сопровождали в 1537 г. арест князя Андрея Старицкого.

Одновременно с выступлением новгородцев в январе 1542 г. в поддержку Шуйских был «мятеж» и в Москве, приведший «в страхованье» (в ужас) великого князя.

«Страхованье» вызывали и бояре, в 1543 г. ополчившиеся на его любимца Ф. С. Воронцова за то, что его «великий государь жалует и бережет»⁸. Вмешательство Макария и бояр Морозовых спасло Воронцова, отделавшегося недолгой ссылкой в Кострому. Наконец, Иван не выдержал... 29 декабря 1543 г. великий князь велел «поймати первосоветника» Андрея Шуйского, который был убит псарями. «И от тех мест начали бояре от государя страх имети»⁹.

Однако до конца боярского правления было еще далеко. После падения Шуйских у власти утвердилась группа старомосковского боярства во главе с И. И. Кубенским, Ф. С. Воронцовым, А. Б. Горбатым, М. М. Курбским. Правительство Воронцова предпринимало усилия для ликвидации привилегий крупных феодалов, в первую очередь церковных, и укрепления союза великокняжеской власти с дворянством и городами. Усиление государственной власти при Воронцовых позволило возобновить активную внешнюю политику на востоке. Однако после первых же внешнеполитических неудач правительство Воронцовых пало.

Последними временщиками в малолетство Ивана IV были его родственники, пришедшие к власти летом 1546 г., — бабка княгиня Анна Глинская и дядья М. В. и Ю. В. Глинские, стремившиеся использовать великого князя для укрепления своих позиций. Воспользовавшись близостью к трону, Михаил Васильевич стал боярином, а его брат Юрий к тому же еще и кравчим. Ради дальнейшего упрочения своего положения они готовы были поддержать Ивана IV и организовать его венчание на царство.

Поспешила добиться новых выгод и церковь во главе с митрополитом Макарием, вторым организатором венчания Ивана на царство. В феврале 1547 г. был собран собор, который пополнил список святых для общерусского церковного почитания за счет местных «святых». Их отбор был произведен в соответствии с основными идеологическими стремлениями воинствующих церковников — иосифлян. Из 23 «святых» большую группу составляли новгородские церковные и политические деятели, в их числе архиепископы Иоанн, Иона и Евфимий, Михаил Клопский, Савватий и Зосима Соловецкие, Александр Свирский и, наконец, Александр Невский. Московский митрополит Иона попал в «святые» за заслуги в отстаивании независимости русской церкви. Ученик Сергия Радонежского — Никон, Пафнутий Боровский и Макарий Калязинский принадлежали к числу наиболее почитаемых иосифлянским духовенством церковных деятелей. Внешнеполитическое значение имела канонизация и некоторых других «святых», в том числе Александра Невского, культ которого должен был идеологически способствовать делу защиты русских земель.

Увеличение количества святых сулило припести церкви новые доходы, а превращение корпуса святых в общерусский пантеон утверждало всемогущество церкви на всей территории государства. Канонизация местных святых должна была поднять авторитет русской церкви и за пределами государства, особенно в то время, когда константинопольская патриархия утратила свое влияние.

Иосифлянской доктрине был придан официальный характер (в чин венчания было внесено несколько отрывков из сочинений Иосифа Волоцкого), а церковь становилась посредником между богом и царем: недаром свой венец Иван припаял из рук митрополита.

На первых порах после венчания Иван оставался игрушкой в руках бояр, княжат и церковных иерархов. Он был занят собственными делами — поездками по монастырям и святым местам, торжественным празднованием свадьбы с Апастасией Романовой. Окончания «безгосударства» и своеволия бояр не было видно.

ВОССТАНИЕ В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ

Столица Российского государства — Москва привлекала не только удельных князей, бояр, но и ремесленников. В шумной и многолюдной столице легче было затеряться беглому холопу, владевшему каким-нибудь ремеслом. Сюда устремлялись и разоренные долгами и налогами крестьяне. «Прежде... сего Москва не такова бьяше народна, якоже ныне народом умножися в лета благоверного царя и великого князя Ивана Василиевича всеа Руси», — записал летописец, живший в это время в столице¹.

В 1547 г. Москва оказалась ареной драматических событий. На второй день пасхи (12 апреля) в столице вспыхнул пожар. К счастью, он охватил небольшую часть города. Сначала загорелась лавка в торгу в москотинном ряду. Потом вспыхнули лавки и в других рядах. По Никольской улице пожар перекинулся вплоть до стен Китай-города. Черного люда столицы больше коснулся следующий пожар, 20 апреля. За Яузой вдоль Москвы-реки выгорели кварталы гончаров и кожевников.

Самым опустошительным был третий пожар, который начался 21 июня на территории Воздвиженского монастыря, «на Арбатской улице на Острове» (позднейшая Воздвиженка, ныне ул. Фрунзе). Из-за сильного ветра «потече огонь яко молния». Пожар на юге достиг ручья Чертолья (ныне Чертольский пер. у Кропоткинских ворот). Загорелся и Кремль, где погибли все деревянные сооружения, в том числе Казенный двор, Оружейная и Постельная палаты. Дым в Кремле был настолько силен, что в Успенском соборе чуть не задохнулся митрополит Макарий, которого вывели по тайнику к Москве-реке. Однако и там «бысть дымный дух тяжек и жар велик». Митрополита обвязали веревками и стали спускать к самой реке. Веревки оборвались, и чуть живого Макария отвезли в Новинский монастырь.

Один за другим разрывались со страшным грохотом кремлевские стены, где хранилось «зелие пушечное», далеко разлетались кирпичи, горела деревянная кровля на кремлевских стенах, ветер срывал горящую дранку и разносил ее за пределы Кремля. Испуганные лошади вырывались из царских конюшен, сбивали все на своем пути, давя на бегу падающих в дыму людей. Суетились и кричали люди, устремляясь к единственным оплотам спасения — церквям. Но и их стены трескались от нестерпи-

мого жара. Огонь проникал внутрь, выжигая церковную утварь, уничтожая высоко почитавшиеся иконы Рублева и Дионисия, неся гибель укрывшимся там людям.

Дотла выгорел Китай-город, причем на этот раз не только торг, но и Большой посад, горели заморские ткани, плавилось драгоценное оружие. В пламени погибли Пушечный двор и все строения по Рождественской улице. Пожар свирепствовал больше 10 часов и истребил основную территорию столицы (примерно до черты нынешнего бульварного кольца).

Позднейшие летописцы сообщали, что выгорело 25 тыс. дворов и погибло 1700, 2700 или 3700 человек. Возможно, это преувеличение, но, действительно, такого колоссального пожара не помнило уже несколько поколений. В городе, ранее изобиловавшем свежей рыбой, дичиной, говядиной, а теперь превратившемся в дымящееся пенелище, не хватало продовольствия, чистой воды. На пятый день после пожара черные люди Москвы «восколебашеся аки юроди». Волнения охватили московский посад.

Состав участников движения 26 июня не вполне ясен. Летописцы пишут то о «черных людях», то о «москвичихах болших и черных людях». Курбский замечал позднее, что «бысть возмущение велико всему народу». «Возмущение» было направлено против Глинских, снискавших общую ненависть. Об обвинениях родных Иван IV слышал 23 июня, когда для обсуждения чрезвычайного положения у постели больного митрополита в Повинском монастыре собралась Боярская дума. Здесь присутствовали благовещенский протопоп Федор Бармин, князь Ф. И. Скопин-Шуйский, И. П. Федоров, князь Темкин-Ростовский, Захарья и Ф. М. Нагой. От Бармина, Скопина-Шуйского и Федорова Иван IV слышал, что его бабка якобы «волхованием сердца человеческие вымаша и в воде мочиша и тою водою кропиша, и оттого вся Москва выгоре»². Недовольные всевластием Глинских и бесчинствами их слуг низы городского населения обвиняли Глинских в поджоге Москвы.

Позднее всю вину за смерть Ю. Глинского царь возлагал на бояр: «Наши изменные бояре... напустиша на род»³. Трудно, однако, поверить его словам. Грозный писал об этом спустя более 15 лет, в тот период, когда его взаимоотношения с боярами достигли крайней степени обострения.

Собравшись «вечьем», т. е. вспомнив исчезнувшую форму городского управления восставшие двинулись в Кремль. Юрий Васильевич Глинский, опасаясь народного гнева, спрятался в митрополичьем Успенском соборе. Его там нашли, избили, связали и «едва жива» выволокли из придела Дмитрия Солунского, а потом всем «миром» убили камнями на площади. Тело его было положено на торжище, как «осуженника». Таким образом, действия восставшего городского люда приобретали характер общегородского «вечевого» суда. Остальным Глинским удалось избежать расправы. Михаила, по-видимому, не было в Москве, а Анна спаслась бегством. Не обнаружив в Кремле других представителей ненавистной им семьи, черные люди направились ко дворам убитого ими князя Юрия, «людей княже Юрьевых безчисленно побиша и живот князей разграбиша». Одновременно с людьми князя Глинского пострадали и дети боярские, недавно прибывшие из Северских городов *.

По-видимому, 27—28 июня Москва была полностью во власти черного посадского населения. 29 июня движение приняло новые формы. «Многие люди черные» отправились в подмосковную царскую резиденцию — село Воробьево, куда еще 26 июня Иван IV перебрался из самого центра пожара — с Арбатской улицы. Они двинулись «скопом», в полном вооружении — «якоже к боеви обычай имяху». Дело в том, что 26 июня прошел новый слух, будто Глинские подожгли Москву, «норовя приходу ино-племенных», т. е. крымского хана. Прибывшая в Воробьево вооруженная толпа испугала нововенчанного царя. «Узрев множество людей», он «удивися и ужасеся». Грозный писал даже, будто бояре «наустили были народ и нас убить». Через три года, вспоминая о событиях июня 1547 г., царь прямо говорил: «От сего... вниде страх в душу мою и трепет в кости моя и смирися дух мой»⁴. По-видимому, царь Иван не преувеличивал своих впечатлений от июньских событий. Однако особе монарха ничто не угрожало. Восставшие по-прежнему были настроены только против Глинских. Они считали, «будто государь хоронит у себя их». Царю и его приближенным удалось разубедить возбужденную толпу. Поддавшись уговорам царского окружения, черные люди ни с чем отправились восвояси. А еще через несколько дней Иван IV повелел произвести тщательный обыск. «Все повелевшие клика-

* Города по нижнему и среднему течению рек Сож и Десна.

ти», т. е. призывать народ к «возмущению», были захвачены и публично казнены.

Так закончилось движение посадских людей Москвы в июне 1547 г. Оно было первым в России XVI столетия массовым выступлением низов городского населения с программой защиты его от власти феодальной знати. Разгром движения обрек на временное бездействие верхи города, ускорил процесс сближения купеческой верхушки, в первую очередь московской, с царскими слугами.

Советские исследователи недавно поставили вопрос о двух путях развития экономики и социальных отношений России, которая в середине XVI в. могла пойти или по крепостническому пути или по пути развития зарождавшихся предбуржуазных отношений. Для центра страны вопрос был решен: усиление крепостничества и самодержавия там опиралось на прочные позиции светских и духовных феодалов. Иначе и быть не могло в условиях страны, где экономическая консолидация отставала от политической. Некоторая заторможенность экономического развития России была следствием более чем двухвекового ордынского ига.

Неудача московского восстания отражала слабость городов центра. Зато города и посады Севера быстро развивались. Среди них видное место занимали Новгород, Углич. Последний имел большие возможности для участия в волжской торговле, с одной стороны, и в центрально-русской, с другой. С востока поступали ткани, изделия восточного ремесла, с севера угличские купцы привозили столь дорого ценившуюся на рынках запада пушнину. Здесь быстрее и раньше определилось противоречие между верхами и низами города. В 1547 г. новгородский архиепископ Феодосий направляет Грозному послание, в котором говорит о «великих» убийствах и грабежах, совершавшихся в городе и по погостам. Архиепископ требовал закрытия корчем, где часто собирался недовольный люд; по его просьбе они были в том же, 1547 г. закрыты. В 1549 г. «смутяшася людие града Устюга». Волнения были направлены не против великокняжеской администрации, как в Пскове или Москве, а против быстро богатевшей верхушки города. В 1550 г. движение городских низов началось во Пскове. Здесь борьба развернулась в двух направлениях: все посадское население выступало против царской администрации, и в то же время сам посад разделился на два лагеря — меньшие, черный посадский

люди, и верхушка, богатей. Русские городские восстания, объективно направленные против феодального строя, влились в общую струю движений бюргерства и крестьянства Европы. Европа конца 40-х годов XVI в. стала ареной массовых движений, участниками которых были горожане и отчасти крестьяне. Во Франции в 1548 г. отдача на откуп соляного налога, приведшая к увеличению податного бремени, вызвала на юго-западе страны — в Гиени, Керси, Лимузене и Сентонже широкое движение, центром которого стал город Бордо. Это движение было направлено против финансовой политики государственной власти. В 1549 г. Англия пережила массовые движения в Корнуэлле, Девоне, Норфолке. Движущей силой этих восстаний было крестьянство, в Девоне — католическое, в Норфолке — протестантское. Хотя эти выступления проходили под религиозными лозунгами, они выражали протест крестьянских масс против наступления новых порядков, поддерживаемых государственной властью.

Выступления во Франции и Англии показали более высокую ступень классового самосознания крестьянства и бюргерства, более высокий этап народных движений. Было, однако, нечто общее, что роднило движение бюргерства и крестьянства стран Европы, — это их направленность против усиления гнета со стороны централизованного или централизующегося государства. Городские движения в России потребовали перемен системы управления.

СОБОР ПРИМИРЕНИЯ

Восстание 1547 г. привело к новой расстановке политических сил. Михаил Глинский, «убоящися князя Юрьева убиения», пытался бежать в Великое княжество Литовское. В ноябре одновременно с ним туда же направился и князь И. И. Турунтай-Пронский. Узнав о погоне, Глинский и Турунтай вернулись в Москву и были задержаны при попытке проникнуть в столицу. Глинских постигла опала. Все их имущество было отобрано.

Восстание, направленное против «князей и бояр и всех властелей, в бестрашии живущих»¹, показало необходимость перемен. После разгрома восстания Иван IV искал новых путей управления государством, жадно впитывая своим советникам.

Кружок молодых мечтателей, приближенных к царю, вынашивал планы переустройства России, сулившие ей великое будущее. В своих пламенных проповедях протопоп придворного Благовещенского собора Сильвестр призывал к покаянию в грехах. Костромской дворянин Алексей Адашев, вместе с отцом съездивший в Турцию, рассказывал о порядках в Османском султанате.

К началу 1549 г. влияние Алексея Адашева и Сильвестра значительно усилилось. Они представляли интересы не только боярства, но и широкого круга феодалов. Состав Боярской думы был расширен почти в три раза, что должно было свести на нет влияние нескольких аристократических фамилий, монопольно распоряжавшихся ею в годы малолетства Ивана IV. Однако это было половинчатой мерой — в Думу попадали представители знатнейших боярских и княжеских фамилий — Нагих, Захарьиных-Юрьевых, а в 1549 г. ее дополнили И. В. Шереметев, Д. И. Курлятев, М. Я. Морозов и др.

Одновременно в Думе выделился небольшой круг лиц, который князь Курбский позднее по польскому образцу назвал «Избранной радой». Главным лицом в правительстве Избранной рады с 1549 г. был Алексей Федорович Адашев. Неродовитый дворянин, Адашев обладал широким политическим кругозором. В течение десятилетия, будучи у кормила власти, он сумел наметить важнейшие направления внутренних преобразований, часть которых удалось провести в жизнь.

Близки к Адашеву были бояре князь Д. И. Курлятев и И. В. Шереметев. Большое влияние на деятельность Избранной рады оказывал и Максим Грек. Благовещенский протопоп Сильвестр из-за своего сана формально не входил в состав правительства. Не будучи даже духовником царя, Сильвестр тем не менее оказывал значительное влияние на всю деятельность правительства. Фанатичная решимость Сильвестра, которому якобы были «видения», «аки бы явления от бога», по словам А. Курбского, твердая убежденность в правоте своих воззрений позволили ему стать вдохновителем правительства Избранной рады, истинным наставником молодого царя. Всю свою деятельность Сильвестр подчинял идее прославления монарха и утверждения его власти. Призывая царя к самосовершенствованию, покаянию и смирению, он не боялся братья за решение сложных политических вопросов. Составитель Пискаревского летописца

вспоминал, что Сильвестр «правил Рускую землю... за-
один» с Адашевым². Близкий к нестяжателям, Силь-
вестр был инициатором секуляризационных проектов, ко-
торые в случае их реализации могли дать правительству
огромный массив церковных земель. Под влиянием Силь-
вестра реформы конца 40-х — начала 50-х годов XVI в.
проводились за счет церкви. Однако на страже церков-
ных владений стоял митрополит Макарий, игравший ог-
ромную роль в оформлении идеологии самодержавия.

Программу Избранной рады четверть века спустя из-
ложил Андрей Курбский, до смерти считавший себя
верным ее идеалам. Праведный суд и оборона страны —
вот обязанности монарха³. Резкая критика иосифлян-
ского большинства с его стремлением к паживе сочета-
лась у деятелей Избранной рады с заботой о рядовом
воинстве. Избранная рада надеялась упорядочить законы
и управление страной, укрепить государственный аппа-
рат, подорвать основы экономического могущества церкви,
расширить источники поступления доходов в казну в ин-
тересах дворянства и боярства, создать новые возможности
для борьбы с растущим народным сопротивлением.

27 февраля 1549 г. было созвано совещание, на кото-
ром присутствовали Боярская дума в полном составе,
Освященный Собор во главе с митрополитом Макарием,
дворецкие и казначеи, воеводы, дети боярские и москов-
ские дворяне (государев двор). Фактически это был пер-
вый Земский собор. Иван IV выступил с широкой про-
граммой консолидации господствующего класса и прове-
дения внутренних реформ. Царь торжественно объявил,
что намерен положить конец бесправию, «продажам
(штрафам.— Авт.) и обидам великим в землях и в холо-
пах», которые «до его царьского возраста» «чинились» от
бояр и дворцовых чинов «детем боярским и всем христья-
нам». Царь то обвинял бояр, то грозил им опалами; они
в ответ каялись и били челом, чтобы он «опалы им не
учинил некоторые», но настаивали на том, чтобы все
жалобы местного населения рассматривались царским
судом. «Умильные» ответы царя свидетельствуют о том,
что главным вопросом политической жизни были отно-
шения правящей верхушки общества — боярства с уезд-
ным дворянством и «христианством», под которыми име-
лось в виду тяглое население города и деревни — крестья-
не и посадские люди, не участвовавшие в заседаниях
собора. Но борьба народных масс за свои права обуслови-

ла позицию царя, который вынужден был упомянуть о них наравно с детьми боярскими.

Созыв собора 1549 г., получившего в литературе название «собора примирения», свидетельствовал о создании центрального сословно-представительного учреждения, о превращении Русского государства в сословно-представительную монархию. При всем различии прав сословий, их взаимоотношений с верховной светской властью создание института сословного представительства в форме Земского собора, именуемого иностранцами на свой манер то сеймом, то риксдагом, то ландтагом, роднило, как подчоркнул М. В. Черепнин, Российское государство со всеми иными европейскими сословно-представительными монархиями (Францией, Англией, Испанией, Швецией, Речью Посполитой и т. д.).

Земский собор был (по мысли Н. И. Павленко) тем органом, который позволил верховной власти лавировать между дворянством и боярством. Он ограничил права крупных феодалов, расширив права дворянства. 28 февраля был принят приговор, согласно которому в ведении наместников остался суд над детьми боярскими только по самым главным уголовным преступлениям (убийству, краже и разбоем с поличным). По всем остальным вопросам дети боярские освобождались от суда наместников. Этим временем можно датировать начало оформления сословных привилегий дворянства.

ЗАРЯ РЕФОРМ

Значение «собора примирения» не исчерпывается приговором о прерогативах наместничьего суда. Была выдвинута широкая программа реформ управления, таможенной и земельной политики, в согласии с нею был составлен Судебник, проведены земская и другие реформы.

Однако эта программа реформ не была единственной. 8 сентября 1549 г. проект государственных преобразований подал Иван Семенович Пересветов, «выездец» (выходец) из Великого княжества Литовского, который прибыл в Россию около 1539 г. Он выступил в начале 40-х годов с проектом создания нового защитного оружия — гусарских щитов, мастерская по изготовлению которых была создана по распоряжению боярина М. Ю. Захарьина. А в 1549 г. И. С. Пересветов подал царю свои

сочинения, в которых излагал широкий проект реформ — воеппой, социальной и т. д. Кем только ни считали автора этих проектов: «затейником» (Н. М. Карамзин), «сатириком», скрывавшимся под псевдонимом (С. М. Соловьев), «официозным памфлетистом», который «новыми аргументами защищал точку зрения Грозного» (П. П. Миллюков), «теоретиком помещичьего класса» (Г. В. Плеханов), «воинником, ищущим личной наживы» (С. А. Щеглова), «абсолютистом» (М. Н. Покровский), И. И. Полосин предполагал, что под именем Пересветова скрывался сам царь.

Две темы пронизывают сочинения И. С. Пересветова — критика боярского произвола в годы малолетства Грозного и необходимость коренных реформ общественно-политического строя. Рассказывая о завоевании Византии в 1453 г. турками во главе с Мухаммед сулганом и условиях Византии в малолетство последнего императора Константина, Пересветов намекал на современные ему русские порядки. Вельможи — «ленивые богатые» — брали взятки за осуждение невинных, отпускали на свободу «татей и разбойников». Фактически именно они «обладали царством», разоряя его непомерными поборами и не думая о войске. Страна страдала от их междоусобий, ибо вельможи «сипели друг на друга яко змии»¹. Однако Пересветов не ограничивается сравнением России с Византией. Он открыто пишет о засилии бояр, об отсутствии «правды» (т. е. справедливого государственного строя). Публицист надеялся, что «грозный и мудрый царь», опираясь на воинников, будет управлять независимо от вельмож: «Не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»².

Подобно европейским мыслителям (Ульриху фон Гуттену, Макиавелли, Ж. Бодену), Пересветов обращался к примеру Османского султаната для критики порядков в России. На примере «Магмет-салтана» Пересветов рисует свой идеал монарха. Правитель сам издает законы, определяет величину денежного жалования воинникам, вельможам, рассылает по всем землям судей и сборщиков налогов и, наконец, является главой вооруженных сил. Однако все это он производит после совета с «верной думой», в которой нетрудно заметить сходство с Избранной радой Ивана IV.

Истинный сын своего времени, Пересветов признает феодальную иерархию, но при этом хочет заменить прин-

ции родовитости личными заслугами, храбростью и мудростью.

Главным героем сочинений Пересветова были не вельможи и даже не государь, как ни мудр и грозен он был, а «воинники», т. е. дворяне. Именно они, по мысли Пересветова, должны были стать наиболее прочной опорой царя. «Воинником царь силен и славен», — писал публицист. Поддерживая дворянство, Пересветов резко выступал против участия в войске холопов, из которых к середине XVI в. русское войско состояло не менее чем на три четверти. Предлагая ввести постоянное денежное жалование войску, Пересветов намного опередил время. Он был единственным мыслителем своего времени, кто сумел понять значение постоянного войска, получающего регулярное денежное жалование.

В интересах дворянства были и предлагаемые Пересветовым судебные реформы. Введение справедливого («правого») суда, отправляемого по своду законов специально назначенными царем судьями, находившимися на жаловании, при существовании отдельного суда для воинников — таков идеал Пересветова. «Прямой», т. е. «правый, беспосульный и безволокистый», суд должен контролироваться царем, который за любое нарушение, в особенности за взятки, мог беспощадно наказывать вплоть до того, что с живых сдирать кожу. Смертную казнь, по его мысли, полагалось наказывать трусливого воинника, нечестного торговца, «лихих людей» и их укрывателей. Жестокое наказание, в особенности за покушения на имущество, были вполне в духе русского законодательства, когда в нем все большее и большее место стала занимать смертная казнь как мера наказания. И в области правовых взглядов Пересветов выступил горячим защитником дворянства и самодержавия, обеспечивающего дворянству его права и привилегии.

В области финансов Пересветов, подобно своему современнику Ж. Бодену, предлагал провести строжайшую централизацию. Он настаивал, чтобы все доходы поступали в государственную казну прежде всего на нужды войска, а не самого царя. Финансовые реформы должны были быть проведены для пополнения государственной казны, откуда происходит выплата жалования воинникам, для уменьшения власти наместников, которые должны превратиться в обычных чиновников, для борьбы с коррупцией судей. Защита идеи централизации финансов

вытекала из самого существа общественно-политических воззрений И. С. Пересветова.

Жгучие вопросы современной ему жизни поставил и один из выдающихся мыслителей середины XVI в. Ермолай Еразм, псковский монах, в начале 50-х годов переселившийся в Москву и ставший священником дворцового собора Спаса на Бору. В ряде произведений, в первую очередь «Благохотящим царем правительница и землемерие» (1549), он обратил внимание на тяжелое положение крестьян-ратеев (землепашцев). На царя, по мысли Ермолая Еразма, возлагается обязанность заботиться не только о вельможах, но и о крестьянах, творцах основных материальных благ. «В начале же всего потребни суг ратееве; от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна». Еще точнее высказал он эту мысль в другом месте: «Вся земля от царя и до простых людей тех труды питаема»³. Никто до Ермолая Еразма столь отчетливо не выразил мысли о значении трудящегося люда деревни для общества. Положение же крестьян внушало серьезные опасения публицисту, поскольку они «всегда в волнениях скорбных пребывающе, еще не единого ярма тяготу всегда носяще...». Особенно велики были, по его мнению, денежная рента и ямская подать.

Стремясь улучшить положение землепашцев, Ермолай Еразм предложил ряд реформ. Первая из них сводилась к замене всех повинностей, лежавших на крестьянах, натуральной рентой из расчета платежа одной пятой части урожая. Как птицы, звери и скоты один раз в год «изнемогают линством» (линяют), так и ратаям следует нести «един тяжетелный ярм» в году. Это значительно улучшило бы положение крестьян, реальные повинности которых намного превышали устанавливаемую Ермолаем Еразмом норму. Но феодалы отнюдь не стремились уменьшить свои доходы ради улучшения положения крестьян. Кроме того, реформа, предусматривавшая возвращение к натуральной ренте от денежной, господствовавшей в это время в России, была утопичной, ибо была в противоречии с тенденцией социально-экономического развития России.

Более реальными были другие предложения Ермолая Еразма, в частности проект изменения поземельного устройства. Вместо четверти как земельной единицы Ермолай Еразм предлагал «скорости ради мерныя» и устраивания поземельных тяжб ввести новую единицу —

«четверогранное поприще» (квадратную версту), соответствовавшую обычному поместному окладу (т. е. 250 четвертей в одном поле). Вопрос об изменении единиц измерения земли был очень актуален. Правительство А. Адашева как раз задумало описание всей земли. Однако направленность реформы земельного измерения у Ермолая Еразма и правительства Адашева была разная. Сохи имели податное значение, «поприще» же Еразма было его лишено, поскольку частновладельческие крестьяне, по мнению публициста, не должны были платить никаких налогов.

Предлагал Ермолай Еразм и новую систему верстания (обеспечения) служилых людей, которые должны были постоянно жить в городе, куда крестьяне обязаны были доставлять им все продукты. Служилым людям предназначалась только земля, денежное жалование им отменялось. Все это должно было облегчить положение крестьянства, но одновременно и уменьшало доходы дворянства.

Ермолай Еразм увидел наиболее страшные язвы социального строя России и пытался залечить их реформами, предусматривавшими возврат к давно исчезнувшим порядкам. Он отозвался на вопросы, поставленные ходом исторического процесса России, учитывая интересы крестьянства. И это — главное — в его проекте реформ услышано не было.

Реформы, проведенные в жизнь Избранной радой, прежде всего касались вопросов управления и суда. Царский суд детям боярским должен был даваться после того, как они обратятся к царю, «учнут бити челом» (подавать жалобы) на бояр, казначеев и дворецких. Для приема этих просьб была создана специальная Челобитная изба, которой ведал Алексей Адашев. Порядок ее деятельности был установлен довольно строгий. Наказание ждало того боярина, который будет уличен в плутовстве. За проволочку в решении дела боярину, «кой... челобитной волочит», нельзя было избежать «кручины» (опалы) от государя⁴. Челобитная изба как высшее апелляционное ведомство и контрольный орган осуществляла контроль над другими правительственными учреждениями, боролась со злоупотреблениями паместников.

Вторым центральным органом управления была Посольская изба, ведавшая дипломатическими сношениями Русского государства. Во главе ее стоял И. М. Виско-

ватый. Для организации ямского дела (службы связи) в 1550 г. была учреждена Ямская изба. Население отныне переставало выполнять ямскую повинность, поставляя подводы и сооружая дворы, но должно было приискивать особых лиц (ямских охотников), на содержание которых оно платило наряду с ямскими деньгами еще и дополнительную «подмогу». Специальные ямские слободы содействовали налаживанию службы связи. Из ведения казны, которой раньше подлежали все дела дворцового ведомства, выделились Сытный дворец (1547—1548 гг.), Конюшенная изба (1548 г.) и др. Постепенно территориальный принцип управления заменялся функциональным. Лишь управление вновь присоединенными землями оставалось в руках территориальных ведомств (Казанский, Сибирский дворец).

Члены Освященного Собора, принимавшие участие в работе Собора примирения, на своем заседании в феврале-марте 1549 г. снова пополнили пантеон русских святых. Было канонизировано еще 16 «святых», это — князья Всеволод-Гавриил Псковский, Михаил Ярославич Тверской, церковные иерархи — новгородские архиепископы Нифонт и Евфимий, епископ Стефан Пермский, основатели монастырей — Савва Вишерский, Евфросин Псковский, Григорий Пельшемский, именами которых освящалось обращение в православие земель севера и северо-востока.

Идеологическим обоснованием этого пантеона должны были служить Великие Минеи Четьи, своеобразная церковная энциклопедия. Над объединением всех памятников церковной литературы в течение 20 лет под руководством Макария в бытность его новгородским архиепископом работало большое количество писателей, художников и писцов. Плодом их деятельности оказались 12 больших томов, включавших основную читаемую церковную литературу, переработанную в духе прославления Русской земли как единственного центра истинного христианства.

Содействуя росту идеологического престижа церкви, государство одновременно начало наступление на ее права — финансовые и поземельные. Это стало важным источником пополнения государственной казны. С 1549 г. прекратилась выдача тарханых (льготных) грамот. Большинство монастырей отныне лишались права беспошлинной торговли и обязаны были платить главные прямые налоги — ямские деньги и посоху. Лишь круп-

нейшие из них — Троице-Сергиев, Соловецкий, Кириллов и Новодевичий — сохранили свои привилегии, финансовые и поземельные.

Упорядочивая систему государственного управления, систему взимания налогов и создавая новые основы финансовой политики, сокращая привилегии духовных феодалов, правительство Избранной рады не забывало о главной задаче — укреплении господства над массами крестьянства и холопства. Было продолжено проведение губной реформы, задержанное в период правления Шуйских. Осенью 1549 г. правительство Адашева вернулось к выдаче губных грамот; губной наказ отличался от предшествующих: разбойные дела передавались в руки выборных губных старост не из крестьян, а из детей боярских. Полностью восстанавливалось центральное ведомство по разбойным делам — комиссия бояр, «которым разбойные дела приказаны». Эта комиссия послужила костяком Разбойной избы, первое упоминание о которой относится к 1555 г.

Деятельность правительства Адашева в 1549 г. ясно показывает быстрые успехи централизации управления страной, финансов, борьбы с непокорным крестьянством. Однако этим одним не исчерпывались задачи преобразования государства.

Включив в свой состав Новгород и Псков, Россия унаследовала и их внешнеполитические задачи, главной из которых была борьба с Ливонским орденом и Швецией за пограничные территории в Карелии и свободу торговых отношений. По-прежнему оставался открытым вопрос о воссоединении украинских и белорусских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского. Необходимо было организовать и борьбу с набегами казанских и крымских феодалов на востоке и юге страны. Для этого была предпринята реорганизация войска. Из старых отрядов пищальников летом 1550 г. выделились стрельцы — новый тип вооруженных сил. «Выборные стрельцы», располагавшие огнестрельным оружием, должны были жить в Воробьевой слободе, в непосредственной близости от резиденции царя. Это войско и по социальному составу отличалось от дворянской конницы. Оно набиралось из лишенного постоянных источников дохода городского населения. Для выплаты ему строго установленного денежного вознаграждения (по 4 руб. в год) был введен подворный налог — «пищальные деньги». Эта по-

стоянная личная охрана царя стала костяком будущей регулярной армии.

Правительство Избранной рады пыталось упорядочить отношения между служилыми людьми, участвовавшими в походах. В июле 1550 г. был издан приговор о местничестве, согласно которому устанавливалось старшинство первого (большого) воеводы большого полка по отношению к воеводам всех других полков, правой и левой руки, сторожевого и передового. Заключительная часть приговора категорически запрещала местнические споры во время военных действий. Ограничение местничества и создание стрелецкого войска подняли его боеспособность.

Важным вопросом было и обеспечение поместного войска землей. Новый Судебник, принятый в июне 1550 г., лишь подчеркнул остроту этой проблемы, но не решил ее. Статья 85, содержащая особое уложение «О вотчинах суд», предусматривала лишение права выкупа отчужденной земельной собственности. Этим она содействовала переходу вотчинно-боярской собственности в руки предприимчивых помещиков и, самое главное, монастырей. Законодатели сделали уступку именитым родственникам. Родичи, не подписавшие купчей грамоты, которой оформлялся акт купли-продажи, сохраняли в течение 40 лет право выкупа. Этот срок ясно показал компромиссный характер статьи. В целом уложение о вотчинах не ставило проблемы наделения землею служилых людей. Правительство обратилось к этому вопросу в октябре 1550 г., когда был выработан проект решения земельного вопроса. Тысяча дворян, выбранная из состава государева двора, должна была получить поместья в ближайших к Москве уездах, т. е. Московском, Звенигородском, Дмитровском. «Избранная тысяча» должна была составить тот основной костяк дворянства, из среды которого формировались военачальники и высшие чины судебной администрации. Находясь под Москвой, они могли в случае надобности быстро попасть ко двору для получения назначений. Замысел осуществлен не был, по-видимому, из-за недостатка свободных земель. Со следующего года была заведена так называемая Дворовая тетрадь, куда заносились все служилые люди государева двора, поставлявшие основные кадры для комплектования командного состава армии и замещения высших правительственных должностей. Строгий учет наличного состава верхушки дворянства способствовал оформлению в особую группу привилегированной части

служилых людей. Однако вопрос о земельном их испомещении (паделении земель) оставался открытым.

Самым крупным начинанием правительства компромисса было составление в июне 1550 г. нового Судебника, который заменил устаревший Судебник 1497 г. Исследования советских историков Б. А. Романова и И. И. Смирнова раскрыли правовое и социально-политическое значение этого выдающегося памятника русского законодательства. Если вспомнить жалобы, прозвучавшие на Соборе примирения, то можно было бы ожидать, что упорядочение судопроизводства будет отвечать чаяниям широких масс населения. Судебник предписал под угрозой «опалы» не «волочить дела», а давать управу жалобщикам «своего приказу». Взятничество каралось в основном денежными штрафами — получатель их должен был выплатить «истцов иск», заплатить втрое судебные пошлины, выплатить «пеню», «что государь укажет». Тем не менее Судебник 1550 г. сохранил старую систему управления и суда на местах, но с поправками: власть наместников и волостелей сокращалась за счет уменьшения полномочий в области суда и усиления контроля над ними со стороны местной и центральной администрации. Впервые в общегосударственном масштабе была введена губная реформа, и дела о «ведомых известных разбойниках» передавались в ведение губных старост. В судопроизводстве наместников и волостелей отныне должны были участвовать старосты и целовальники — своеобразные присяжные заседатели, защищавшие интересы дворянства, черного крестьянства и посадских людей, что, впрочем, не способствовало упорядочению отношений между кормленщиками и детьми боярскими и всеми «христианами», а, напротив, еще больше накаляло атмосферу.

Центральная власть начинала отныне строго контролировать деятельность наместников: без доклада государю наместники не имели права «татя и душегубца и всякаго лихого человека... не продати (наказать штрафом.— Авт.), ни казпити, ни отпустить»⁵. Каждодневный контроль над деятельностью наместников должны были осуществлять в центре царские дьяки, выдававшие наместникам уставные грамоты, а местному населению доходные списки, т. е. документы, которыми определялись судебные и финансовые прерогативы наместников. Устанавливался единый размер наместничьих судебных пошлин.

Были также отменены торговые привилегии феодалов. Право сбора тамги (основной торговой пошлины того времени) переходило к царской администрации. Отмена торговых привилегий феодалов удовлетворяла требованиям посадской и волостной верхушки (купцов и ремесленников), все больше втягивавшихся в торговлю.

В отношении крестьянства Судебник 1550 г. сохранил старые права выхода крестьян один раз в году (за неделю до и неделю после Юрьева дня — 24 ноября) после уплаты так называемого пожилого*. Стоя на защите интересов холоповладельцев, Судебник разрешил обращать крестьян в холопов, не считаясь с Юрьевым днем, даже без уплаты господину «пожилого». Однако в интересах создания поместного войска он запретил холопить детей боярских, годных исполнять служилые обязанности.

Судебник впервые обратил внимание и на посадских людей. В их интересах он постановил «торговым людям городским в монастырях в городских дворах не жити». Этим ограничивались возможности заклада посадских людей и затруднялось существование городских монастырских дворов. Новые законы должны были приниматься «с государева доклада и со всех бояр приговору» (статья 98)⁶. Дела должны были докладываться государю, а потом при участии Боярской думы принимался окончательный приговор.

В целом Судебник 1550 г. отражал компромисс между растущим дворянством, сторонником укрепления царского самодержавия, и феодальной знатью, цеплявшейся за права и прерогативы Боярской думы.

Царская власть, источники доходов которой были немногочисленны, а расходы велики, с завистью смотрела на богатства церкви и монастырей. Старец Артемий, представитель крайнего течения нестяжателей, писал в послании церковному собору 1551 г., что следует «седа отнимати у монастырей»⁷. На совещании молодого царя с митрополитом Макарием 15 сентября 1550 г. была достигнута договоренность: монастырям запрещалось основывать новые слободы в городе, а в старых слободах ставить новые дворы. Посадские люди, бежавшие от тягла в монастырские слободы, возвращались на посад.

* Пожилое — плата, вносившаяся крестьянином землевладельцу за пользование двором в случае ухода из его владений.

В январе-феврале 1551 г. церковный собор утвердил новый Судебник. На соборе были также зачитаны царские вопросы, составленные Сильвестром и проникнутые нестяжательским духом. Ответы на них составили сто глав приговора собора, получившего название Стоглавого или Стоглава. Царя и его окружение волновало, «достойно ли» монастырям приобретать земли, получать различные льготные грамоты⁸. Прекращение царского вспомоществования монастырям, имеющим села и другие владения, лишало их постоянного дохода. Пекущихся об устройстве «небесных дел» постигло еще одно разочарование: Стоглав запретил из монастырской казны давать деньги в «рост» и хлеб «в насп», т. е. под проценты, чем лишил монастыри верного и постоянного дохода. Наконец, монастыри вместе со всей землей должны были участвовать в сборе «полоняничных денег» (налога на выкуп пленных), хотя церковнослужителей устраивало больше возносить к небу молитвы о спасении «пленных свободе».

Ряд участников Стоглавого собора — сторонники иосифлянства — встретили программу, изложенную в царских вопросах, ожесточенным сопротивлением. Церковно-монастырское землевладение объявлялось незыблемым, а покушавшиеся на него — «хищниками» и «разбойниками». Митрополит Макарий, сославшись на такие фальшивки, как грамота римского императора Константина («Константинов дар»), ярлык хана Узбека, якобы выданный митрополиту Петру, и др., дал понять, что церковные иерархи всеми средствами будут противиться поползновениям «земного царя» покуситься на собственность служителей «царя небесного».

Программу церковных реформ, намеченную Избранной радой, в наиболее существенных пунктах Стоглавый собор отклонил. Гнев Ивана IV после собора обрушился на наиболее видных представителей иосифлянства. 11 мая 1551 г., т. е. через несколько дней после завершения работы собора, была запрещена покупка монастырями вотчинных земель «без доклада» царю. У монастырей отбирались все земли бояр, переданные ими туда в малолетство Ивана. На царя отписывались поместные и черные земли, захваченные «насильством» у детей боярских и крестьян за долги. Суздальским, ярославским и стародубским княжатам запрещалось делать вклады в монастыри. Правда, одновременно монастырям удалось добиться отмены прав выкупа родовых вотчин во всех случаях,

за исключением, когда это было оговорено в данной грамоте или завещании.

Наконец, в мае 1551 г. была произведена массовая «подпись» (подтверждение) старых жалованных грамот. Как правило, указывалось, что вновь подписанные грамоты не давали освобождения от ямских денег, посошной службы, мыта и тамги. Таким образом проводилось в жизнь решение Судебника об отмене тарханных грамот. В целом, несмотря на сопротивление церковников, правительству Избранной рады удалось нанести серьезный удар по церковно-монастырскому землевладению и податным привилегиям монастырей-вотчинников.

Ход Стоглавого собора показал, что чисто церковная идеология не могла удовлетворительно справиться с задачей теоретического обоснования самодержавия, более того, она даже приходила в некоторый конфликт с ним. Ф. Энгельс писал, что «...последовательный католик не может быть полезным гражданином. Это положение, подтверждаемое всей историей средних веков, действительно не только для протестантского, но и для всякого государства вообще. Кто все свое бытие, всю свою жизнь рассматривает как преддверие неба, не может относиться к земным делам с тем интересом, которого государство требует от своих граждан»⁹. То же можно сказать и о русской православной церкви.

Не решив финансового вопроса за счет секуляризации монастырской и церковной собственности, правительство Ивана IV вынуждено было изыскивать иные источники доходов. Введение новых прямых налогов — пищальных и полоняничных денег — потребовало произвести учет земель, с населения которых шли доходы в казну. Перепись, начатая в 1550 г., принципиально отличалась от предшествующих. Она сопровождалась реформой поземельного обложения: подворное обложение было заменено поземельным. На основных территориях вводилась новая единица — «большая соха», размеры которой колебались в зависимости от социального положения землевладельца. У служилых людей большая соха соответствовала 800 четвертям «доброй земли» в одном поле, у монастырей и церквей — 600 четвертям, у черносошных крестьян — 500. Таким образом, при равном количестве земли больше сох было у черносошных крестьян, которые, следовательно, и платили больше податей. Новая реформа

несколько ущемляла интересы церковного землевладения. Это соответствовало общему духу реформ.

Вторым мероприятием по упорядочению финансовой системы была таможенная реформа. Наметился переход к единой рублевой пошлине, которая должна была заменить основные подати и пошлины — торговые, ямские, пищальные деньги. Тенденция унификации таможенного обложения и постепенное введение откупной системы сбора косвенных налогов, восторжествовавшей в соседних государствах, в частности Великом княжестве Литовском, содействовала развитию товарно-денежных отношений в стране, ликвидируя молочную опеку наместничьей администрации. Одновременно происходила и унификация мер. Результаты реформ в этой области охарактеризовал немец-опричник Штаден: «Нынешний великий князь достиг того, что по всей Русской земле, по всей его державе одна вера, один вес, одна мера»¹¹. Таможенная, так же как и губная, реформа, подводила к ликвидации кормленной системы.

Реформа, получившая название земской, проводилась крайне медленно. Она охватывала лишь районы черносошного крестьянства, где отсутствовало вотчинное и помещичье землевладение. Как показал Н. Е. Носов, реформа отвечала интересам зажиточной верхушки деревни, верхов посада, а также дворянства, для которых отныне создавалась возможность участия в сословно-представительных учреждениях на местах.

Реформы 50-х годов должны были захватить и область культуры, подчинив строгой регламентации духовную жизнь светских и духовных лиц, упорядочив быт монахов и монахинь.

ПОДРАЙСКАЯ ЗЕМЛИЦА

Жителям нашей столицы и ее гостям хорошо известен собор Василия Блаженного. Прославленным зодчим, создавшим это удивительное и неповторимое сооружение, был Постник Яковлев, по прозвищу Барма. По легенде, жестокий царь Иван Грозный, якобы не желая повторения этого храма, приказал ослепить талантливого мастера. Зато, может быть, не всем известно, что собор был поставлен в честь Покрова Богородицы потому, что в этот день, 2 октября 1552 г., русским войскам после многомесячной и тяжелой осады удалось овладеть Казанью.

Почему же на главной площади посада русской столицы был поставлен памятник в ознаменование взятия Казани?

Восточным соседом Российского царства было Казанское ханство, в 30—40-х годах XV в. выделившееся из состава Орды и включившее несколько народностей, живших в Среднем Поволжье: татар, образовавшихся из болгарского населения края, чувашей, мари (черемисы). Однако феодальная раздробленность в ханстве не была преодолена вплоть до середины XVI в. Высшая знать и духовенство находились в постоянной вражде друг с другом. Частые дворцовые перевороты в Казани приводили к смене ханов. С середины XV в. власть в Казани принадлежала золотоордынской династии, а в 1521 г. перешла к крымской. Очередной переворот сопровождался опустошительным набегом на Русь, смерчем прокатившимся вплоть до самой Москвы. Смена династии резко обострила русско-казанские отношения. С 1534 по 1545 г. казанские войска ежегодно совершали набеги на восточные и северо-восточные окраины Российского государства. Набеги приводили к разорению и обезлюдению этих районов. Многие опустевшие села зарастали травой и быльем. Жители скрывались в лесах, бежали в глубину Руси. А пленные продавались не только в Османский султанат, составляя там наряду с кавказскими народами основной контингент рабов, но и в страны Средиземноморья. Купцы — греки, армяне, турки — вновь привозили русских пленных в Россию и здесь продавали их в холопы. Судьба пленных была одной из самых насущных проблем русской общественной жизни. «Домострой» предписывал молиться не только о здравии царя и о «христолюбивом воинстве», но и «о пленных свободе». Вопрос о выкупе пленных обсуждался на церковном соборе 1551 г. и был занесен в Стоглав.

Актуален был и вопрос о волжской торговле. По Волге русские товары (меха, кожи, деревянная посуда) шли на восток — в Среднюю Азию, Иран, Сирию, на Северный Кавказ, в Турцию. Шелковые ткани, в том числе шемахинская тафта из Средней Азии и Ирана, жемчуг, искусно выделанное оружие (черкесские шлемы и сабли) с Северного Кавказа ввозились на Русь также волжским путем. Стремясь сохранить контроль над торговлей с Востоком, Казанское ханство всячески пренебрегало раз-

витию русской волжской торговли, имевшей многовековую традицию *.

На восток в пределы Казанского ханства русских феодалов манила ширь благодатных и неосвоенных земель, за счет которых можно было бы решить вопрос испомещения дворян. Дед Ивана IV, Иван III, в 1487 г. ненадолго завоевал Казань и стал лавры борца за христианство с «неверными». Основание Васильсурска, укрепление Темникова при Василии III создавали прочные оплоты русской власти на правых притоках Волги. Еще более твердой опорой, чем вновь возведенные крепости, была прорусская партия в Казани, формировавшаяся из находившихся под двойным гнетом (феодалным и национальным) черемис, мордвы и других народов. Ясачные чуваша, например, уплачивали в пользу казанского хана 20 видов податей. Борьба России против Казанского ханства активизировала и чувашей, которые в 1546 г. совместно с горными марийцами подняли восстание против Казани. С 1546 по 1551 г. Чувашия еще не входила в состав Российского государства, но и не подчинялась казанскому хану. Поддержка русских войск феодалами этих народов оказала существенную помощь в период казанских войн.

Осенью 1548 г. был предпринят поход на Казань. 20 ноября во Владимир отправились из Мещеры князья Д. Ф. Бельский и В. И. Воротынский и другие воеводы. Должен был быть и Шигалей — Шах-Али, бывший казанский хан, живший в Касимовском ханстве, убежище свергнутых с престола ханов. Из-за теплой и дождливой погоды только в конце января войска добрались до Нижнего Новгорода. «Весь лед покры вода на Волге, и пушки и пищали многие проваляшеся в воду», утонули и люди в «продушинах», которых под водою не было видно¹. Три дня ожидал царь «путного шествия», не дождался его и к 10 февраля вернулся в Нижний Новгород.

На следующий год в октябре 1549 г. окрестности Галича подверглись нападению казанского отряда во главе с Араком-богатырем. Костромскому наместнику удалось не только отогнать казанцев и разбить их войско, но и захватить много пленных, которые были присланы в Москву.

* В 1263 г. арабский путешественник Ибн Батута в устье Волги видел одни только русские суда.

Весной 1550 г. умер казанский хан Сафа-Гирей, престол наследовал его двухлетний сын Утямиш-Гирей, которого сообща посадили крымцы и казанцы. В ноябре того же года состоялся новый поход Ивана IV. Ни напутствие митрополита, призывавшего воевод к единению, ни грандиозные сборы и на этот раз ни к чему не привели. Царь расставил воевод, велел сделать «туры» (деревянные временные подвижные башни), приготовившись к длительной осаде. Но пришли «ветры сильные, и дожди великие и мокрота немерная»². Вновь Иван IV ожидал погоды, и вновь вынужден был увести свое войско из-под Казани.

Дорогостоящие и безрезультатные походы ясно показывали, что завоевания Казани нельзя добиться, если пользоваться лишь такими отдаленными базами, как Нижний Новгород или Арзамас. «Казанского для дела» должен был быть воздвигнут новый город. Отдельные части крепости срубили под Угличем и водою спустили по Волге. Недостающие части подготовили на месте, и через четыре недели в мае 1551 г. в устье р. Свияги в 20 верстах от Казани поднялся новый город — Новгород Свияжский (Свияжск). Чувашские послы Мехмед Бозубов и Ахкубек Тогаев явились с просьбой принять их в подданство России. Части чувашей было разрешено в течение трех лет не платить дань — ясак. Все же остальное население — чуваша, мари, мордва — было «приведено к правде», т. е. должны были поклясться в том, «что им государю царю и великому князю служить... и дани и оброки черным людям всякие платити»³. Чтобы не произошло какой-нибудь ошибки в платеже ясака, тотчас были посланы писцы, которые и описали 12 тыс. луков * «гораздых» воинов.

По отношению к новым подданным Иван Грозный проявил небывалую щедрость. Все лето 1551 г. к нему ездили мурзы и десятские по 500 и 600 человек, которых он принимал так, что было в диковинку и выдавшим виды царедворцам. Он поил их за своим столом и жаловал богатыми подарками — доспехами, конями и оружием и драгоценными шубами. Празднование «светлой, без крови победы» завершило процесс добровольного вхождения Чувашии в состав Русского государства. Присоединение чувашского народа к феодальной России не изменило его

* Лук — окладная единица.

от социального и национального гнета, но, как подчеркивает советский исследователь В. Д. Дмитриев, создало предпосылки для жизни и хозяйствования в мирных условиях, что, в свою очередь, способствовало развитию производительных сил и росту народонаселения.

В 1551 г. русские войска действовали не только непосредственно в районе Казани. Все перевозки на Волге, Каме, Вятке были заняты детьми боярскими, стрельцами и казаками. Видя серьезность положения, арские люди (башкиры) потребовали от правящей в Казани крымской династии сложить оружие и сдаться на милость царя. Оставив в Казани семьи, крымцы бросились спасаться бегством. На Вятке они были пойманы. 46 пленных при огромном стечении народа были преданы смертной казни.

Весть о неудаче сломила дух осажденных. Казанские мурзы стали присылать челобития, обещая выдать всех русских пленных и соглашаясь принять «на государство» ставленника Ивана IV царя Шигалея, давно доказавшего преданность русскому престолу. Иван Грозный принял условия капитуляции — малолетний царь Утямыш-Гирей с матерью были отправлены в Москву. Шигалея он «учинил» на Казани и придал ему к Казани Луговую сторону да «всю Арскую». Свияжск вместе с Горной стороной* образовал другую административную единицу. Такое разделение Казанского царства пришлось не по душе Шигалею, но ему пришлось смириться.

Царь Шигалей и казанские князья дали шертную грамоту (присягу), что не будут вступать в Горную сторону, половину Волги, и даже ловцы будут соблюдать границу на реке. Три дня присягали казанцы на той «правде», которую дали их «большие люди». 16 августа Шигалей въехал в Казань в сопровождении бояр князей Ю. М. Голицына, И. И. Хабарова и дьяка И. Г. Выродкова, которые и «иосадили его на царство». На следующий день новый царь передал русским «полон». По подсчетам летописцев, всего из Казанской земли вернулось на Русь 60 тыс. русских пленных.

Осенью царь Шигалей перестал отбирать у казанцев русских пленных под предлогом боязни волнения. В октябре в Москву вернулись И. И. Хабаров и И. Г. Выродков

* Луговая сторона — левобережье Ии, Арская сторона — северо-восточная часть Казанской земли, Горная сторона — правобережье Волги.

с сообщением, что казанцы освобождают мало «полону», прячут пленных и остаются при этом безнаказанными. Они же рассказали Ивану IV, что казанские князья вступили в сношения с Ногайской ордой. Возможно, автор Казанской истории прав, когда сообщает, что турецкий султан требовал от ногаев помощи казанцам против русского царя. Ногайские мурзы якобы отвечали о своем желании служить Ивану Грозному.

Едва взойдя на казанский престол, Шигалей начал жестоко расправляться с теми, кому его власть пришлась не по вкусу. В ноябре он вырезал всех казанских князей, которые готовились к бегству. Шигалей решил использовать удобный момент и потребовать подчинения себе Горной стороны. Иван IV, пожаловавший мурзам и князьям Горной стороны ясаки на три года, не менял своего прежнего решения, стремясь не подрывать союза с местными черемисскими феодалами. Потерпев неудачу, Шигалей отказался от царства и после длительных переговоров с Москвой 6 марта 1552 г. бежал из Казани вместе с приближенными к нему мурзами и 500 стрельцами великого князя. Так закончилось краткое (август 1551 — март 1552 г.) царствование Шигалея в Казани.

Услышав о намерении Ивана IV прислать в Казань наместника, оставшиеся в городе князья, мурзы и муллы просили себе царя в Ногаях. В Казань прибыл Едигер, сын астраханского царя.

Весть об измене казанцев достигла Москвы в марте. Тогда же был решен вопрос о новом походе на Казань. В это время, уже после выезда Шигалея из Свияжска, на Луговой стороне начались волнения. Чуваши и черемисы соединились с казанцами. Свирепствовавшие на Волге цынга и язва тяжело поразили детей боярских, стрельцов и казаков в Свияжске.

В мае-июне «на лугах» вокруг Москвы собралось огромное войско. После торжественного смотра 16 июня Иван IV выступил в поход. Едва царский «поезд» миновал Коломенское и Остров, пришла весть, будто с юга на Рязань и Коломну движутся крымские войска хана Девлет-Гирея. Направление похода пришлось частично изменить. Войска двинулись в Коломну. Под Тулой уже шли бои русского войска с крымским, в составе которого были артиллерия и турецкие янычары. 22 июня крымцы начали штурм Тулы. Крепость целый день обстреливали из пушек, стреляли «огненными ядры» и стре-

лами. Завидев облако пыли от приближающегося русского войска, 24 июня Девлет-Гирей снял осаду города и бежал. Добычей тулян стали не только пушки и телеги, но и брошенные под городом шатры и «стенобитные сосуды», много пленных, такие диконинные животные, как «велблюдь». Пушки и верблюды, отправленные в Москву, должны были свидетельствовать о внушительной победе.

По возвращении войск в Коломну состоялось совещание с воеводами и боярами относительно пути следования к Казани. На совещании встал и другой вопрос. Многие новгородские дети боярские отказывались принимать участие в военных действиях. Они ссылались на то, что бились под Коломной и Тулой, находятся в походе с весны и боятся дальнейшей задержки под Казанью. Многие из жалобщиков были беспоместными и жаждали получить земли. Не добившись прекращения похода и получения земли, «радетелям за христианство» пришлось продолжить наступление.

Под Казанью собрались все роды русского войска: и «крешкие конники», и «огненные стрелы», и татарские силы, пришедшие с ханом Шигалеем, и мордва, и черкесы, и наемники: немцы, фряги (итальянцы), ляхи (поляки). Поддерживать порядок в таком огромном и разноязычном войске было очень трудно. Тяжелый переход из-под Коломны к Свияжску показал, что дисциплина «поисшаталася». Путь полем, где взметалась к небу пыль от тысяч конских копыт и людских ног, при необычной даже для июля июля жаре, отсутствие воды в пересохших речонках породили «многие нестроения». У каждого омута происходила свалка из-за воды, ее черпали котлами, корцами, пригоршнями, «друг друга бичи и угнетаючи, и задавляючи». Главной задачей стал восстановление порядка и боеспособности войска. На каждые сто человек был выбран голова, которому должны были подчиняться остальные дети боярские. По мере продвижения русских сил на восток на Суру являлись с просьбой о принятии в подданство горные черемисы, которые получили распоряжение «на реках мосты мостить и тесные места чистить на дорозе». Часть горных людей (князья, мурзы, казаки) вошла в русское войско.

23 августа началась регулярная осада Казани. Были возведены «туры» — башни против всех городских ворот — Арских, Царевых, Аталыковых, Тюменских. Под руководством прибывших итальянцев они были выстроены

ны «фряжским обычаем» с тремя «бои» (проемами для стрельбы) — верхним, средним и нижним.

26 августа казанцы совершили неудачную вылазку. На современников этот бой произвел сильное впечатление: «От пушечного бою и от пицалнаго грому и от гласов и воу и кричяния от обоих людей и от трескости оружии и не бысть слышати другу друга»⁴. Пользуясь отступлением казанцев, стрельцы устроили окопы перед турами, а сами туры укрепили более мощными пушками. Вскоре весь город оказался в плотном кольце тур, между которыми в отдельных местах под руководством дьяка Ивана Выродкова был сооружен тын. 27 августа начался артиллерийский обстрел крепости. «Стенобитным боем и верхними пушками огненными» были поражены многие казанские артиллеристы.

Однако крепость, степы которой не могли разрушить орудия, в изобилии снабженная припасами, все еще держалась. Начали делать подкоп. «Литвин Розмысл» (Эразм) предложил разрушить тайный ход, который вел к ключу у Муралеевых ворот, где расположились стрельцы. Подкоп удался, в него заложили 11 бочек пороха, и 4 сентября тайник был взорван. Город остался без питьевой воды. Начались болезни.

Через два дня русские войска под руководством князя Андрея Горбатого предприняли поход к Арску; проводниками служили «горные люди». В походе принимала участие темниковская мордва, давно служившая под царскими стягами, и большое количество пешего стрелецкого войска. Отряду удалось занять Арск и всю Арскую сторону, захватив много пленных и скота.

В Казани же все оставалось без изменений. Изнемогавший от осады город все еще не сдавался. С новой башни напротив Царевых ворот крепостные пищали обстреливали улицы. Туры все больше и больше приближались к крепостным стенам в районе Царевых и Арских ворот. Между стеной и турами оставался только один ров шириной в три и глубиной в семь сажень. Однажды в обеденное время осажденные сделали вылазку и напали на эти туры. Немногочисленные воины, находившиеся там, обратились в бегство. Менее удачной была вылазка у Збойливых ворот, где туры не были еще так близко от стен. К 30 сентября туры были придвинуты ко всем воротам. Казанцы предприняли еще одну, последнюю отчаянную попытку прорвать осаду. Выйдя из крепости, они

мужественно бились на мостах, у ворот, врукопашную, копьями и саблями. Городская стена, ворота и мосты были подожжены, а русские войска ценой громадных усилий укрепились в башне, на стенах и у Арских ворот. Готовясь к решительной схватке, русские отряды загородились крепкими щитами и два дня под руководством воевод князя Михаила Ивановича Воротынского и Алексея Даниловича Басманова ожидали нападения казанцев.

Белась тщательная подготовка к общему штурму крепости, 1 октября рвы были засыпаны землею и лесом, и через них было возведено много мостов. Эразм соорудил под стеной новые подкопы. Один за другим они были взорваны; в крепостных сооружениях образовались проломы. Тем временем царь медлил. В одной из полотняных церквей для него служили молебны. Дважды присылали за ним, а он все еще не мог собраться с силами. Наконец, только когда русские знамена развевались на всех городских стенах, «самодержец» сел на коня.

Казань пала. Едигер был захвачен в плен, его войны преданы казни, а оставшиеся в живых женщины и дети были розданы русским воинам, «у всякого человека русского полон татарской бысть». В «новопросвещенном граде» остались воеводы князя Александр Горбатый и Василий Серебряный, а царь с войском двинулся в Москву. Казанская война закончилась.

1 ноября в Москву вернулось поредевшее войско. Впереди вели казанского хана Едигера с захваченными знаменами и казанскими пленными. За посадом собрались толпы народа — князья и вельможи, купцы и бояре, чернецы и черницы, иноземные купцы и посланники. У Фроловских ворот Кремля (позднее Спасских) Ивана IV, получившего ныне новый титул царя казанского, и его братьев Юрия и Владимира Старицкого встретил митрополит со всем Освященным собором. Вот здесь-то на Красной площади в память дня взятия Казани — 2 октября — и был воздвигнут собор Покрова Богородицы.

Ликвидацией Казанского ханства, вошедшего в состав Русского государства, были созданы предпосылки для нормального развития восточных и северо-восточных русских земель, которым отныне не угрожали ни плен, ни разорение. В пределы России вошло все среднее течение Волги — «место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всяцеми земными семяны родимо,

и овощами преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого угожда много»⁵. Открывались новые возможности для развития восточной торговли.

Казанская земля — «подрайская земля», по словам Пересветова, предназначенная для раздачи воинам, стала также добычей церкви и монастырей. Именно на них возлагалась миссия крещения мусульманского населения края. Бревно для церкви Благовещения Богородицы, первой православной церкви в Казани, основанной 4 октября 1552 г., принес сам царь. В начале 1553 г. место в Казанском кремле «под церковь и под двор» получил Троице-Сергиев монастырь, крупнейший духовный вотчинник страны. Ему же была передана доходная привилегия — право частичного сбора пошлыны — «пятна» с купли-продажи погайских лошадей.

Присоединение Казани создавало базу для великодержавных настроений, упорно пропагандируемых церковью. Борьба за Казанское ханство облекалась церковниками в оболочку религиозной войны с «погаными», «отступниками христовой веры» и т. д. Церковь, которая в пределах России выступала, хотя и в очень мягкой форме, против холопства, спокойно взирала на то, как «христово» воинство брало «в полон» татарских женщин и детей.

Для народов Казанского ханства присоединение его к России также не было однозначным. Освободившись от ига казанских феодалов, население получило возможность мирного существования уже в силу того, что прекращались бесконечные усобицы. Население Казанского ханства вошло в число народов, угнетаемых царизмом. Однако пройдет еще немало времени, прежде чем эти народы осознают свою общность и протянут друг другу руки для совместной борьбы против единого врага. Впервые это случится в начале XVII в. во время восстания Болотникова.

Велико было и международное значение присоединения Казани. Все христианские государства, в особенности южной и юго-западной Европы, испытывавшие страх перед расширением Османского султаната, увидели, что в лице Русского государства выросла сила, способная противостоять если не самому султанату, то его вассалам. Присоединение Казани изменило всю расстановку сил в Поволжье и в районе Каспийского моря, резко подняло международный авторитет России.

На очередь встала задача ликвидации другого поволж-

ского ханства — Астраханского. Занимавшее важное стратегическое и торговое положение ханство раздиралось борьбой различных кланов, ориентированных на соседние государства. Один из ногайских мурз поддерживал прорусски настроенного хана Ямгурчей, другой — Дербыш-Али, жившего некоторое время в России. В середине века большой интерес к делам Астраханского ханства стал проявлять султан, рассматривавший его как трамплин для проникновения в Закавказье и Иран. Набеги крымцев, в особенности разорение Астрахани в 1547 г., привели к усилению прорусской ориентации в Астрахани. В 1551 г. царю «бил челом в службу» астраханский хан Ямгурчей. Однако Иван IV решил посадить на ханство своего ставленника Дербыш-Али. Весной 1553 г. три полка под руководством Дербыш-Али были отправлены в Астрахань. 2 июля русским войскам удалось взять Астрахань. Узнав об этом, Ямгурчей, находившийся со своим войском в пяти верстах от города, обратился в бегство. Удалось захватить всех его жен, пушки и пищали, освободить русских пленных. Ханом в Астрахани стал Дербыш-Али. Известие о победе русских быстро распространилось в пределах Астраханского ханства. Ногайские ханы один за другим стали присягать на верность Ивану IV. Ямгурчей с приближенными бежал в Азов.

Условия присоединения Астрахани сводились к следующим: ежегодно астраханцы обязались платить 40 тыс. алтын* и доставлять царю 3 тыс. руб. Ловцы русского царя получали право беспоплино ловить рыбу в Волге на всем ее нижнем течении — от Казани до Каспия.

В 1555 г. после неудачной попытки Ямгурчей овладеть столицей ханства и бегства Дербыш-Али в Астрахань было послано подкрепление. Дербыш-Али вернулся в город и «государю в холопстве учинился». Это означало окончательное присоединение Астрахани. Форма правления в Астрахани несколько отличалась от той, которая утвердилась в Казани. Если в Казани были оставлены русские наместники, то в Астрахани в таком качестве выступал астраханский же хан Дербыш-Али. Титул астраханского «царя» летом 1554 г. присвоил себе Иван IV.

Одновременно с присоединением Казани и Астрахани в состав России вошла и Башкирия. Подчиненные Но-

* Т. е. стоимость 1000 четвертей или 12 тыс. пудов ржи,

гайской орде, кочевавшей между средней и нижней Волгой и Яиком, башкиры испытывали тяжелый гнет. Среди башкирского населения усилилось течение в пользу присоединения к России. Одно за другим башкирские посольства били челом Ивану IV о подданстве. Вступая под власть России, башкиры облагались легким ясаком. К 1557 г. вся Башкирия вошла в состав России, став неотъемлемой частью многонационального Русского государства.

По Волге, от ее истоков до устья, открылись широкие возможности торговли с восточными странами. Во второй половине XVI в. в Поволжье появилось до 20 новых городов (Самара, Саратов, Царицын, Уфа и др.), которые оказывали значительное влияние на развитие экономики края. Русский крестьянин передавал свой многовековой опыт земледельческого труда народам Поволжья. Отныне русские, татары, башкиры, чуваш, мордва и мари бок о бок боролись с эксплуататорами — крепостниками.

НА ПЕРЕПУТЬЕ

Внутриполитические последствия присоединения Казани были противоречивыми. Казалось бы, успешное завершение войны должно было поднять авторитет царя. Однако его поведение в решающие моменты показало, что 22-летний царь не способен успешно справляться с обязанностями военачальника. По контрасту со спокойным и выдержанным двоюродным братом Владимиром Старицким малодушие царя еще отчетливее бросалось в глаза. Хотя митрополит Макарий на торжественном молебне и похвалил Ивану IV как «по царски храбрствующему», это не подняло его авторитета в глазах окружающих. Вскоре после завоевания Казани произошел конфликт царя с военачальниками.

Ближние к деятелям Избранной рады князья А. Горбатов, Мстиславский и Курбский по окончании торжественного празднования победы вынуждены были вспомнить, что они лишь «государевы холопы» и их роль в управлении государством ничтожна. Вопреки советам воевод Иван IV распорядился, чтобы основная часть войска вернулась в Москву неудобной дорогой по чувашским землям вдоль Волги. От 100—200 копеек, захваченных каждым воином в Казани, в конце пути осталось по

два-три. Это, конечно, вызвало недовольство царем со стороны участников похода. Вылилось оно во время боярского «нестроения» в марте 1553 г. Историки долго спорили о том, что это было: действительно ли мятеж бояр, как говорится в приписках к официальной иллюстрированной летописи (Царственной книге) *, или, как утверждал Грозный в письме, написанном спустя 11 лет, их желание «воцарити» князя Владимира Андреевича Старицкого, или, наконец, просто заговор одного из бояр — Лобанова-Ростовского, который пытался бежать за рубежи Русского государства.

Дело скорее всего обстояло так. 1 марта 1553 г., т. е. четыре месяца спустя после возвращения из Казанского похода, Иван Грозный тяжело заболел. Опасаясь за свою жизнь и за судьбу престола, он поторопился составить завещание в пользу малолетнего («пеленочника») сына Дмитрия. Тотчас же царь потребовал принесения присяги Дмитрию. Сначала целовали крест ближние бояре. Из 12 членов Думы по крайней мере 10 бояр и окольных безоговорочно принесли присягу. Часть ближних бояр, в том числе и казначей, неохотно присягали на верность малолетнему царевичу. Некоторые прикинулись больными. Ходили слухи, будто они «ссылались», т. е. вели переговоры, с Владимиром Андреевичем Старицким, ибо «хотели его на государство»¹. Двоюродный брат, единственный наследник престола в случае отсутствия у царя прямых потомков, действовал по наущению матери. Во время принесения присяги Владимир и кн. Евфросинья собрали своих детей боярских «да учили им давати жалование, денги». Верные царю бояре объявили, что князь Владимир «не гораздо делает», и перестали допускать его к больному царю. Тогда с протестом выступил протопоп Сильвестр: «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Брат вас, бояр, государю добродотнее»². Этим эпизодом один из летописных рассказов датирует начало розни между благовещенским протопопом и верными Ивану IV боярами.

На следующий день приведение бояр к присяге продолжалось. Князь И. М. Шуйский хотел уклониться от этого, сказал, что ему нельзя целовать крест «не перед

* По вопросу о времени составления приписок и их авторстве в литературе высказываются различные суждения. Скорее всего они составлены были в 80-е годы XVI в. в канцелярии Ивана Грозного.

государем». Наученные горьким опытом всевластия Глинских, некоторые из приближенных Грозного опасались усиления власти Захарьиных, родственников Дмитрия по матери. Отец Алексея Адашева окольный Ф. Г. Адашев, хотя и принес присягу, но сделал при этом оговорку: «Захарьиным нам ...не служивати... А мы уже от бояр до твоего възрасту (совершеннолетия.— Авт.) беды видели многия»³. Отец временщика, костромской дворянин по происхождению, отражал настроения дворянства, много вынесшего в годы боярского правления, и его позицию никак нельзя приравнять к выступлению удельной знати.

После этого заявления между боярами разгорелся шумный спор. Выяснилось, что не хотели присягать князья П. Щенятев, И. И. Пронский, С. Лобанов-Ростовский, Д. И. Немой, И. М. Шуйский, П. С. Серебряный, С. Микулинский, Булгаковы. Почти все они откровенно предпочитали служить Владимиру Старицкому. Отказ бояр присягать живо напомнил Ивану детство. Бояре утихомирились только тогда, когда царь объявил, что к присяге он приводит их сам и велит служить Дмитрию, а не Захарьиным.

В ходе бурного обсуждения вопроса о престолонаследии в марте 1553 г. в составе Боярской думы отчетливо выделились две группировки: ростово-суздальских княжат Шуйских и выходцев из среды старомосковского боярства. Последние в целях дальнейшей централизации государственного аппарата и удовлетворения нужд основной массы служилых людей поддерживали Ивана IV.

События 1553 г. оказали серьезное влияние на дальнейшую политическую историю страны. Владимир Старицкий отныне стал центром притяжения всех тех, кто был недоволен политикой Грозного. Не случайно автор вставки в Царственную книгу писал: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость»⁴. В июне 1553 г. во время поездки Ивана IV на богомолье царевич Дмитрий умер. Наследником стал другой «пеленочник» — Иван, родившийся в марте 1554 г. В апреле с Владимира Андреевича взяли крестоцеловальную запись в верности новорожденному царевичу. Однако Грозному пришлось пойти и на некоторые уступки. В крестоцеловальных записях царевичу Ивану весной 1555 г. Владимир Старицкий назван прави-

телем при малолетнем наследнике. Видимо, ему был отдан ряд волостей в Дмитровском уезде, бывших владениях Юрия Ивановича (дяди Ивана IV и Владимира Андреевича), которых домогался старицкий князь.

Наряду с этим в середине 1554 г. была ограничена власть удельных князей. Специальная статья Судебника «О суде о удельными князи» регламентировала их судебные права. Согласно этому дополнению к Судебнику «сместные» дела, т. е. дела, касающиеся населения, жившего на территории Московского уезда, и населения, жившего на землях удельных князей, становились подведомственными царскому суду. Тяжбы московских и удельных детей боярских по-прежнему оставались в компетенции общего суда — царских и удельных судей. Судопроизводство должно было вестись только в Москве. Иски на горожан Москвы со стороны удельных горожан рассматривались только московским наместником, а иски москвичей к удельным горожанам разбирались совместно.

Вскоре после выздоровления Иван Грозный пожаловал Алексею Адашеву чин окольничего и его отцу чин боярина. Таким образом, положение Адашевых и их сторонников укрепилось. Влияние же Сильвестра, поддержавшего в ходе мартовских событий 1553 г. Владимира Андреевича, начало падать. В июле 1554 г. князь Никита Семенович Лобанов-Ростовский, сын наиболее активного сторонника Владимира Старицкого, сделал попытку бежать в Литву. Побег не удался, и первому неудачливому эмигранту времен Грозного пришлось отправиться в ссылку на Белоозеро. Его единомышленники пока не были наказаны. Самый факт попытки бегства показывал рост недовольства некоторых бояр внутренней политикой Грозного.

Автор приписок к Царственной книге связывает с событиями марта 1553 г. и начавшуюся «скудость» в государстве. Она, конечно, не имеет отношения к разногласиям в Думе, но, действительно, появилась именно в это время. Началось обезлюдение деревень Новгородской земли. Важнейшей его причиной был рост государственных податей и повинностей. Представители местной администрации пользовались любым удобным случаем, чтобы взыскивать поборы или штрафы с крестьян. На самую страдную пору назначали они и суд, отрывая крестьян от полевых работ. Продолжались выступления «разбойников» — во Владимире, Старой Рязани, Переяславле-Рязан-

ском, Зубцовском уезде, Новгороде. «Разбои и татбы великие» грозили серьезными осложнениями. Недаром в борьбу с ними активно включились и монастырские власти. Острую ненависть населения вызывали кормленщики и их люди. В летописной заметке под 1555—1556 гг. записано: «Тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их (кормленщиков.— Авт.) людем»⁵. Вероятно, в связи с нарастанием сопротивления народных масс в 1554—1555 гг. в Москве состоялись массовые казни посадских людей.

Одной из наиболее ярких форм классовой борьбы того времени было реформационное движение. В России, как в Польше и в ряде других стран, в силу недостаточного развития бюргерской оппозиции большую роль играли в нем представители дворянства. Мелкое дворянство имело некоторые общие интересы с горожанами, их общими врагами были светские и церковные магнаты.

В дворянской среде, затронутой реформационным движением, создается кружок выходца из мелкопоместных детей боярских Матвея Башкина. В 1550 г. он был зачислен в Избранную тысячу, а летом и осенью 1553 г. над ним состоялся суд. Башкин был признан виновным в том, что он и его единомышленники считали Иисуса Христа неравным богу-отцу, отрицали необходимость официальной церкви. Ему ставилось в вину, что он якобы отвергал иконопочитание и называл иконы «окаянными идолами», отрицая необходимость не только святоотеческой литературы, но и священного писания.

Смелый критик церкви и церковного учения, Матвей Башкин был передовым мыслителем и по своим социальным взглядам. Он резко выступал против полного холопства и кабальной зависимости, возмущался тем, что «у нас де на иных (людей.— Авт.) и кабалы, ... на иных нарядныя, а на иных полныя»⁶. Сходные мысли высказывал и Пересветов: «Которая земля порабощена, в той земле все зло сотворяется»⁷. Идею отказа от холопства разделял, по-видимому, и Сильвестр, в своей мастерской освободивший «работных», которые стали жить у него «по своей воли»⁸. Проводя свои взгляды в жизнь, Башкин уничтожил полные кабалы на своих «людей» (холопов). Будучи представителем среднепоместного дворянства, Башкин вместе с тем излагал и требования бюргерской оппозиции, выражавшей протест против духовной диктатуры церкви.

Хотя о политических взглядах М. Башкина не сохранилось каких-либо сведений, известно, что он вместе с Ф. Г. Адашевым, Ф. И. Шуйским, Д. Р. Юрьевым и Ф. М. Нагим в 1547 г. выступал в качестве поручителя за опального князя И. И. Турунта-Пронского. По-видимому, в марте 1553 г. Башкин, как и члены его кружка Борисовы-Бороздины, близкие к старицкому двору, поддерживал кандидатуру князя Владимира.

Одновременно с Башкиным перед церковным судом предстал старец Артемий. Постриженник Псково-Печерского монастыря, игумен которого Корнилий отличался своими антимосковскими настроениями, Артемий был ярким противником монастырского землевладения. В 1551 г., когда правительство Избранной рады пыталось провести в жизнь свою секуляризационную программу, Артемий был назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря, но вскоре ушел на Белоозеро в Порфирьеву пустыню. В конце 1553 г. он был привлечен в качестве ответчика по делу Матвея Башкина. Артемий объявил, будто Башкин признавал только то, что написано в Евангелии и у апостолов, а остальные предания «святых отцов» отрицал. Это был явный навет — ни в сочинениях старца, ни в показаниях других свидетелей не было подобных сведений. Дав объяснения, Артемий самовольно покинул Москву и направился на север. Это расценили как бегство. Церковный собор специально занялся делом Артемия. В чем только ни обвиняли бывшего троицкого игумена! Он де не проклинал повгородских еретиков, неправильно писал о троице, хвалил латынян, отрицал целесообразность пения панихид по умершим, и даже был повинен в каких-то «блудных грехах» перед назначением в игумены. Большинство свидетелей по делу Артемия не подтвердили обвинений. Тем не менее в январе 1554 г. он был отлучен от церкви и послан на вечное заточение в Соловецкий монастырь. Вскоре ему удалось бежать за рубеж.

Процесс Артемия был беззаконием даже с точки зрения норм церковного суда. Решение суда, объявившего Артемия еретиком, отвечало желанию иосифлянской верхушки церкви расправиться с одним из наиболее влиятельных нестяжателей. Всякое проявление свободомыслия, даже у ортодоксальных приверженцев православия, жестоко каралось церковью.

Резкая критика стяжательства монастырей, «сребро-

любия», проповедь нравственного самосовершенствования и аскетизма, любви к богу и к ближним («несть бо царство божие брашно и питие, но правда и мир и радость о душе святе»⁹), критическое отношение к обрядовой стороне религии и к писаниям отцов церкви, призыв к познанию и учению — все это в корне подрывало основы иосифлянского миропорядка и подготавливало почву для появления радикальных реформационных течений. Разгром кружка Башкина и суд над Артемием имели практические результаты и для судебных «добровольных холопов». Дабы прекратить поступление в добровольные холопы, правительство в октябре 1555 г. запретило рассматривать иски о воровстве имущества, если ответчиками выступают добровольные холопы.

Новый взлет реформационного движения связан с именем Феодосия Косого. «Москвитин», холоп царского слуги, Феодосий бежал из столицы до 1551 г. и постригся в одном из белозерских монастырей. Ученик Артемия по Порфирьевой пустыни Феодосий и его сподвижники позднее переехали в более южный Новоезерский монастырь. По завершении дела Артемия в январе 1554 г. церковные власти принялись за искоренение учения Феодосия Косого. Его самого и членов его кружка доставили в Москву на церковный суд. Некоторым из арестованных, в том числе и Феодосию Косому, удалось бежать в Литовское княжество. В 1556—1557 гг. состоялся собор, разбиравший дело новоезерских монахов — учеников Артемия и последователей Косого.

Свое учение Феодосий Косой проповедовал устно. О содержании его известно лишь из сочинений противников Феодосия, в частности Зиновия Отенского. В конце 50-х — начале 60-х годов он написал «Послание многословное», а в 1565—1566 гг. — «Истины показание». Зиновий хорошо знал учение Косого. Для него как непримиримого врага всякого свободомыслия это учение было греховно уже потому, что противоречило церковным догмам. К тому же его создателем был холоп. Зиновий называл учение Феодосия Косого «рабьим учением»¹⁰.

Среди сторонников Феодосия Косого были не только холопы, но и низы крестьянства. Всем им адресовал Феодосий Косой свое учение, очень простое по форме и содержанию. Он не отрицал существования бога, что ему приписывал Зиновий, но отрицал догмат троичности. Он отрицал воплощение бога во Христе, которого считал

своеобразным наставником. Феодосий сравнивал бога с царем. Последний мог приказывать художнику подновить в случае необходимости свое изображение. Почему не мог послать кого-либо и бог, чтобы усовершенствовать мир, созданный им самим? Если бог создал мир своим «словом», то почему он не мог изменить его тоже «словом»? Почему он захотел явиться миру в человеческой плоти? Мог ли бог, как простой смертный, родиться от женщины? Критику церковного учения о троичности божества Феодосий дополнял рационалистическими наблюдениями над природой. Русские волюнтеристы отвергали и мысль о создании мира богом. Но их мнению, мир существует извечно, «безначально», хотя на смену одним живым существам приходят другие: «Родове убо, яко неостоятельны, приходят и отходят; земля же и небеса стоят»¹¹. Живые существа или самобытны или созданы из воздуха: «Самобытно было или от воздуха рожено животное родоначальных искони»¹².

Основные идеи Феодосия Косого перекликаются с учением повгородских еретиков XV в. В отличие от последних он признавал Евангелие и Апостол, большую же часть святоотеческой литературы он отвергал, считая ее человеческим преданием. Не признавал он и церковных правил и таинств (крещение, причащение), постов, приношений в церковь и монашества. Да и самую церковь Феодосий Косой отвергал как «кумирницу». Ей он противопоставлял «верных соборы», т. е. союзы единомышленников. Иконы для Феодосия — самые обыкновенные идолы. Так же резко выступал Феодосий Косой и против поклонения кресту, называя это одним из видов идолопоклонства.

Косой отвергал и посты, ссылаясь на то, что бог создал все дни одинаковыми, не подразделив их на постные и непостные. Культивирование официальной церковью постов было призвано примирить трудящиеся массы с фактически полуголодным существованием и скудными материальными условиями, в которых они находились. Отрицание же постов приводило к борьбе за улучшение материального бытия.

Феодосий Косой едко высмеивал поклонение мощам — это «человекослужение», запрещенное, по его мнению, писанием. В то время как церковники создавали единый для всей России пантеон святых, упорядочивали службы, составляли жития, в которых непременно были указаны

многочисленные чудеса, совершенные ими при жизни и после смерти, рационалистическая критика Феодосием веры в святых подрывала авторитет господствующей церкви, подтачивала основы христианской религии и веры в загробную жизнь, стихийно подводя последователей «нового учения» к естественно-материалистическому объяснению вопросов жизни и смерти.

Отрицая необходимость церкви как учреждения, Косой с ненавистью отзывался о церковниках — стяжателях, фарисеях и лицемерах, которые «повелевают себе послушати и земских властей боятися и дани даяти им»¹³. Церковники, говорил он, «гонят нас и в тюрьмы затворяют», мучают «еретиков», отвергая евангельскую заповедь любви. Церковную иерархию, считал Косой, необходимо упразднить.

Сокрушительной критике Косой подверг и материальные основы церкви — церковно-монастырское землевладение. Монастыри, имеющие в своем распоряжении села, преступают заповедь нестяжания; все приношения в церковь есть проявление идолопоклонства, ненавистного богу.

В то время как официальная церковь поддерживала мнение о богоизбранности русского народа как православного и закладывала основы великодержавного шовинизма, Косой выступил с тезисом о равенстве всех народов и их братстве: «Все людие едино суть у бога, и татарове и немцы и прочии языцы». Поэтому «вси веры в всех землях одинаки»¹⁴.

Критика церкви и монашества у этого радикального мыслителя дополнялась смелым тезисом о неповиновении властям вообще. Он объявил, что «не подобает же в христианах влаstem быти»¹⁵, призывая к неповиновению им и неплатежу податей. Зиновий Отенский упрекал сторонников «нового учения»: «Не любите богом поставленные царския и святительския чиноначальники, ни хощете владоми быти от господей», «отбегаете началник владычества»¹⁶.

Решительно выступал Феодосий и против войн. Его тезис «не подобает воевати» имел целью счастье и мир народов, лучшие сыны которых гибли в ходе многочисленных феодальных войн и усобиц. Отрицая власть, церковь и войны, Косой противопоставлял им раннехристианское учение. Основа его — любовь к богу и вытекающая из нее любовь к ближнему.

Как и большая часть реформационных учений средневековья, учение Косого пыталось реставрировать общественный строй, близкий к раннехристианскому, когда, по словам Ф. Энгельса, «христианство знало только *одно* равенство для всех людей, а именно — равенство первородного греха, что вполне соответствовало его характеру религии рабов и угнетенных»¹⁷. Крестьянско-плебейская ересь из «„равенства сынов божиих“ ... выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ»¹⁸.

Учение Феодосия Косого было вершиной развития прогрессивной общественно-политической мысли середины XVI в. Оно выражало идеологию складывающейся плебейской оппозиции феодализму и являлось наиболее радикальным проявлением реформационного движения в России; учение Косого оказало сильное воздействие на общественную мысль Великого княжества Литовского, куда он вынужден был бежать.

Объективно учение Феодосия Косого было направлено на ликвидацию феодального строя. Этим оно принципиально отличалось от взглядов других передовых мыслителей — Пересветова или Ермолая Еразма, которые стремились лишь к преобразованию государственного строя для его укрепления в интересах господствующего класса.

Обострение идеологической борьбы вновь бросило самодержца в объятия испытанного союзника — иосифлянской церкви во главе с митрополитом Макарием. Во время казанского похода 1552—1553 гг. ему было поручено «во всем беречи царства сего». Макарий, как показал И. И. Смирнов, в эти годы принимал активное участие в управлении государством и играл некоторую роль во внешнеполитических сношениях с Великим княжеством Литовским.

В связи с событиями 1553 г. и антиеретическими соборами 1553—1554 гг. особую остроту приобрело идеологическое понятие самодержавия. Если на одном полюсе русской общественной мысли устами Косого царская власть полностью отрицалась, то на другом — усилиями идеологов самодержавия создавалось учение о ее теократическом происхождении.

В 1553—1555 гг. при участии А. Ф. Адашева был написан «Летописец начала царства», посвященный собы-

тиям 1533—1553 гг. В нем развивались две темы — укрепление самодержавной власти и присоединение Казани. При описании венчания на царство Ивана IV подчеркивалось, что царские регалии были получены Мономахом от византийского императора Константина, а Иваном от его отца Василия III. Присоединение Казани автор «Летописца...» сравнивал с освобождением израильтян библейским героем Моисеем из многолетнего египетского плена. Автор выступал за сильную самодержавную власть, был сторонником компромисса между различными прослойками феодалов. В уста Василия III вложено и благословение Ивана IV на борьбу с неверными, которые «покушахуся на православие, на нашу дръжаву»¹⁹. Следовательно, и борьба с Казанью также представлялась исполнением заветов Василия III. «Летописец...» увековечивает бояр, которые проводили восточную политику правительства Ивана IV, С. И. Микулинского, Федора и Алексея Адашевых, И. С. Серебряного, А. Б. Горбатого, П. М. Щенятева, М. И. Воротынского, А. М. Курбского, Владимира Старицкого и, наконец, Шигалея. В «Летописце...» были отмечены и заслуги детей боярских (дворян), участвовавших в этих походах. «Летописец...» обличал княжат-бояр, повинных во всех неурядицах малолетства Грозного. Главная причина феодальных смут, происходивших в ту пору, по мнению автора, — деятельность Шуйских.

Прославлению самодержавия были посвящены и фрески так называемой Золотой палаты в Кремле. Целая серия их изображала освобождение Израиля от египетского рабства, намекая на взятие Казани, которое рассматривалось как завершение многовековой борьбы Руси с Золотой Ордой. Единый идеологический замысел фресок и «Летописца начала царства» отражал общие представления руководителей правительственного кружка — Сильвестра и Адашева. В демагогических тонах рисовался идеал самодержца, который дает «суд и правду нелицемерну всем», равно «жалует и удовлетворяет... велмож и средних и младых», исходя из истинной веры. Основа мудрости царя («начало его премудрости») — страх господень. Царя должны занимать не только вера («закон Христов») и праведный суд, но и ратные дела. Он должен защищать страну «от всех иноверных бусурман и латын»²⁰. Этот-то образ идеального монарха и воссоздан во фресках Золотой палаты.

Россия времени Грозного не была готова идти по пути радикальных перемен, куда ее звали передовые мыслители. Средствами литературы и изобразительного искусства идеологи самодержавия обосновывали учение о теократическом происхождении царской власти.

ПОСЛЕДНИЕ РЕФОРМЫ ИЗГРАШНОЙ РАДЫ

Жестoko расправившись с еретиками и нестяжателями, правительство Ивана IV в январе 1555 г. вернулось к государственным преобразованиям. Снова встал вопрос о борьбе с социальными движениями.

Был обнародован первый приговор из серии законов о губной реформе. Главным в следствии по делам о «лихих людях» признавался «обыск», расспросы населения. Если у «лихого человека» находилось «поличное», похищенное имущество, то он приговаривался к казни, хотя бы даже на пытке отпирался в совершении преступления. Ранее по Судебнику 1550 г. в таких случаях подсудимый приговаривался только к пожизненному заключению. Таким образом, репрессии по отношению к «лихим людям» усиливались. Более строгие меры принимались и по отношению к соучастникам преступления. Дабы избежать бегства «лихих людей» из одного уезда в другой, указ 28 ноября 1555 г. вводил обязательную регистрацию — «явку» всех «новоприбылых» людей. Дела о воровстве, в том числе и конокрадстве, породавались в ведение губных старост.

Всего этого дворянам и боярам казалось мало для борьбы с выступлениями крестьянства и бедного городского люда — выборная администрация действовала недостаточно оперативно. «Губные старосты, — говорилось в одном из докладов царю, — у себя в волостях лихих людей, татей, не сказывают». Поэтому на протяжении 1555—1556 гг. один за другим следовали указы, уточнявшие сферу деятельности губных старост и целовальников, повышавшие их ответственность за борьбу с хищениями феодальной собственности.

Запустение центра и северо запада, связанное с усилением феодального гнета, вызывало беспокойство правительства. Губным старостам теперь было вменено в обязанность производить сыск о запустении земельных владений и следить за тем, чтобы в их округах «пустых

мест ... не было». Органы местного управления должны были предотвращать самоуправство «сильных людей» — феодальной аристократии.

С целью повышения роли губного управления был ликвидирован архаичный судебный поединок — «поле». Основным методом судопроизводства был признан розыск, производившийся губными старостами. Губной округ расширялся до территории целого уезда, тогда как раньше он соответствовал отдельной вотчине или волости. Наконец, для руководства губными учреждениями в эти же годы была создана «Разбойная изба». В 1555—1556 гг. было завершено создание губных органов по борьбе с «татями» и «разбойниками».

Пути складывания централизованного аппарата власти сходны с бывшими в других странах Европы, несмотря на разницу экономического и культурного развития. Губные старосты несколько похожи на мировых судей Англии, появившихся в середине XVI в. Мировые судьи также избирались из мелких землевладельцев, но функции их не ограничивались одними судами. Они издавали указы о бедных, ведали дорожным строительством, регулировали торговлю и промышленность.

Утверждая диктатуру помещиков и бояр, «наихристианнейший» государь выступал в маске доброго правителя. Именно таким его и рисует приговор об отмене кормлений августа 1556 г., изложение которого помещено в одном из списков Никоновской летописи.

Смысл реформы сводился к замене наместников и волостелей органами земского самоуправления, выбиравшимися из среды посадского населения и зажиточных кругов крестьянства. Земские власти творили суд и расправу по делам второстепенной важности и собирали подати, которые ранее платились кормленщикам («кормлёный окуп»). Эти подати теперь поступали в царскую казну, а позднее в особые финансовые приказы (четверти), и шли на обеспечение дворянской армии. Губные и земские учреждения были сословно-представительными органами дворянства, а также верхов посада и зажиточного черносошного крестьянства. Реформа местного управления содействовала уничтожению феодальной раздробленности в местном правительственном аппарате, укрепляла власть феодалов над крепостным крестьянством и городскими низами. По-видимому, единого указа об отмене кормлений не было. Наместники постепенно сменялись

«излюбленными старостами», выборными из посадского населения и зажиточных кругов крестьянства.

Земская реформа распространялась по преимуществу на тяглых жителей посада и черносозное население, поэтому большая часть грамот относится к Двине, южной окраине и к Псковской земле. Двинская земля, присоединенная к Русскому государству в 1478 г., была районом черносозного крестьянства. Непогодородные почвы Подвинья отпугивали как новгородских, так и московских феодалов. Даже монастыри, столь предприимчивые в захватах новых земель, двигались на север медленнее, не успевая за крестьянином, осваивавшим и трудно поддающуюся землю, и лесные богатства, и тогда еще сравнительно мало ценившиеся морские. Крестьяне организовывали и соледобычу. Район Подвинья стал своеобразным перевалочным пунктом между земледельческими районами центра и промысловыми севера. В быстро развивавшихся районах русского Севера на протяжении первой половины XVI в. формировался новый тип крестьянина, торговавшего и рожью, и мехами, и солью, и рыбой. Выделились династии крупных рыбо-, соле- и лесопромышленников, владевших огромными участками земли. Прощелыкины, Савины, Кобелевы, Шулгины — все эти недавние выходцы из крестьян вели почти такие же промыслы и торговлю, как и знаменитые Амосовы, наследники двинских бояр. «Торговые мужики» скупали все новые и новые клочки, дополнявшие и округлявшие их прежние владения, рыбные тони, бобровые гоны, уточные ловища, доли в соляных варницах, лавки и места на посаде в городах.

Именно они и воспользовались земской реформой. Из их состава избирались «выборные судьи» (на Двине), «излюбленные головы» (на Пинеге), которым надлежало решать вопросы о наказании «ведомого душегубцы» (известного убийцы), разыскивать лихих людей и представлять их на суд губных старост, следить, чтобы никто не открывал по собственному почину корчмы, а пиво варили бы только в канун праздников или на поминки, крестины или родины, да и то только испросив их позволения. Они же должны были следить за возвратом крестьян из монастырских владений и за пополнением тяглого населения: «На... пустые деревни и на селища... крестьян назвати и старых своих тяглецов крестьян из иных волостей, из монастырей вывозити назад по старым их де»

ревням безсрочно и безпошлинно, где кто в которой деревне жил преж сего»¹.

Верхушка волостного и посадского населения взяла в свои руки бразды местного самоуправления. Однако последнее даже на Севере утверждалось далеко не сразу. Правительство то передавало земли па откуп, то вновь восстанавливало кормления.

В центре, где доминировало помеотно-вотчинное землевладение, земское самоуправление не могло соперничать с дворянским, представленным губными старостами. На южной и западной окраинах вскоре произошло возвращение к кормлениям, причем кормленщики выступали одновременно и в роли воевод, возглавлявших оборону от набегов и нападений.

В целом па основных территориях земская реформа оставалась неосуществленной, но власть наместников — кормленщиков постепенно заменилась воеводским управлением, более тесно связанным с центральным правительственным аппаратом. Губная и земская реформы были двумя сторонами одного и того же процесса усиления центрального аппарата принуждения трудового населения.

Тем же целям была подчинена и военная реформа. Принятое в 1555—1556 гг. уложение о службе установило для дворянства строгий порядок несения ратной службы. Каждый служилый человек, вотчинник или помещик, помимо личного участия, должен был выставять вооруженных воинов из числа своих людей: один конный воин в полном вооружении, для дальнего похода снабженный запасным конем со 100 четвертей «доброй» земли в одном поле. За каждого выставленного господин получал небольшое вознаграждение (2 рубля за человека в полном доспехе и 1 рубль за человека в тегиляе*), а за недоданного — платил двойной штраф.

Воинская служба отныне строго регламентировалась и приводилась в соответствие с поземельным описанием 50-х годов. Уложение о службе должно было обеспечить возможность строгого учета и проверки исправного несения военной службы феодалами, создать предпосылки роста поместной армии. Уложение о службе отвечало интересам среднепоместного дворянства, так как утверж-

* Тегиляй — кафтан со стоячим воротником и короткими рукавами.

дало принцип несения воинской повинности в соответствии с размерами землевладения, увеличивая тем самым военно-служилые обязанности крупных феодалов. Слабое звено реформы заключалось в увеличении роли отрядов феодальной аристократии в составе дворянской конницы.

К середине 1556 г. был установлен новый «оклад» (денежное жалованье дворянам), размеры которого зависели от родовитости землевладельца и его военно-служилого положения. Получавшие денежное жалованье из приказов служилые люди теперь обязаны были регулярно нести военные обязанности. Одновременно вследствие создания земских и губных органов основная масса дворянского войска освобождалась от участия в финансово-судебном управлении на местах. Замена кормлений и вознаграждения за исполнение судебно-административных поручений денежным жалованьем из государственной казны за несение воинской службы была дальнейшим шагом на пути ликвидации пережитков феодальной раздробленности в местном управлении и придания дворянской коннице черт постоянного войска.

Для урегулирования местнических споров было проведено еще одно мероприятие: в 1555 г. был составлен «Государев родословец», справочник по вопросам «родовитости» феодальной знати. Другим справочником, касающимся военной службы феодалов, стали разрядные книги, содержавшие списки — «рописи» воевод в походах и на городской службе. «Государев разряд» систематизировал сведения о военной службе знати за 80 лет (1475—1556 гг.). Наряду с «Государевым родословцем» разряд помогал регулировать и контролировать местнические споры. Способствуя наведению порядка в местнических отношениях знати и признав тем самым местничество, «Государев разряд» отразил противоречивый, компромиссный характер деятельности Избранной рады.

В ходе реформы сложились два учреждения по руководству военно-служилыми делами — Поместная и Разрядная избы. Первая ведала вопросами земельного обеспечения дворянства, вторая — организацией его военной службы. Во главе них были поставлены лица, зарекомендовавшие себя в качестве опытных руководителей. Так, во главе Разрядной избы некоторое время стоял И. Г. Выродков. Под его руководством Разрядная изба превращалась в постоянно действующее учреждение, являвшееся как бы генеральным штабом войска. Из каз-

ны постепенно выделялись и другие ведомства — Холопья изба, Стрелецкая изба и др.

Так в середине 50-х годов начинает оформляться система центрального приказного управления. Место территориального принципа, господствовавшего в управлении страной до этого, постепенно начинал занимать функциональный. Термин «изба» как нарицательное наименование центрального правительственного учреждения вскоре вытесняется другим — «приказ», служащие которого получают название «приказных людей». К 70-м годам приказами стали именоваться не только бывшие избы, но и учреждения дворцового ведомства — Дворцовый, Постельный, Бронный, Конюшенный приказы. Но и в это время названия «изба» и «приказ» сосуществовали (говорили о Ямской, Поместной, Посольской избах). Складывание ведомств с постоянным составом дьяков и строго очерченными функциями делало ненужной сеть областных дворцов, которая ранее осуществляла контроль над деятельностью местных властей. Исчезают тверские, дмитровские, углицкие, рязанские дворецкие, хотя вновь присоединенные земли по-прежнему управляются дворцами (Казанским и Нижегородским).

Реформы коснулись и имущественных отношений в среде феодалов. Частые войны, рост товарно-денежных отношений в стране приводили к обеднению и задолженности некоторой части служилых людей. Приговором 5 мая 1555 г. устанавливался месячный срок взыскания (правежа), в течение которого долг должен был быть уплачен, иначе должник превращался в холопа своего заимодавца. Через два года, убедившись, что закон мая 1555 г. лишает государство большого числа военно-служилых людей, а это в условиях подготовки Ливонской войны было нежелательно, правительство пошло на уступки. Запрещалось взимание «роста» (процентов) по старым долгам служилых людей, а срок продлевался на 5 лет — до 1562 г. Впредь по новым долговым обязательствам «рост» снижался с 20 до 10%, срок правежа увеличивался до 2 месяцев. В 1560 г. военно-служилые люди получили новую льготу. Если во время пожара в Москве у них сгорели дворы, срок правежа увеличивался на 5 лет.

Одновременно с этим правительство предпринимало меры, чтобы сохранить земельные владения дворянства и боярства, быстро переходившие в руки духовных феодалов. Еще в 1551 г. устанавливалось, что в случаях пере-

дачи вотчин духовным феодалам родичи завещателя могли выкупать их, исходя из цены земли, указанной в завещании. Монастыри часто настаивали на завышении цены, делая тем самым невозможным выкуп владения. Приговор 15 августа 1557 г. предоставлял родичам возможность оспаривать цену земли, указанную в завещании, если последнее еще не было зарегистрировано («вершено»). Комиссия «мерщиков» могла назначить новую цену. Этим в некоторой степени ограничивался рост монастырской земельной собственности и размывание светских вотчин. Приговор 1558 г. создавал льготные условия для выкупа вотчин, заложенных монастырям. Выкуп, как и платеж долгов, должен был происходить с рассрочкой в 5 лет по частям — «жеребьям». После внесения пятой части долга вотчина возвращалась ее прежнему хозяину, однако он получал право распоряжения ею только после полной выплаты долга. Приговор 1558 г., как и другие законы в области гражданского права, защищал интересы служилых людей, основной опоры царской власти. Но полностью удовлетворить требования дворянства новые юридические нормы не могли. Так, государство отказывалось от удовлетворения исков в случае бегства добровольных холопов, зависимость которых не была оформлена. Лишь служилая кабала, оформленная в губном или земском учреждении, согласно приговору 1555 г. могла служить основанием для розыска беглого холопа. В условиях массового бегства холопов от хозяев приговор был невыгоден служилым людям, после каждого похода наполнявшим поместья холопами. Приговор 1558 г. требовал оформления служилыми кабалами холопства и тех иноверцев, которые принимали христианство, — указ о «новокрещенах». Кабалы на «полоняников» тоже должны были регистрироваться в книгах у казначеев. Само холопство «полоняников» ограничивалось лишь временем жизни его владельца. Дети холопа-«полоняника» в зависимость не попадали. Все эти мероприятия, отражавшие изживание полного холопства и рост служилого, мало устраивали дворянство. Зато приговор 1 сентября 1558 г. полностью отвечал их интересам. Он запрещал превращение самого служилого человека в холопа. Ликвидировалась холопья зависимость малолетних дворян, совершеннолетние могли возбуждать иски о возвращении в свободное состояние.

50-е годы — это завершающий этап деятельности Избранной рады, время необычайной остроты идеологической борьбы противников и защитников самодержавия. Достигнув значительных успехов в централизации страны, обеспечив финансы и войско, укрепившееся самодержавие безжалостно подавляло всякие попытки волюнтаризма и, как всякое теократическое государство, нашло союзника, хотя и непоследовательного, в лице церкви. Таким образом был предопределен путь дальнейшего усиления реакции.

ВОСТОК ИЛИ ЗАПАД?

За первые восемь лет царствования Ивана IV карта Российского государства существенно изменилась. Территория России увеличилась почти в полтора раза — с 2,8 до 4 млн. кв. км¹. Изменился и состав населения. Великороссы отныне составляли лишь около половины жителей.

Россия стала пользоваться значительным политическим влиянием на востоке. В ее лице выросла сила, которая могла противостоять Крыму и Османскому султанату. Ногайские мурзы в 1555 г. обязались быть «заодно» с русским царем «на всех недругов» и быть «неотступными» от него. Это означало фактическое подчинение Ногайской орды Российскому государству. Вслед за ногайскими мурзами власть царя признал и сибирский хан Едигер. Ради «заступничества» от врагов он согласился платить огромную дань (30 тыс. соболей в год). Признание даннической зависимости Сибири позволило добавить в царский титул — «всея Сибирские земли и северные страны повелитель». Так была заложена основа присоединения Сибири, совершившегося тридцатью годами позднее.

Середина века принесла и усиление влияния России на Северном Кавказе. Теснимые Крымом и Османским султанатом, черкесы в 1552 г. обратились к Ивану IV с просьбой «оборонить» их от крымского «царя», а в 1555 г. — от османов. Ради этого черкесские (кабардинские) князья Сибок и Ацымгук, прибывшие в Москву, готовы были признать себя, своих жен и детей «холопами» русского царя. Хотя Грозный принял их в подданство и от крымского хана обещался «беречь, как возможно», но с султа-

ном царь вступать в единоборство не хотел. Кабардинские князья оставили при дворе Грозного своих детей, которые были крещены и поступили на русскую службу. В 1557 г. в Москву приехали служить еще несколько черкесских князей, в том числе и свойственники крымского хана. Кабарда оказалась в «холопстве» у Грозного, которое, впрочем, не сопровождалось ее включением в Российское государство. Не было там, как показала Е. Н. Кушева, и русской администрации. Этому противодействовала феодальная раздробленность Кабарды и постоянные распри ее владетелей.

К середине 50-х годов XVI в. к востоку и югу от Русского государства сложилась зона его политического влияния. Эхо побед над казанским и астраханским ханами можно услышать и в прошении волошских воевод, явившихся за денежной помощью на откуп от султана, и в прошении старцев сербского Хиландарского монастыря, взять «в царское имя монастырь их... и со всею братиею»². Россия становилась реальной силой, на которую рассчитывали подвластные Османской империи славянские народы и государства. В 1556 г. после 37-летнего перерыва от константинопольского патриарха прибыл митрополит Иоасаф Кизичский просить «милостыни». Одновременно он сообщил, что патриарх постановил молиться о царе Иване Васильевиче. За это Иван IV отправил 2 тыс. соболей на сооружение ограды патриаршего монастыря, а в Хиландарский монастырь, известный давними связями с Россией, — большое количество драгоценной утвари. Новому патриарху Иоакиму, сменившему Дионисия, в 1558 г. было послано пушнины на 1000 «угорских» (венгерских) золотых.

Поддержка Грозным патриарха сделала свое дело. Иоаким прославлял Ивана IV не меньше его собственных придворных: «второе солнце», «крепкий и кротчайший и самодержавный царь», надежда на избавление от «руки печестивых». Однако до этого избавления было еще далеко. Иван IV, подобно деду и отцу, искал соглашения с османами. Султан Сулейман Великолепный упорно ограничивался торговыми сношениями с Россией, оставаясь по-прежнему сюзереном и союзником крымского хана. В войске Девлет-Гирея, двинувшемся на Астрахань в 1555 г., находилось 300 турецких янычар с пушками. Крымский хан выступал наиболее активной силой, сдерживавшей продвижение России на юг и восток.

Угроза крымского нападения дамокловым мечом нависала над страной. Еще во время казанских походов начато было сооружение Засечной черты, которая должна была обеспечить безопасность страны с юга. В этом районе в 70—80-е годы было воздвигнуто свыше 20 новых городов (Курск, Воронеж, Орел, Елец, Белгород и др.).

Россия стала крупнейшей торговой державой на стыке Европы и Азии. Тотчас по завоевании Астрахани туда и в Казань приехали среднеазиатские купцы из Шемахи, Бухары, Дербента, Тюмени, Ургенча. В 1566 г. наряду с ними в Москву пришли «торговые люди турчане». Они, как и среднеазиатские купцы, закупали изделия русского ремесла: многочисленные деревянные изделия (коробьи, посуду), меховые и кожаные изделия, а также западноевропейские сукна. В обмен восточные купцы пригоняли огромные табуны лошадей (до 8 тыс. голов), привозили шелковые ткани, хлопчатобумажные — зуфь и бязь, драгоценные камни, пряности. Редкие из восточных товаров использовались в качестве сырья для русского ремесла, большая же часть импорта с востока носила потребительский характер.

Ремесло России по-прежнему задыхалось от отсутствия цветных и благородных металлов *, единственным каналом поступления которых оставалась торговля с Западом при накладном посредничестве ливонских городов — Дерпта (Юрьев, Тарту), Риги, Ревеля (Таллин) и Нарвы. Отсюда русские соболя, горностаи, норки, белки и ласки расходились по городам всей Европы, чтобы стать украшением костюмов английской, немецкой, итальянской знати и бюргерства. Лен и конопля шли на снасти кораблей, бороздивших не только северные моря, но и бескрайние просторы Атлантики и Тихого океана. Потап использовался на сукнодельнях фландрских городов Ипра и Гента. Свечи из русского воска освещали католические и протестантские костелы и кирхи, где через некоторое время будут возноситься молитвы о даровании побед шведскому, датскому и польскому королям в войне с «московитом». В Россию же при посредничестве балтийских городов ввозились сукна и металлы.

Ливонские города, входившие в состав так называемой Ганзы (торгового объединения северонемецких горо-

* Лишь в 1562 г. в оз. Кургуте, в 7 днях езды от Свияжска, была найдена «горячая сера». Отсюда ее стали возить в Москву и в другие города.

дов) и считавшие своим сюзереном (верховным владетелем) немецкого императора, занимали двойственную позицию по отношению к своему восточному соседу. Торговля с Россией была основным источником доходов городов, в течение трех столетий удерживавших ведущее положение в посреднической торговле России с другими странами севера и запада Европы и упорно подавлявших попытки английского и голландского купечества установить непосредственные сношения с Россией.

Ради сохранения своей монополии они готовы были идти на установление торговой блокады России, которую они, как правило, проводили совместно с Ливонским орденом, в течение XIII в. завоевавшим земли местных племен — ливов, леттов, земгалов, куршей, эстов и др. — и продолжавшим агрессию на литовские и русские северо-западные земли. Лишь на Нарву, не входившую в Ганзейский союз, не распространялись запреты торговли с Россией.

Другим каналом русско-европейской торговли были города на Финском заливе (в частности Выборг). Торговля через Выборг достигала колоссальных размеров сравнительно с численностью населения этого города. Ее дальнейшему росту препятствовали противоречия между Швецией и Россией в пограничных вопросах. В сентябре 1555 г. шведы перешли границу и начали наступление сушей и морем в устье Невы, в районе Орешка. Первый приступ их был отбит. В декабре в Швецию были отправлены новые войска. В битвах под Выборгом и на Вуоксе русским удалось разбить шведов и взять множество пленных. Вяло протекавшая война завершилась миром, заключенным в июне 1556 г. в Москве.

Большое значение для России имела торговля на Белом море. Еще в 20-е годы русские послы, как показал Я. С. Пурье, побывали в Англии, познаколив англичан с северным морским путем вокруг Норвегии, освоенным русскими в конце XV в. В 1554 г. успешно завершилась экспедиция в Москву англичан Р. Ченслора и В. Уиллоуби. В 1556 г. открылись регулярные сношения России и Англии. Представители короля Филиппа и королевы Марии получили первую жалованную грамоту Ивана IV, согласно которой англичанам даровалось «пристанище корабленное» на Северной Двине, право свободной торговли в России и двор в Москве. В обратное путешествие вместе с англичанами отправился и вологжанин дьяк

Печать Московской кампанни. 1555 г.

Непоя. Он в 1557 г. в Шотландии и Англии набрал «мастеров многих, дохторов, и злату и серебру искателей и делателей и иных многих мастеров». Привез он и заморских диких животных, в том числе живых льва и львицу, изображение которых стало символом британского могущества, войдя в государственный герб страны. Вскоре в Англии образовалась специальная Московская кампания по торговле с Россией.

Однако торговля северным морским путем не могла решить проблемы русско-североевропейских контактов по нескольким причинам: краткости времени навигации, дальности и трудности пути, односторонности контактов, осуществлявшихся преимущественно английской стороной, поставлявшей в Россию не все необходимые ей товары. Не справлялись с ролью основных посредников и такие небольшие города, как Выборг и Кола. Основными

контрагентами России в ее торговле с другими странами Европы продолжали оставаться ливонские города.

Развитие русской экономики, нуждавшейся в развитии беспрепятственных и постоянных торговых связей с другими странами Европы, ставило задачу получения выхода на Балтику. В отношениях России и Ливонии было много спорных вопросов. Еще в 1554 г. Алексей Адашев и дьяк Висковатый объявили ливонскому посольству о желании царя продлить перемирие в связи с неуплатой в течение нескольких лет дерптским епископом дани с владений, уступленных ему русскими князьями, а также в связи с притеснениями русских купцов в Ливонии, захватом и разорением русских «концов» (поселений) в прибалтийских городах. Установление мирных отношений России со Швецией способствовало временному урегулированию и русско-ливонских отношений. Отменив запрет экспорта из России воска и сала, правительство Ивана IV в 1556 г. добилось согласия ливонских городов на беспрепятственный провоз в Россию «пансырей» и другого вооружения. Ливонцам пришлось признать и все остальные требования: они обязались гарантировать уплату дани дерптским епископом, восстановить все русские церкви в ливонских городах, не вступать в союз со Швецией, Польским королевством и Великим княжеством Литовским, предоставить условия для свободной торговли. На этих условиях перемирие было продлено на 15 лет.

Но ливонская сторона не собиралась выполнять своих обязательств. В Дерптском епископстве начались военные приготовления. В сентябре 1557 г. был заключен союз между ливонским магистром Фюрстенбергом и Сигизмундом II Августом, королем польским и великим князем литовским. На западных границах России складывалась обстановка, чреватая угрозой войны.

Россия в это время не была готова к военным действиям: много внимания требовали восточные дела; на протяжении пяти лет мятежные казанские мурзы не желали примириться с потерей своей независимости и привилегированного положения. К ним изредка присоединялись и черемисы, и жители Арской стороны. В 1556 г. после восстания горных черемис Грозный освободил их от всяких пошлин. В 1557 г. были казнены князья, мурзы и казаки, которые «лихо делали», а «черные люди» признали себя подданными русского государя и обещали исправно пла-

тить дань. Гибель казанской феодальной знати оказала влияние и на русско-астраханские отношения. В 1557 г. астраханские феодалы — мурзы, хаджи и князья били челом наместникам, обещав верно служить царю. За это они получили свои земли — «островы (плодородные места.— Авт.) и пашни по старине», «черные» же люди вновь были обязаны платить ясак. Стабилизация положения в новоприсоединенных землях Казанского и Астраханского ханств к 1558 г. освободила большое войско и открыла новую возможность его пополнения за счет верных царю астраханских и казанских феодалов.

НАЧАЛО ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

В январе 1558 г., после того как ливонская сторона нарушила условия перемирия, русское войско пересекло границу Ливонии. В нем находились князь В. М. Глинский, бывший казанский хан Шигалей, черкесский князь Сибон, «казанские люди и черемиса ... люди ноугородские и псковские все и московских городов выбором многие»¹.

Вступая в новую войну, правительство Ивана IV отдавало себе отчет, что России предстоит иметь дело не только с самой Ливонией, но и с ее постоянными союзниками — Польским королевством и Великим княжеством Литовским. Швеция временно выбывала из борьбы, поскольку закончившаяся в 1557 г. русско-шведская война ясно показала несомненное превосходство русских военных сил.

Благодаря внезапности нападения русским войскам удалось в январе 1558 г. проникнуть в Дерптское епископство и нанести большой ущерб землям епископа. На съезде ливонских городов в марте 1558 г. рыцарство и города Ливонии приняли решение срочно собрать 60 тыс. марок для уплаты дани России. К маю была собрана лишь половина этой суммы. Война возобновилась, на этот раз с еще большей силой. 11 мая сдалась Нарва, 19 июля — Дерпт и ряд ливонских замков. Немецкие феодалы, безжалостно угнетавшие эстонцев, были изгнаны. Местное прибалтийское население радостно встречало русские войска. Его доброжелательной позиции немало способствовало не соответствовавшее обычаям того времени освобождение пленных, которые были взяты русскими войсками в районе Нарвы и не были распроданы «по

иным землям»². Добровольный переход прибалтийских народов на сторону России способствовал успехам второй ливонской кампании весны-лета 1558 г. и упрочению царской власти на вновь присоединенных территориях. Здесь, как показали Г. А. Новицкий, В. И. Буганов и Н. Ангермани, новыми землевладельцами стали русские дворяне, оплот царской власти в Прибалтике.

После взятия Нарвы и Дерпта русское войско двинулось на Ревель. В июле и августе 1558 г. воевода П. И. Шуйский предлагал городу сдаться, на что магистрат города ответил отказом. Новое наступление в январе 1559 г. на Ригу носило разведывательный характер. В ходе приготовлений к новой военной кампании русская дипломатия сделала неожиданный шаг. С Ливонией было заключено перемирие с марта по ноябрь 1559 г., чтобы высвободить силы, необходимые для задуманного Алексеем Адашевым похода на Крым. В 1558—1559 гг. войскам Даниила Адашева (брата Алексея) и Дмитрия Вишневецкого удалось спуститься вниз по Днепру в Черное море, высадиться в Крыму и разгромить крымские улусы. Поход носил подготовительный характер к планировавшейся Избранной радой войне, продемонстрировав стремление России к Черному морю. Однако борьба за ее превращение в черноморскую державу была преждевременной. Россия не обладала необходимым морским флотом, чтобы всерьез ставить вопрос о борьбе с крымским ханом, а получение выхода в Черное море не решало вопроса о европейской торговле России. Борьба с Крымским ханством пока имела более конкретную цель: оборону южных границ. Поход Д. Адашева и Д. Вишневецкого был одним из последних актов активной борьбы с Крымом.

Перемирие 1559 г. пагубно сказалось на ходе Ливонской войны. Во время неожиданной передышки ливонские власти предприняли ряд дипломатических акций для укрепления своего международного положения. Глава ливонской пропольской партии Г. Кетлер 31 августа 1559 г. заключил соглашение в Вильне с Сигизмундом II Августом, согласно которому тот припимал Ливонский орден в свою «клиентелу и протекцию». В качестве залогом Кетлеру пришлось уступить юго-восточную часть Ливонии. 15 сентября под королевский протекторат вступил и рижский архиепископ, потерявший надежду на поддержку Дании. 17 сентября под давлением Кетлера престарелый магистр ордена Фюрстенберг отказался от должно-

сти в пользу этого энергичного сторонника ливонско-польского сближения. Конфликт в Ливонии разрастался. Под протекторат датского короля Фридриха II 26 сентября того же года перешел эзельский епископ, который передал остров Эзель (Сааремаа) брату короля герцогу Магнусу.

Передышка, которую неосмотрительно дали Ливонии деятели Избранной рады, содействовала тому, что в войну оказались втянуты несколько европейских держав. Это непомерно осложнило позиции России и возбудило недовольство Ивана IV Адашевым и его друзьями. Избранная рада о ее программой движения на юг и восток должна была уйти с арены. К этому времени исчерпала себя не только ее внешне-, но и внутривполитическая программа. К 1559 г. прекращаются все сколько-нибудь заметные реформы во внутренней жизни России. Поводом для опалы А. Адашева послужила болезнь царицы Анастасии. Во время пребывания царской семьи на богомолье в Можайске (летом 1560 г.) пришла весть о поражении под Юрьевом. Тем временем крымцы напали и разорили Каширский уезд. Военные неудачи вызвали панику, Адашев настаивал на срочном возвращении царя в Москву. Во время этой поездки тяжело занемогшая царица почувствовала себя еще хуже. В начале августа 1560 г. она скончалась. В смерти царицы Грозный обвинил Адашева. По существу же дело было не только в этом. Адашев проявил излишнюю самостоятельность во внешнеполитических сношениях с литовскими представителями в конце 1559 г., о чем Ивану Грозному донес казначей окольничий Ф. И. Сукин. В начале 1560 г. Адашев был отослан в Ливонию, где вместе с И. Ф. Мстиславским возглавил летний поход, в результате которого был захвачен Феллин, резиденция бывшего магистра Фюрстенберга. Ливонская артиллерия досталась русским, а сам магистр был отправлен в Россию. Несмотря на этот успех, Адашев получил почетную отставку. Он был назначен воеводой в Феллин. Его ближайшего сподвижника Сильвестра тогда же отправили в Кирилло-Белозерский монастырь. Деятели Избранной рады при дворе Ивана IV сменили родственники умершей царицы Захарьины-Юрьевы.

Имя русского царя прославилось далеко за пределами России. Патриарх признал право Ивана Грозного на царский титул. Пышные богослужения по этому поводу предшествовали второй свадьбе царя 21 августа 1561 г.,

подобно тому, как венчание на царство предшествовало первой. Второй женой Грозного под именем Марии Темрюковны стала дочь кабардинского князя.

1561 год был годом внешнеполитических успехов России. Летом 1561 г. новый шведский король Эрик IV, которому только что присягнуло на верность дворянство Северной Эстонии, заключил перемирие с Иваном IV на 20 лет. Успешно продолжались действия на юге страны. В 1560—1561 гг. русские войска совершают набеги на Крым, которые вызывают опасения не только в Бахчисарае и Стамбуле, но и в Кракове. С Польским королевством и Великим княжеством Литовским отношения после безрезультатных переговоров в Москве с послами Сигизмунда II Августа в феврале 1561 г. остались враждебными.

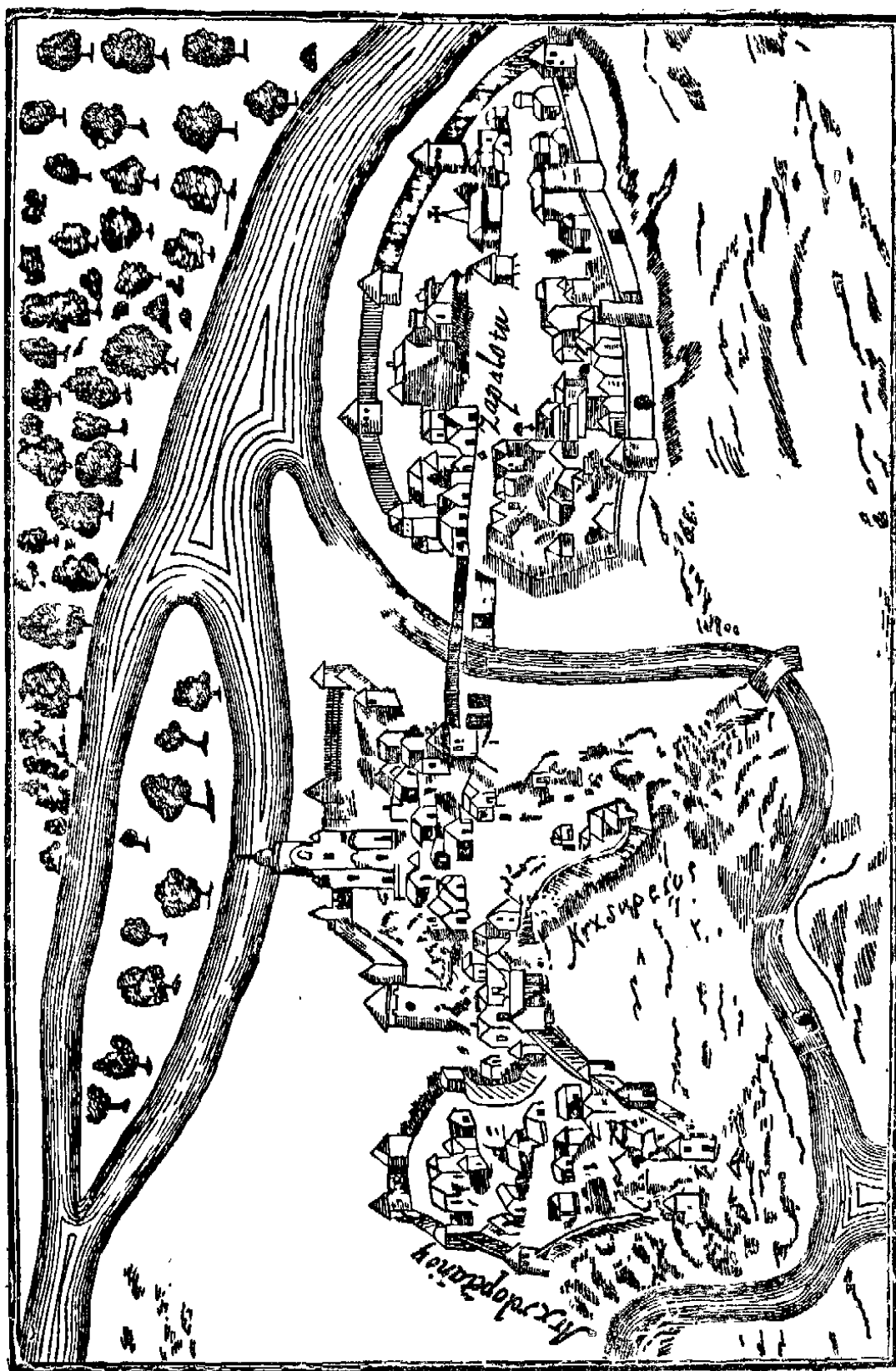
Успешно развивались торговые контакты не только со странами Северной Европы, традиционными партнерами русских купцов (немцами, голландцами, датчанами), но и с новым контрагентом — Англией. С середины 1554 г. в Архангельск приходило ежегодно по 3—4 английских корабля, а в 1563—1567 гг. по 10—14 кораблей. В начале 60-х годов XVI в. Россия как бы обратилась лицом на север. Развитие торговых связей по Северной Двине вызвало прилив населения в северные города, которые именно тогда пережили период бурного и яркого расцвета.

Ливонская война, как и оборона южных границ России, требовала все большего количества артиллерии, войска нуждались в одежде и соли. Все это прибывало либо северным, либо северо-западным путем. Расположенный между этими двумя путями Великий Новгород использовал возможности для обогащения купеческой верхушки. А вместе с богатством крепили и свобододолюбивые настроения «господина Великого Новгорода». Их питало и право полусамостоятельных отношений Новгорода с Ливонией и Швецией. Большую роль в управлении городом наряду с наместником играл и владыка. Сохранились пятикончанские старосты и другие органы старой администрации. Парадокс заключался в том, что идеи независимости Новгорода разделяли те из его жителей, которые сравнительно недавно стали «новгородцами».

Поселенные («испомещенные») на землях Новгорода дети боярские в отличие от других служилых людей владели землею не на вотчинном, а на поместном праве и не входили в состав Государева двора. Все это служило источником их недовольства. Позиция новгородских по-

мещиков до поры до времени не привлекала особого внимания монарха. Гораздо больше его волновал ропот княжеской аристократии. Кичившаяся родопитостью, она по-прежнему держала в своих руках наиболее доходные и почетные должности в государственном аппарате, суде и армии, умножая тем самым и без того огромные денежные и земельные богатства. В 1562 г. Грозный написал новую духовную грамоту, в которой определил порядок наследования трона и состав регентского совета при малолетнем сыне царя Иване, хотя Владимир Андреевич Старицкий по-прежнему оставался реальным претендентом на царский престол в случае пресечения потомства Грозного. По издавна существовавшей традиции Владимир Андреевич был непременным участником всех важных событий — и государственных и семейных. Владимир Андреевич был опытным военачальником, которому Грозный поручал ответственные дела во время всех войн, ведшихся Россией. Он отлично зарекомендовал себя во время Казанского похода. Большое личное мужество проявил Владимир Андреевич и в июле 1560 г. при тушении пожаров в Москве. Ни он, ни его мать не забывали о своем высоком происхождении. На плащанице, пожертвованной княгиней Евфросиньей в 1560—1561 гг. Троице-Сергиеву монастырю, была выткана надпись о том, что «сии воздух» сделан «повелением благоверного государя князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича, правнука великого князя Василия Васильевича Темного». Напоминая таким образом о своем происхождении от великих князей московских, старицкий князь недвусмысленно заявлял права на наследование престола. По новой духовной старицкий князь в отличие от духовной 1554 г. не был включен в число регентов. Новые регенты входили в состав дворцового ведомства (несколько Захарьиных-Юрьевых и два будущих опричника — А. П. Телятевский и Ф. И. Умной-Колычев). Все они приняли присягу на верность царевичу Ивану. «Мятежа», подобного 1553 г., не последовало. В опалу на протяжении 1562 г. попали братья Михаил и Александр Воротынские, вслед за ними и князь Д. И. Курлятев, сторонники Адашева.

В это же время Иван IV ограничил поземельные права княжат и слуг. Приговор 15 января 1562 г. запрещал князьям ярославским, стародубским и другим продавать, менять и отдавать в приданое «вотчины их старинные».

Вид-план Полоцка в XVI в. Рисунок. 1579 г.

Выморочные и обремененные долгами вотчины отписывались на государя, как и вотчины удельных князей. Служилые князья, вопреки предшествующим приговорам 50-х годов, продолжали пользоваться правом вкладывать земли в монастыри.

К этому времени относится увеличение числа атрибутов царской власти. В 1562 г. к старым регалиям — кресту и бармам — присоединился скипетр, который издавна был признаком королевской власти.

Новым в политической практике 1561—1562 гг. было систематическое взятие поручных записей по князьям, в чем-либо заподозренным или чем-нибудь провинившимся. В. М. Глинский в 1561 г. и И. Д. Бельский в 1562 г. (оба — родственники царя) должны были дать «записи» в том, что они будут верны Ивану IV и не сбегут «за рубеж». Бояре и дворяне обязывались в случае нарушения князьями присяги платить большие суммы. Опасения царя о возможности бегства князей подкреплялись известием о поступлении на литовскую службу Дмитрия Вишневецкого.

Конец 1562 г. был занят военными действиями. 15 ноября царь выступил в поход на Полоцк, который являлся ключом к водному пути по Западной Двине и открывал возможности для дальнейшего движения к Вильне — столице Великого княжества Литовского. 15 февраля 1563 г. Полоцк капитулировал. Царь пополнил свой титул еще одним названием старинного древнерусского города и на радостях повелел изготовить новую большую печать, где подробнейшим образом были перечислены его титулы, среди которых был «великий князь полоцкий»³. В стане у нового полоцкого государя его поздравили участники похода Владимир Андреевич Старицкий и татарский царевич Семион Касаевич. Роль Владимира Андреевича в овладении Полоцком была так велика, что Грозный особо известил о победе княгиню Евфросинью. Отзвуком победы под Полоцком было завершение в январе 1564 г. переговоров с крымским ханом Девлет-Гиреем, который присягнул на верность русскому царю. Победа под Полоцком была омрачена жестокой эпидемией сыпного тифа, разыгравшейся во время ожесточенных боев за город. Пришли недобрые вести и из Стародуба. Сообщалось, будто бы наместник князь Василий Фуников и воевода Иван Шишкин-Ольгин, родственник Адашевых, «хотят город сдать». И тот и другой тот-

час были отправлены в Москву. Во время осады Полоцка в Литву бежал один из Колычевых, а вскоре после этого Т. Тетерин и М. Сарыхозин. В это же время, по-видимому, были казнены брат Алексея Адашева Даниил с сыном Тархом, тесть Даниила костромич П. И. Туров и их многочисленные родственники, а также Федор, Алексей и Андрей Сатины. А. М. Курбский был отправлен «годовать» в Юрьев Ливонский, где незадолго перед тем находился Алексей Адашев.

Обратный путь царя из Полоцка пролегал через Старицу; Иван Грозный заехал к Владимиру Андреевичу и княгине Евфросинье и «у них пировал». Старицкий двор и его настроения, по-видимому, снова испугали Грозного готовностью выступить за своего князя. 31 декабря 1563 г. умер митрополит Макарий, который в последнем послании благословил не только царя, царицу и царевичей, но и Владимира Андреевича, а из «новопросвещенных» князей — Александра Сафа-Киреевича. Церемония погребения митрополита, на котором присутствовал и Владимир Андреевич, и упоминание его в послании митрополита снова подчеркнули авторитет Владимира Старицкого.

Весной 1564 г. Грозный решается на новую меру против старицкого князя. По жалобе одного из дьяков, будто княгиня Евфросинья и сын «держат его скована в тюрьме», Грозный «положил гнев свой» на княгиню Евфросинью и 5 августа насильно постриг ее в монахини. Опале подвергся и Владимир Андреевич. Все его ближайшие люди — бояре, дьяки и дети боярские были переведены в государев двор, а на их смену были присланы царские бояре, дьяки и приказные люди. Отныне каждый шаг Владимира Андреевича ставился под строжайший контроль со стороны царских бояр и дьяков. Через 2 дня после смерти родного брата царя Юрия Васильевича (24 ноября), благодаря чему Владимир Андреевич, второй из оставшихся Рюриковичей, поднимался на ступеньку выше к трону, Иван Грозный начал обмен старицких земель на свои. Так он выменял г. Вышгород с уездом и ряд волостей в Можайском уезде на г. Романов на Волге. Тем самым он окончательно порвал прочные дотоле связи Владимира Андреевича с местными служилыми людьми, лишил его поддержки местного дворянства.

1564 год принес с собою новые казни и расправы. Под Уллой, на которую направили главный удар литов-

ские воеводы Н. Радзивилл и Г. Ходкевич, войско кн. П. И. Шуйского постигла неудача. Ждавшему соединения с ним войску князей В. С. и П. С. Серебряных пришлось вернуться назад. Это вызвало гнев Грозного, обрушившийся на правых и виноватых. Расправа над ними показала, что «гроза государева» постигнет каждого, кто пренебрежет своими воинскими обязанностями, она должна была отвлечь детей боярских и бояр от сомнений в исходе Ливонской войны, которая продолжалась уже пять лет и до сих пор приносила больше смертей и ущерба, чем какое-либо другое военное начинание. Казнен был смоленский наместник Никита Васильевич Шереметев, а его старшего брата Ивана Большого постигла опала. Малейшее неповиновение наказывалось смертью. Так, за отказ одеть «машкару» (потешную маску) на царском пиру князь Репнин, отличившийся под Полоцком, был захвачен в церкви во время всеобщей и убит. Кровавые расправы заставили остальных бояр, боявшихся за свою жизнь, прибегнуть к посредничеству митрополита Афанасия, бывшего протопопа Благовещенского собора, около 10 лет выполнявшего обязанности духовника Ивана IV. Совместное обращение бояр и митрополита к царю «воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка»⁴ подействовало, но ненадолго.

Не меньшую опасность, по мнению царя, представляла и новгородская церковь. Великий Новгород, сохранивший пережитки удельных вольностей, казался все еще непокорным соперником Москвы. Фактическим главой Новгородской республики в свое время наряду с боярским советом был архиепископ. Несмотря на секуляризацию земель, политические позиции и идеологический престиж новгородского владыки, второго по значению церковного иерарха на Руси, оставались очень прочными. Свидетельством недоверия, которое испытывала центральная власть к новгородским архиепископам, является тот факт, что редко кому из них удавалось спокойно кончить жизнь на новгородской кафедре.

В конце XV в. в Новгороде в кругу архиепископа Геннадия была создана «Повесть о белом клобуке», согласно которой новгородский архиепископ рассматривался главой русской церкви. В феврале 1564 г. совместное заседание Освященного собора и Боярской думы рассматривает вопрос о «белом клобуке». Новгородская ле-

генда получила московскую санкцию, но с существенными коррективами. Отныне белый клобук (митру) как знак высшей церковной власти должен был носить не только новгородский архиепископ, но и московский митрополит. Одновременно ликвидировалась и привилегия новгородского архиепископа пользоваться красным воском для утверждения своих грамот. Это право получили московский митрополит и казанский архиепископ. Митрополит, как глава русской церкви, упрочил свою власть над новгородским архиепископом. Это соборное решение подчеркивало незыблемость светской власти царя.

Соборное решение было утверждено только царем и царевичем Иваном. Владимир Андреевич при обсуждении вопроса о новгородской церкви не присутствовал — старицкие князья издавна слыли покровителями новгородцев. По-видимому, победа митрополита над новгородским епископом сопровождалась ухудшением отношений Грозного с удельным старицким князем.

Опасаясь готовящейся над ним расправы, за границу бежал князь А. М. Курбский, не расставшийся с традиционными представлениями знати о свободе отъезда от государя. Для Курбского, навлекшего немилость царя, отъезд был единственным шансом на спасение, трактуемым им как осуществление законного права выбирать любого государя и служить ему, единственной возможностью до сведения всех подданных критику в адрес монарха, что и было целью первого послания Курбского Грозному.

Со своих позиций защитника прав феодальной верхушки в централизуемом государстве князь Курбский выступил с резкой и разносторонней критикой царя. В послании старцу Вассиану Муромцеву он бичевал весь строй современной ему России, сокрушаясь «о нерадении же державы, и кривине суда и о несытстве грабления чужих имений», о поддержке церковью любых начинаний царя. «Где тот святитель,— горестно восклицал Курбский,— запрети царю или властелем о законопреступных... где лики пророк, обличающих неправедных царей?» Церковники собирают себе «великие богатства» и мучат «убогих братьев» голодом и холодом. «Воинский чин» не имеет ни коней, ни оружия, ни даже пропитания. Наконец, «торговые люди» и земледельцы «безмерными данми продаваемы и от немилостивых приставов влачима и без милосердия мучима»⁵. Поэтому некоторые из них бегут

из своего отечества, а другие продают детей в вечное рабство.

Курбский, хотя и покинувший своего государя, все надежды на будущее России связывал лишь с ним, но державного властителя он призывал к смирению, правому суду и милосердию. В послании Вассиану Муромцеву слышатся отзвуки недавних публицистических споров: скорбные нотки Ермолая Еразма по поводу тяжелого положения «ратаев», нестяжательские сентенции Максима Грека (учителя Курбского), негодование Пересветова приниженностью положения воинников — напряженное раздумье мыслителей тех времен, когда Адашев и его сподвижники только приступали к преобразованиям. Однако времена Избранной рады ушли в прошлое. А защитник «великородных» «вельмож» аристократ Курбский, апеллируя к ее опыту, лишь противопоставлял «пресветлое православие» Стоглава деспотизму начала опричнины.

Тотчас по получении известия о бегстве Курбского Иван Грозный в сопровождении Владимира Старицкого через Переславль-Залесский отправился в Александрову слободу и в объезд земель по Можайскому и Вяземскому уездам, волости Олешня, принадлежавшей старицкому князю, а затем в дворцовые села в Верее и Вышгороде. Все эти земли, кроме Верее, промененной Владимиру Старицкому, вскоре войдут в опричнину. Во время этого путешествия Грозный ответил на первое послание Курбского, в котором пытался и оправдаться перед ним, и изложить свои представления о самодержавной власти. Неограниченность воли монарха, власть которого санкционирована церковью и богом, — вот лейтмотив его рассуждений. «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же» — единственный, по мнению Грозного, принцип самодержавной власти, которым утверждалась необходимость полного подчинения божественной воле монарха всех подданных⁶. Разгоряченное страхом воображение царя рисовало всех бояр потенциальными врагами и изменниками. В многословном послании он с яростью перечисляет грехи не только своих теперешних подданных, но и их дедов и отцов, и обосновывает свои права на «православное истинное христианское самодержавство» в тот период, когда для его укрепления он прибег к террору. Поэтому ответ Грозного Курбскому июня-июля 1564 г., как доказали советские и зарубежные слависты, звучал злободневно.

1564 г. принес не только бегство Курбского, но и поражение в борьбе с Ливонией. Война принимала затяжной характер. Осенью 1564 г. правительство Ивана IV, не имея сил сражаться сразу с несколькими государствами, заключило семилетний мир со Швецией ценой признания шведской власти над Ревелем, Перновом (Пярну) и другими городами Северной Эстонии.

Осенью 1564 г. литовское войско, в котором находился и Курбский, перешло в контрнаступление на западе. Согласованно с Сигизмундом II к Рязани подступил и крымский хан Девлет-Гирей. Город спасла находчивость будущих опричников Басмановых, набравших отряд служилых людей из своих рязанских имений.

К концу 1564 г. положение на границах государства было напряженное. Литовским войскам удалось занять пограничную крепость Озерище. Набег Девлет-Гирея привел царя в панику. На ливонском театре военных действий тоже не видно было никаких обнадеживающих признаков улучшения.

Да и в экономике страны стали заметны кризисные явления. Давало себя знать многолетнее напряжение хозяйства. Тяжелые подати привели к запустению Новгородской земли. В Бежецкой пятине пустоши составляли 12% против 3 в 1551 г. После голодного 1561 г. хозяйственное разорение распространилось на Можайский и Волоколамский уезды. В таких условиях политика Грозного сделала еще один поворот. Союз с церковью был недостаточен. Опора на боярскую и княжескую верхушку не выдержала испытания временем. Чтобы «обуздать» Россию, «поднять ее на дыбы», как это сделал позднее Петр I, казалось, нужны были самые крутые меры.

ВВЕДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

В воскресенье 3 декабря 1564 г. царь Иван со своими детьми и царицей Марьей отправился в подмосковное село Коломенское праздновать Николин день (6 декабря). Царский «подъем» настораживал угрюмой торжественностью. Станным казалось и то, что царь брал с собой не только «святость» (иконы и кресты), но и драгоценности, одежду и даже «всю свою казну». Царя в его таинственной поездке сопровождал «выбор» из дворян и детей боярских в полном вооружении. Конечная цель выезда хранилась в тайне. Все понимали, что дело не ограничи-

валось простой поездкой на богомолье. Пробыв из-за распутицы две недели в Коломенском, Иван IV направился в Троицкий монастырь, а оттуда в Александрову слободу. Возникшая в начале XVI в. Александрова слобода была удобным местом на пути в Переславль на «великокняжескую потеху». Окруженная рвами и р. Серой, она казалась Ивану IV надежной крепостью.

Только через месяц после приезда в слободу, 3 января 1565 г., Иван IV направил митрополиту послание, в котором перечислял вины бояр, детей боярских и приказных людей, которые обвинялись в «изменах» и нанесении убытков «государству его до его государьского возраста (т. е. до совершеннолетия)»¹. Вина церковных иерархов заключалась в заступничестве за тех, кого царь хотел «понаказати». Особая грамота была адресована посадскому населению Москвы. Царь, явно стремясь заручиться его поддержкой, писал, чтобы «они (черные люди, купцы.— Авт.) себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Послание было оглашено на собрании служилых и посадских людей, наминавшем заседание Земского собора. Опасаясь усиления власти бояр и помня времена боярского правления, участники его просили митрополита быть ходатаем перед царем, чтобы «государства своего не отставлял и своими государством владел и правил, якоже годно ему». Обвиненные в изменах бояре признавали за царем полное право казнить и миловать «лиходеев». Гости, купцы и жители посадов просили, чтобы государь, оставшись у кормила власти, «наипаче же рук сильных избавлял», и выражали готовность сами уничтожить — «потребить» изменников. Челобитная от москвичей содержала просьбу править страной, «как ему, государю, годно», предавать казни «изменников и лиходеев». Отныне самодержавная власть царя становилась как бы добровольно принятой населением столицы. Это было важным фактором установления неограниченной диктатуры. Грозному, как первому царю, важно было установить prerogatives власти.

Современники приписывали инициативу новой реформы то Марии Темрюковне (Г. Штаден), то двоюродному брату покойной царицы Анастасии В. М. Юрьеву, то одному из думных бояр А. Д. Басманову. Мысль о создании гвардии телохранителей давно пришла в голову царю. Он сторонился шумной и многолюдной Москвы, предпо-

читая ей либо загородные села и дворцы, либо путешествия по святым местам. На этот раз речь шла не только о защите «богохранимой» личности монарха, но и об искоренении «крамолы» и укреплении его власти. Для этого создавался особый воинский корпус из 1000 человек. Первоначально 570 человек составили опричный (особый) двор, вскоре опричное войско достигло 5 тыс. человек. В него входили представители и знатных княжеских родов (Барятинские, Одоевские, Пронские, Трубецкие, Щербатовы), и старомосковской боярской знати (Бутурлины, Воронцовы, Годуновы, Колычевы, Плещеевы, Салтыковы), и незнатных фамилий (Малюта Скуратов, Василий Грязной), татарские и черкесские мурзы (Черкасский), выходцы из Литвы (князья Вяземские, Пивовы), немецкие авантюристы (Штаден, Шлихтинг). Опричникам предписывалась особая форма одежды: грубые нищенские или монашеские верхние одеяния на овечьем меху, нижние же из шитого золотом сукна — на собольем или куньем. Всадники должны были привязывать собачьи головы на шею у лошади и шерсть на кнутовище. «Это обозначает, — по словам опричников И. Таубе и Э. Крузе, — что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны»². Верхушка опричников образовывала своеобразное братство, которое проводило карательные экспедиции. «Братия» во главе с царем-игуменом, Афанасием Вяземским — келарем, Малютой Скуратовым — пономарем, предававшаяся разгулу и насилиям, была вооружена заостренными монашескими посохами и длинными иожами, спрятанными под верхней одеждой.

На содержание опричного корпуса и царские расходы передавались значительные территории на западе, севере и юге страны, которые и составили особое владение царя — опричнину*. За пределами государева удела — опричнины оставалась земщина, которая должна была заплатить колоссальную контрибуцию «за подъем», т. е. за выезд, царя из Москвы (100 тыс. руб., равную стоимости почти 2 млн. четвертей ржи). Текущими государственными делами должны были по-прежнему заниматься приказы и Боярская дума. «О больших делах» (ратных и земских) докладывали царю. Царь сохранял положение выс-

* По традиции XIV—XV вв. так обозначалось особое владение князя. Историки этим же термином обозначают политику царя в 1565—1572 гг.

шей инстанции и в судебных делах, и в области международных отношений.

Наряду с земской создавалась и опричная Боярская дума, осуществлявшая верховное управление и суд на территории государева удела. В нее входили кн. М. Т. Черкасский (брат царицы), Плещеевы, Алексей и Федор Басмановы, Вяземский и Зайцев. Территориальное разделение земщины и опричнины по-разному истолковывалось в исторической литературе. С. Ф. Платонов считал, что опричнина включила основные центры княжеского землевладения. С. Б. Веселовский полагал, будто в число опричных вошли лишь земли с развитым помещичьим землевладением. Если первый видел в ней государственную реформу, то второй лишал ее политического смысла, видя в опричнине лишь борьбу с отдельными лицами. К этой точке зрения присоединился и Р. Г. Скрынников. Он выдвинул гипотезу о том, что опричнина пережила два этапа: на первом (в 1565—1566 гг.) ее основной удар был направлен против княжеско-боярской оппозиции (его результатом были начавшиеся казни и ссылка в Казанский край множества феодалов), а на втором, во время массового террора (1567—1572 гг.) пострадали в первую очередь представители старомосковского боярства. Нам этот вывод не представляется раскрывающим в достаточной мере существо опричнины. Целью введения опричнины, на наш взгляд, была борьба с пережитками политической децентрализации (удельным княжеством Владимира Старичьего и его сторонников, обособленностью Великого Новгорода и прерогативами «князей церкви»). Географическое распределение опричных земель позволяет дать ответ на вопрос о целях создания «государева удела». Север опричнины занимала полоса земли, расширявшаяся к Белому морю, начиная к востоку от Александровой слободы и включая Суздальский уезд, Плещую волость, Буйгород, Городец и Юрьевец на Волге, Галич, Вологду, Великий Устюг, Каргополь и Холмогоры, т. е. бассейн Северной Двины, Онеги, небольшую часть бассейна Волги. Опричные земли делили бывшие новгородские владения на две части, отрезая новгородцам путь на север. Они перерезали и путь по Волге, отдавая часть его в руки опричников. В опричнину переходили важнейшие торговые пути на север и восток, значительная часть побережья Белого моря, где располагались центры русско-английской тор-

говли (Холмогоры). Большая часть этих земель была населена черносотным или дворцовым крестьянством, платившим в государеву казну пушнину за «наместнич и волостелин корм». Передавая эти земли в опричнину, Грозный подрывал основы самостоятельной новгородской торговли. В его же руках оказывались и основные центры соледобычи в районе Галича и Соли Галицкой. Суздаль и Шуя принадлежали к районам поместного и вотчинного землевладения, как и большинство западных опричных земель (Вяземский уезд, окрестности Рузы и Можайска, Медынский уезд, Белев, Козельск, Перемышль). Это были стратегически важные форпосты — заслоны на западных и юго-западных границах государства от частых нападений крымского хана. Вязьма и Можайск, кроме того, граничили с владениями старицкого князя. Именно здесь предполагалось наделить землей основную массу опричников, выселив отсюда прежних владельцев.

Опричными землями стали и владения дворцового хозяйства, которые должны были поставлять соль из Балахны, Старой Русы и Тотьмы, рыбу — из волости Вселуки на озере Селигер, железо — из погоста Ошта на одноименной реке, притоке Онежского озера. Пастбища для многочисленных табунов находились на р. Пахре в Домодедовской волости Московского уезда.

За пределами опричнины оставались центральные, так называемые земские, уезды, изобиловавшие вотчинами феодальной аристократии (Московский, Стародубский, Ярославский, Переславль-Залесский и др.).

В самой Москве в состав опричнины вошли Чертольская улица с Семчинским селом, Арбат с Сивцевым вражком до Дорогомиловского вполья, левая от Кремля сторона Никитской улицы, кроме Новинского и Савинского монастырей. Все они вели на запад, к опричным Можайску и Вязьме. Разделение Москвы на опричную и земскую должно было создать дополнительную опору царской власти в самом городе, предотвратить возможные выступления городского населения и уничтожить подворье старицкого князя в Москве.

Северной резиденцией царя и как бы второй столицей должна была стать Вологда, где в 1565 г. под руководством выдающегося инженера Размысла начали создавать новый опричный кремль. Сюда свозились «всякие запасы» на царский обиход.

Введение опричнины сопровождалось расправами с негодными царю лицами. «За великие изменные дела», т. е. за поддержку в 1553 г. кандидатуры старицкого князя в качестве преемника царя Ивана, был казнен казанский воевода, боярин кн. Александр Борисович Горбатый с 15-летним сыном. Их судьбу разделили представитель старомосковского боярства П. П. Головин, тесть Горбатого, и несколько князей Оболенских, близких к старицким князьям. В мае 1565 г. в Казань были сосланы некоторые ростовские и ярославские князья. Ярославские поплатились ссылкой за то, что из их среды происходил изменник Курбский, а ростовские — за то, что к ним принадлежал инициатор выдвижения кандидатуры старицкого князя в 1553 г. — С. В. Лобанов-Ростовский. Позднее многие ростовские князья или были казнены, или насильственно пострижены в монахи. Казни весны 1565 г. направлялись против сторонников кандидатуры старицкого князя на царский престол. Это было не столько запоздалой расплатой за события 1553 г., сколько мерой, направленной на подрыв опоры Владимира Андреевича среди московской аристократии. «Представители знатных родов», которые «были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от отцов имений, — пишут Таубе и Крузе, — должны были тронуться в путь зимой среди глубокого снега... Если кто-либо из горожан в городах или крестьян в селах давал приют больным или роженицам, хотя бы на один час, то его казнили без всякой пощады»¹.

В Казани и Свияжске оказались и переселенцы из других городов — Можайска, Суздаля, Костромы, Москвы, Переславля-Залесского, Торжка, Костромы, т. е. как опричных, так и земских территорий, а также торговые люди и ремесленники из Москвы, Твери, Костромы, Владимира, Вологды, Рязани, Пскова, Углича, Устюга, Нижнего Новгорода. Демографическая политика времени опричнины завершала длительную историю «сводов» — насильственного переселения, которым русское правительство широко пользовалось на протяжении всей предшествующей истории складывания единого государства. Жители Новгорода, Твери, Рязани и других районов по мере их присоединения переселялись в центр, откуда на эти территории приезжали бояре с принадлежавшими им холопами, купцы и даже посадские люди.

«Сведенцы» из разных областей должны были осваивать вновь присоединенные земли Поволжья. На их благонадежность в борьбе с возможными мятежами местного населения правительство Грозного могло положиться: испуганные примером многочисленных казней, переселенцы должны были стать верной опорой царя в краю, заселенном нерусскими народами.

ЗЕМСКИЙ СОБОР 1566 г.

1565 год был занят строительством опричного аппарата, персональным отбором «людишек», переселениями и казнями. Все это не позволило предпринимать сколько-нибудь широкие международные акции. Весной 1565 г. завершились переговоры о семилетнем перемирии со Швецией, находившейся во враждебных отношениях с Польским королевством и Великим княжеством Литовским. По условиям перемирия за Швецией временно признавались Ревель, Пернов, Вайсенштейн (Пайде). Во второй половине 1565 г. начались переговоры с Сигизмундом II Августом, затянувшиеся до поздней осени 1567 г.

Обстановка для военных действий была крайне неблагоприятной. Осенью 1565 г. возобновилась эпидемия сыпного тифа — «огневой болезни» в Полоцке и соседних землях Великого княжества Литовского. Весной 1566 г. мор распространился на Великие Луки, Торопец, Смоленск, Новгород, а осенью эпидемия свирепствовала в Пскове и Новгороде. Это были отзвуки общеевропейского бедствия, получившего название венгерской лихорадки. В разгар эпидемии 30 мая 1566 г. в Москву для переговоров прибыли «большие» литовские послы во главе с гетманом Ходкевичем. Русское правительство стояло перед выбором — или продолжать затяжную и изнурительную войну, или заключить мир, отказавшись от дальнейших приобретений в Ливонии и Литве.

Перспективы войны в это время казались вполне обнадеживающими. Великое княжество Литовское испытывало серьезные трудности, государственные финансы были истощены, о чем свидетельствовало введение «поголовщины» (специального налога для уплаты жалованья наемным войскам). Семилетнее перемирие сулило России освобождение от борьбы на два фронта и даже установ-

ление союзнических отношений со Швецией. Создание «Засечной черты» на юго-западных опричных землях уменьшало опасность набегов союаного Литве крымского хана. Строительство крепостей на недавно присоединенной Полоцкой земле должно было обезопасить новые приобретения России от нападений литовского войска.

В начале 1566 г. у князя Владимира Андреевича, главного, по мнению царя, виновника крамолы, были перемены все земли его удела: вместо Старицы, Алексина он получил Боровск, вместо Вереи и замосковных волостей — Дмитров, Звенигород и Стародуб Рязановский, т. е. старинные удельные земли, разбросанные в различных частях государства. Обмен землями, а также обмен слугами, произведенный в 1563 г., лишил князя Владимира последней опоры в лице старицких феодалов. К этому времени Иван Грозный уже разгромил тех представителей феодальной аристократии, которые могли бы оказать поддержку старицкому князю. Одновременно царь «пожаловал» Владимира Андреевича, «велел ему поставити двор на старом месте», в Москве. Себе же он велел соорудить двор на опричной территории, между Арбатом и Никитской.

В целом к первой половине 1566 г. обстановка в стране несколько стабилизировалась. Поутихли опричные репрессии. Из ссылки был возвращен один из виднейших полководцев — князь М. И. Воротынский. Получила разрешение вернуться на старые земли значительная часть опасных казанских жильцов. Все это создавало предпосылки для рассмотрения вопроса об условиях мира с Великим княжеством Литовским. Русская сторона, так же как и в 1563 г., обусловила заключение мира передачей России Киева, Любеча, Орши, Могилева, Луцка, Ровно, Бреста, Галича, Каменца, Львова, а также всей Ливонии. Правительство придерживалось той же программы воссоединения украинских и белорусских земель, что и позднее, в XVII—XVIII вв. Однако в 60-х годах XVI в. это выглядело гораздо скромнее. Грозный соглашался на получение Киева, Гомеля, Витебска, Любеча и Ливонии. Поскольку для Литвы эти условия были неприемлемы, было решено ограничиться только перемирием. Спор вызывали определение полоцких границ и размеры литовских владений в Ливонии. Стремясь заполучить Ригу, русское правительство готово было пойти на территориальные уступки в других районах.

Для решения вопроса о заключении перемирия был созван собор, который в литературе по аналогии с позднейшими получил название Земского. На нем были представлены бояре, дворяне, торговые люди и гости, в основном московские и смоленские. Как представители дворянства принадлежали по преимуществу к государеву двору, так и третье сословие, представленное на соборе, образовывало своеобразный государев торговый двор.

Этот орган сословно-представительной монархии действовал в сложных внутри- и внешнеполитических условиях. Собор 1560 г. не только заслушал правительственные декларации, как это было в 1549 г., но и выступил с суждениями по жизненно важному внешнеполитическому вопросу. Одни, охваченные торговой лихорадкой после присоединения Нарвы, другие в жажде новых земельных приобретений в Ливонии, третьи из соображений престижа, четвертые с оглядкой на царя — словом, все единодушно высказались за продолжение войны. Особенно решительны были помещики пограничных районов Великих Лук и Торопца, наряду с новгородцами и псковичами выносившие основные тяготы войны: «Мы, холопи его государевы, за одну десятину земли Полотцкого и Озерицкого повету головы положим... за его государское дело с коня порем». Купцы и гости выразили готовность положить «за государя» не только «животы» (имущество. — *Авт.*), но и головы, «чтобы государева рука везде была высока»¹.

Борьба за Прибалтику отвечала интересам царя — главы государства и крупнейшего поставщика экспортных товаров, бояр и монастырей как поставщиков пушнины и воска, шедших за границу, дворянства, для которого открывалась возможность наделения землей на новых территориях, верхушки посада, участвовавшей во внешней торговле, и, наконец, ремесленников, в первую очередь тех, которые были заняты металлообработкой. Таким образом, Ливонская война с ее целью выхода на Балтику отвечала общегосударственным интересам.

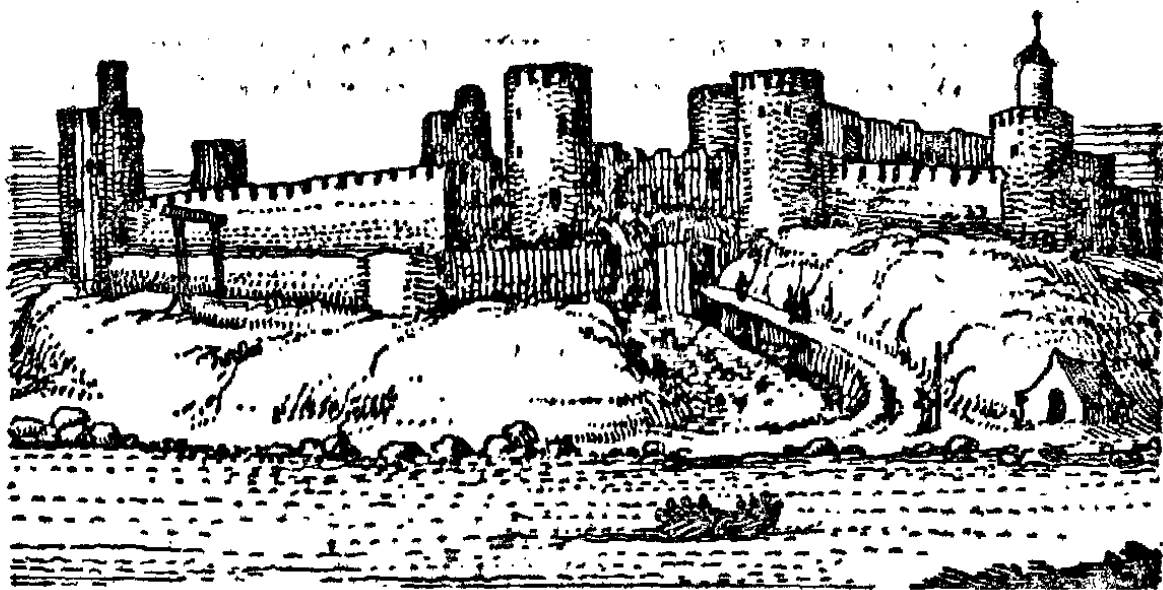
Многие участники собора полагали, что в качестве платы за согласие на продолжение войны можно потребовать ликвидации ненавистной опричнины. С подобной петицией обратилась группа дворян, возглавленная костромичом князем В. Ф. Рыбиным-Пронским. Итогом была новая волна репрессий. Были казнены В. Ф. Рыбин-Пронский и другие челобитчики, а Кострома в 1567 г. переда-

на в государев удел. Остальные участники выступления были подвергнуты торговой казни (публичному телесному наказанию). Половина бояр, заседавших на соборе, в последующие годы сложила свои головы.

Земский собор 1566 г. на полтора десятилетия определил политику русского правительства вовне и внутри страны.

Расцвет нарвской торговли, казалось бы, оправдывал решение собора 1566 г. В 1559 г. Нарва открылась как русский порт. Нарвским жителям было предоставлено право свободной торговли в России и беспрепятственных отношений со «Священной Римской империей», подданными которой были все северонемецкие ганзейские города. Русские купцы получили право торговать не только в Швеции, но и ездить через шведские владения «в Любек, Антроп (Антверпен.— Авт.), и во Испанискую землю, и во Англию, и во Францыйскую землю»². В Нарву спешили ганзейские, голландские и французские корабли, нагруженные фландрскими и английскими сукнами, французской, испанской, португальской и немецкой солью, медью, оловом, свинцом из Гарца. Из России они увозили пушнину, лен и коноплю, сало и ворвань, поташ и воск. Нарва, по подсчетам шведского историка А. Атманна, поставляла 81% всего балтийского экспорта пушнины, 23% воска, 42% льна и конопли, 94% сала³. Торговля через Нарву открывала широкие возможности для экспорта русского сырья и пушнины и снабжения русского ремесла необходимыми для развития литейного дела металлами. Развитие русской торговли по морю подрывали шведские и польские каперы, грабившие суда, покидавшие Нарву. Для борьбы с ними Иван Грозный сделал попытку организовать собственный каперский флот.

«Нарвскому плаванию» пришлось встретиться и с большими трудностями, нежели морское пиратство. Державы, ставшие великими за счет древнерусских владений в Карелии и Ижоре и бывших земель Ливонского и Тевтонского ордена, претендовали на монополию торговли по северным морям Европы. Они не собирались поступать в пользу России. Шведский король Густав I Ваза и польский король и великий литовский князь Сигизмунд II Август обратились за помощью к римскому папе, английской королеве Елизавете и другим европейским государям, настаивая на прекращении торговли в

Вид Нарвы. Гравюра. XVIII в.

Нарве, поскольку, по словам польского короля, «московский государь... ежедневно усиливается по мере большого подвоза к Нарве разных предметов, так как оттуда ему доставляются не только товары, но и оружие, доселе ему неизвестное, и мастера и художники: благодаря сему он укрепляется для побеждения всех прочих государей»¹.

ОПРИЧНАЯ ДУБИНА

Осенью 1567 г. в соответствии с решением собора был объявлен новый поход на Ливонию. Когда войска были стянуты в район Орши, царь, собственной персоной выступивший в поход, спешно вернулся в Москву, куда его призывали более важные дела, чем война с Литвой или Ливонией, — война с собственными подданными.

Еще летом 1567 г. четверо виднейших московских бояр — И. Ф. Мстиславский, М. И. Воротынский, И. Д. Бельский и И. П. Федоров получили письма Сигизмунда II с предложением перейти «под королевскую руку»; им были обещаны почести, достойные их знатности. Резкие и суровые ответы, принадлежащие, скорее всего, перу самого Грозного, должны были положить конец переписке. Поговаривали, будто бояре продолжают сношения с польским королем и задумали измену. Царя якобы должен был сменить Владимир Андреевич. Разнообразные и сбивчивые слухи, изложенные в сочинениях иностранных ав-

торов, не дают возможности восстановить ход дела. Скорее всего, сам Грозный, ища виновников неудачного похода осени 1567 г., решил «открыть измену» в действиях И. П. Федорова, на которого возлагали вину не только другие бояре, но и Владимир Андреевич, по словам Г. Штадена, давно опасавшийся за свою жизнь. И. П. Федоров-Челяднин, выходец из среды старомосковского боярства, долгое время был «конюшим», т. е. фактическим главою Боярской думы, имевшим право выбирать царя в случае отсутствия наследника престола. Впрочем, чина он был давно лишен. Осенью 1567 г. Грозный вызвал его во дворец, заставил занять трон и якобы сказал ему: «Ты имеешь то, чего искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место»⁴. После этого, по словам Шлихтинга, он собственноручно заколол престарелого и верного слугу. В опричнину была передана часть Белозерского уезда, где располагались крупнейшие вотчины И. П. Федорова.

Расправа с И. П. Федоровым сопровождалась столкновением Грозного с митрополитом Филиппом, избранным в июле 1566 г. Это был один из самых драматических эпизодов борьбы, которую вела сначала великокняжеская, а потом царская власть за подчинение церкви государственному аппарату. Союз с представителями церкви на Руси существовал лишь до тех пор, пока он был необходим государям в их борьбе за установление единодержавия. Идеологи сильной церкви, оказавшей большие услуги государственной власти, склонны были отводить монарху подчиненную, по сравнению с духовными иерархами, роль. Поэтому во время царствования Грозного вопрос о взаимоотношениях царской власти с церковью не терял своей актуальности. Попытка подорвать экономическое могущество церкви при Избранной раде натолкнулась на сопротивление церкви, а рост реформационного движения не позволил правительству принять решительные меры против своего союзника.

К опричнине руководство церкви отнеслось резко отрицательно. В мае 1566 г. в отсутствие царя митрополит Афанасий сложил с себя сан. Следующий митрополит, Герман Полев, противник опричной политики, был низложен.

Новый митрополит, Филипп, происходил из старомосковского боярского рода Колычевых, как правило активно поддерживавших правительственную политику. Энер-

гичный настоятель Соловецкого монастыря, рачительный хозяин, изобретательный строитель (он придумал сеялку с 10 решетками, веялку на основе ветряной мельницы), Филипп не изменил своего характера и став митрополитом. Условием своего согласия на избрание упрямый и суровый старец поставил отмену опричнины. Он несколько раз публично выступал против разделения страны на две части и против казней: «До каких пор будешь ты проливать без вины кровь верных людей и христиан...»¹. Весной 1568 г. в ответ на одну из проповедей в Успенском соборе, куда царь явился со всеми опричниками, в том числе Малютой Скуратовым и Василием Грязным, с оружием наголо, Грозный тут же в соборе заявил: «Что тебе, черицу, до наших царских советов дело. Того ли не веши, мене мои же хотят поглотити...»².

Борьба за политическое преобладание между церковью и самодержавной властью велась неравными силами. Царь ради противопоставления монастырей-вотчинников высшей церковной иерархии — митрополиту и епископату вернулся к практике широкой раздачи и восстановления иммунитетных привилегий монастырей, отмененных во времена Избранной рады. Митрополиту он в отличие от Владимира Старицкого не давал ни одной жалованной грамоты. Еще при предшественнике Филиппа в 1563 г. была отменена подсудность монастырских властей в светских делах митрополиту и епископам. Таким образом, пределы юрисдикции митрополита даже над церковными иерархами резко сокращались. Борьба митрополита против опричнины заранее была обречена на неудачу. Однако Филипп продолжал свои обличения. Летом 1568 г., в разгар следствия по делу И. П. Федорова, митрополит выступил с очередным поучением, увещевая монарха прекратить казни: «Отнюду же солнце в небеси, несть слышано благочестивым царем свою им державу возмущати»³. Во время расправы с И. П. Федоровым, послушные царской воле отцы церкви лишили митрополита сана, обвинив его в «порочном поведении», а через несколько дней во время службы в Успенском соборе опричники во главе с А. Д. Басмановым сорвали с него церковное облачение и отправили в заточение. Опала Филиппа сопровождалась почти полным «перебором» церковных иерархов, как его сторонников, так и противников. На этом, однако, включение церкви в бюрократический аппарат государства не было закончено. Эта задача была ре-

шена лишь во второй половине XVII — начале XVIII в.

Расправы с видными представителями московских боярских фамилий происходили на фоне растущей хозяйственной разрухи и ухудшения внешнеполитических позиций России. Осенью 1568 г. Россия потеряла крепость Уллу. Временно перешел в руки литовских войск Изборск. Однако главным обстоятельством, повлиявшим на последующий ход войны, была Люблинская уния 1 июля 1569 г. Теперь Ивану IV пришлось иметь дело с Речью Посполитой, т. е. с объединенным Польско-Литовским государством, унаследовавшим от Великого княжества Литовского его основную внешнеполитическую задачу — сохранение в своем составе русских, белорусских и украинских земель, объединенных некогда в Древнерусском государстве и после монголо-татарского нашествия ставших добычей польских и литовских феодалов.

Международное положение России осложнилось и потому, что не сбылись надежды Ивана Грозного на тройственный англо-шведско-русский союз. Положение Елизаветы, ожесточенно боровшейся в 1568 г. за власть с законной наследницей престола шотландской королевой Марией Стюарт, отдаленно напоминало ситуацию в России, где Грозный видел угрозу трону со стороны Владимира Старицкого. Возможно, это укрепляло у царя надежды на создание действенного политического англо-русского союза, союза двух государей, отстаивающих законную власть. Не случайно на переговорах с Дженкинсоном осенью 1567 г., прося убежища в Англии «для сбережения себя и своей семьи», Грозный одновременно предлагал подобное убежище и английской королеве. Идея политического союза не вызвала интереса английской стороны. Следующему торговому представителю в России, Т. Рандольфу, удалось свести дело к увеличению торговых привилегий Московской кампании. Английские купцы, попавшие в опричное ведомство, получили право свободной и беспошлинной торговли по всей России, исключая Казань, Астрахань, Нарву.

Осенью 1568 г. престол в Швеции занял Юхан Финляндский, женатый на Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда II Августа, на руку которой в свое время претендовал и Грозный. К этому времени относится складывание шведской экспансионистской программы на Балтике. Шведские правящие круги надеялись получить новый источник доходов, поставив под контроль

торговые пути из России на Запад. Для этой цели считалось необходимым приобретение узловых пунктов на южном побережье Финского залива, в частности Ревеля. К концу Ливонской войны шведские планы стали значительно шире. Великая восточная программа Швеции предусматривала, как показал Б. Н. Флоря, включение в состав Шведского королевства занятых Россией земель в Прибалтике вместе с восточным побережьем Финского залива, а также Карелии и Кольского полуострова. В ответ на эти планы русское правительство весной 1569 г. обратилось к проектам создания буферного государства в Ливонии во главе с герцогом Магнусом, братом датского короля. План был разработан к осени 1569 г.

Однако его осуществлению препятствовало многое. Небольшому литовскому отряду, воины которого переоделись в опричников, удалось взять Изборск, одну из наиболее неприступных крепостей на северо-западе. Новая опасность надвигалась на Россию и с юга. Османский султанат, стремясь сорвать русско-иранское сближение, предпринял весной 1569 г. поход на Астрахань, который окончился неудачей. Но возможность подобных экспедиций в дальнейшем не была исключена. Это сковывало на юго-востоке часть русских войск.

1569 год принес с собой новую вспышку эпидемии не только на окраинных землях, но и в самом центре России. В Москве, по сообщениям Шлихтинга, ежедневно умирало 600 человек. Резко подскочили цены на хлеб.

Ухудшение международного положения России, рост недовольства внутри страны вызвали новую волну репрессий со стороны болезненно подозрительного царя, проводившего почти все время в Александровой слободе. Посланный с войском в Нижний Новгород, где он должен был возглавить поход против османов, Владимир Старицкий провел на Волге все лето. Как всегда во время военных походов, его авторитет резко возрастал. О влиянии старицкого князя свидетельствует торжественная встреча, устроенная ему костромичами весной 1569 г. Раздраженные опричными репрессиями, они, вероятно, видели в старицком князе возможного избавителя от опал и казней. После отступления османского войска из-под Астрахани (в конце 1569 г.) Владимир Андреевич был оклеветан. Подкупленный царский повар показал, будто Владимир Андреевич дал ему яд, чтобы отравить царя. Царь обвинил двоюродного брата в покушении на свою жизнь и

велел привезти его в слободу. На одной из последних ямских станций Владимира Андреевича окружили опричники во главе с Малютой Скуратовым и Василием Грязным и заставили выпить яд. Вместе со старицким князем погибли его жена и младшая дочь, а 20 октября на одном из стругов, на котором плыла из Горицкого монастыря по Шексне, была отравлена дымом его мать княгиня Евфросинья. В связи со смертью Владимира Андреевича Старица была взята в опричину. После расправы над последним удельным властителем на Руси был казнен и боярин И. И. Турунтай-Пронский, поддерживавший когда-то кандидатуру старицкого князя на престол. Стремясь задним числом обосновать расправу с братом, царь отдает распоряжение внести в летопись новый рассказ о мартовских событиях 1553 г., в котором Владимир Андреевич изображается как активный претендент на московский престол, возмущивший всех бояр против царя. Союзниками Владимира Андреевича объявлялись новгородцы, которые царя «хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича»⁵, а свой город, так же как и Псков, отдать польскому королю. Безымянная «подметная» челобитная, содержавшая подобные обвинения, стала поводом для огромной карательной экспедиции в Новгород. Втайне подготовленный поход 15-тысячного опричного войска начался в конце декабря 1569 г.

«Коею улицею ехал Грозный царь Иван Васильевич, тут кура не поет», — говорится об этом походе в народной песне. Грозный, как лютый зверь, «всех сек и колол и на кол садил»⁶. Первой жертвой опричного разгула стал Клин, где была учинена дикая расправа, в том числе и над 470 торговыми людьми, прибывшими туда по распоряжению царя из Переславля. Следующая остановка — Торжок. И новые жертвы. В Твери опричники буйствовали в течение 5 дней, число погибших по разным сведениям достигало нескольких тысяч. Во время похода на Новгород Малютой Скуратовым был задушен опальный митрополит Филипп за то, что отказался благословить опричное воинство на разгром «новгородских изменников».

Целью задуманного похода был «господин Великий Новгород». Вокруг города устроили «великия сторожы и крепкия заставы», чтобы «ни един человек из града не убежал»⁷. Первый отряд опричников, вступивший в го-

род 2 января 1570 г., начал с грабежа монастырей. 6 января в Новгород въехал сам государь всея Руси с основным войском и отрядом стрельцов в 1500 человек. Террор достиг своего апогея. Был схвачен архиепископ Пимен. Опричники ежедневно топили в Волхове по 1000—1500 человек и следили за тем, чтобы никто не спасся, «прихватывая багры и рогатины, людей копии прободающе и топоры секуще, и во глубину без милости погружаху»⁸. В синодиках сохранились страшные холодной деловитостью записи о казни холопов, крестьян, горожан. Для обозначения расправы над ними употреблялось безликое слово «отделано». Так, во время Новгородского похода «по Малютине скаске новгородцов отделал тысящу чetyреста девяносто человек, и с пищалями отделано 15 человек». Кроме бояр и опальных деятелей, нещадно истреблялись многие из их людей, была перебита преданная И. П. Федорову челядь⁹. Округа в радиусе 200—300 км была опустошена опричными рейдами, хлеб сожжен, скот уничтожен, пострадали и крестьяне. Тяжелым испытаниям подверглась и карельская деревня. Документы пестрят такими записями: крестьянина «опричнина замучили, живот пограбили, двор сожгли»¹⁰. Число жертв в Новгороде достигало нескольких тысяч¹¹. Опустошенный и обескровленный город навеки потерял значение соперника Москвы, превратившись в рядовой город Российского царства, полностью подчиненный московской администрации. В 1571 г. торговая сторона Новгорода, а также Бежецкая и Обонежская пятины Новгородской земли были взяты в опричину. К Вологодской епархии были причислены владения новгородского архиепископа, находившиеся в опричнине, — Двина, Каргополь, Турчасов, Вага с уездами. Были ликвидированы привилегии гостей — сурожан^{*}, а их самих переселили в Москву.

Передача в опричину новых территорий, так же как и погром Новгорода, должна была поправить финансы великого князя, пострадавшие от непосильного бремени войны и дворцовых расходов. Сокровища Великого Новгорода стали достоянием царя, самолично присутствовавшего при изъятии из Софийской казны драгоценной утвари, книг, икон. 13 февраля «милостивый царь-государь» покинул обезлюдевший город, оставшееся население ко-

^{*} Сурожане — привилегированная группа новгородских купцов. Название происходит от г. Сурож (Судак) в Крыму, с которым еще в XV в. новгородцы вели торговлю.

торого было обречено на голод. Тысячи возов с награбленным имуществом сопровождали Ивана IV в обратный путь. Обогатился не только он, но и его верные слуги. «Когда я выехал с великим князем, — рассказывает один из участников этого похода Г. Штаден, — у меня была одна лошадь, вернулся я с 49-ю, из них 22 были запряжены в сани, полные всякого добра»¹². Царский поезд двигался по пустынным местностям. «Все посе́вы в полях, селах, городах и дворах были сожжены и уничтожены, так что в стране начался такой голод, какого не было со времени разрушения Иерусалима», — писали Таубе и Крузе¹³.

И. С. Пересветов когда-то видел в янычарах Магмета-Салтана «гораздых стрельцов огненныя стрелбы» — образец войска, верную опору царя в борьбе с внешними и внутренними врагами. Новгородский поход, эта, по словам К. Маркса, «кровавая баня»¹⁴, показал, что опричное войско превращалось в сборище мародеров, живших грабежами и убийством мирного населения, соревновавшихся в жестокости по отношению к каждому, кого им угодно было представить врагами царя, и в раболепстве по отношению к царю.

Из Новгорода Грозный направил карательные экспедиции в Нарву и Ивангород, а сам двинулся в Псков. Несмотря на встречу царя хлебом-солью, псковичам не удалось избежать казней: погибли игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий, известный антимосковскими настроениями, и келарь Вассиан Муромцев, состоявший в переписке с Курбским. Дальнейшие казни якобы оставил юродивый Никола. Дело, конечно, не столько в юродивом, сколько в ином характере отношений царя к Пскову, который он по традиции считал своим союзником. Впрочем, церковная казнь Пскова перешла в руки царя.

В итоге новгородского похода были уничтожены обособленность и экономическое могущество Новгорода. Наряду с этим новгородский поход резко ухудшил экономическое положение крестьян. В 1571 г. селения Шелонской пятины на две трети обезлюдели, превратившись в «громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди»¹⁵. Голод, царевы подати, нападения «свейских немцев» (шведов. — Авт.)¹⁶ и опричников выгоняли крестьян с насиженных мест. «Правеж» (опричный суд) Басарги Леонтьева в Поморье напоминал налет саранчи. Был наложен колоссальный штраф на жителей во-

лостей Шуи, Кема, Корети, Кандалакши и Умбы. Отошедшая в опричнину волость Варзуга «запустела от гладу, и от мору, и от Басаргина правежу»¹⁷.

Разорение коснулось и центральных районов. Крестьяне видели причины запустений в «лихом поветрии», проезде «сильных и ратных людей», уплате податей с пустых земель. Они говорили, что «изнемогают ото всяких государевых податей, потому што платят з живущего и за пуста». Максимальные размеры собственной запашки феодала во второй половине XVI в., по наблюдениям В. И. Корецкого, достигают 40—50% всей обрабатываемой земли в том или ином владении. По подсчетам А. Г. Манькова, барщина составляла в 60-е годы две трети всех крестьянских повинностей. Рост барщины и увеличение размеров товарного хлеба в руках помещиков вызывали необходимость в транспорте. Подводная повинность (обязанность перевозки хлеба) тяжелым бременем ложилась на плечи крестьян. Каждая поездка в Москву даже для крестьян ближайших к столице местностей занимала неделю, а то и две непродуктивно истраченного времени. Одновременно с втягиванием феодалов в товарно-денежные отношения происходило вытеснение крестьян с рынка. Феодалы, по преимуществу церковные, скупали хлеб у своих же крестьян и, пользуясь даровой рабочей силой, отправляли его в город на рынок. Они получали возможность реализовать хлеб по цене ниже, чем крестьяне, и закрепить свое господство на внутреннем рынке. Робкие попытки крестьян участвовать в торговле подавлялись складывающейся монополией феодалов.

В годы опричнины и Ливонской войны росла не только барщина. Наряду с ней увеличивался и оброк. В одной Обонежской пятине в 1563 г. сравнительно с 1533 г., по подсчетам И. Л. Перельман, оброки в государевых оброчных волостях выросли в 4—6 раз. Тот же процесс происходил и в вотчинах и поместьях. Ухудшение положения крестьян в годы опричнины не прошло незамеченным. Таубе и Крузе писали: «Бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет»¹⁸. В то же время были и богачи. «Некоторые крестьяне страны имеют много денег», — отмечал один из современников¹⁹. Налоги взимались под угрозой нового правежа безо всякого внимания к судьбам крестьян. В случае неуплаты недоимок крестьяне должны были платить вдвое. Новые господа из опричного

корпуса царя Ивана принесли с собой новые беды для крестьянина. Пользуясь положением калифов на час, они старались выжать из подвластного им населения максимум возможного. Ударяя одним концом по вельможному господину, опричная дубина еще с большей силой обрушилась на русского крестьянина и посадского человека.

ЗАКАТ ОПРИЧНИНЫ

В то время как Грозный довершал кровавую расправу с новгородцами, в Российское царство двигалось посольство Речи Посполитой во главе с Я. А. Кротовским. Переговоры, едва начавшись в мае 1570 г., прервались в связи со слухами о появлении огромного войска крымцев под Рязанью и Каширой. Иван IV отправился с войском на встречу ему. Но оказалось, что набег был уже отбит. Позднее царь жестоко расправился с одним из воевод — В. Прозоровским, дрогнувшим при встрече с крымцами. Он заставил его брата Никиту напустить на Василия медведя, который и растерзал злополучного военачальника. Несмотря на успех похода, на Оке было оставлено большое войско во главе с И. Д. Бельским, И. Ф. Мстиславским и М. И. Воротынским.

Опасность очередного нападения крымцев вынудила царя поспешить с заключением перемирия с Речью Посполитой. Кроме того, еще в 1569 г. в Москву просочились слухи о желании «взять на Великое княжество Литовское и на Польшу царевича Ивана»⁴. В 1570 г. польские послы открыто говорили о такой возможности. 20—22 июня были выработаны условия приемлемого для обеих сторон трехлетнего перемирия, которое должно было подготовить почву для заключения прочного мира.

Установив мирные отношения с Речью Посполитой, приняв под свой протекторат «Ливонское королевство», глава которого — датский герцог Магнус — должен был жениться на ближайшей родственнице Грозного, дочери Владимира Андреевича, который объявлялся невинно пострадавшим из-за наветов клеветников, Россия вступила на путь разрыва со Швецией. Во время переговоров с Магнусом был выработан план осады Ревеля. Послы нового шведского короля Юхана III во главе с епископом г. Або Павлом, прибывшие в Новгород осенью 1569 г. с целью возобновления мирных отношений, прерванных в

связи с низложением Эрика XIV, не были приняты царем. Потом их отправили в ссылку в Муром за то, что они отказались принять условием мира со Швецией выдачу России Екатерины Ягеллонки, жены Юхана III.

Разрыв со Швецией свидетельствовал об отказе Грозного от проекта тройственного англо-шведско-русского союза. Королева Елизавета обещала русским послам в мае 1570 г. только одно: убежище царю в Англии, буде «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» он окажется вынужден покинуть родину. Уклончивая позиция Елизаветы вызвала ярость Грозного. В письме к Елизавете осенью 1570 г. он резко порицает ее за политику, проводимую по отношению к России, и язвительно укоряет за то, что Англией вместо нее («мимо тебя») управляют «не токмо люди, но мужики торговые, и о наших о государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков». Вот эти-то «прибытки» Грозный отнял: осенью 1570 г. все торговые привилегии Московской кампании были ликвидированы. В Вологде было прекращено строительство судов и барж, предназначенных для бегства царя в Англию.

Очередной поворот внешней политики сопровождался возобновлением казней. Был убит брат главы Посольского приказа Третьяк Висковатый, якобы оклеветавший Владимира Старицкого. Видный воевода боярин П. С. Серебряный был казнен за какую-то служебную оплошность.

Но все это было прелюдией к еще более страшным событиям. 25 июля Москва стала свидетельницей массовых казней, совершенных «на Поганой луже» (позднейших Чистых прудах). Много ужасов видала на своем веку русская столица. В 1504 г. в ней пылали костры, на которых сжигались «еретики». Не раз топор палача оканчивал жизненный путь непокорных вельмож. Но то, что произошло в Москве 25 июля, по своей жестокости превосходило все случившееся ранее: здесь, по выражению К. Маркса, «(произошли) самые невероятные зверские сцены»².

На площадь на Поганой луже было согнано 300 человек: казначей Никита Фуников, печатник И. М. Висковатый, обвиненный в сношениях с польским королем, султаном и крымским ханом, дьяки земских приказов, бояре новгородского архиепископа Пимена, новгородские дьяки и бояре. Сначала царь объявил монаршую «милость» — 184 человека были отпущены на свободу. Зато остальных

ждала лютая казнь. В казни участвовала не только опричная свита, но и царь с сыном, вооруженные пиками и саблями.

Иван IV был сыном блистательного, но жестокого века, когда бурное развитие гуманистических теорий сочеталось с истреблением тысяч инакомыслящих во Франции, с деспотическим правлением взбалмошных монархов, убежденных в неограниченности своей власти, освященной церковью, маской ханжества и религиозности прикрывавших безграничную жестокость по отношению к подданным. Полубезумный шведский король Эрик XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX сам участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломееву ночь 24 августа 1572 г., когда была уничтожена добрая половина родовитой французской знати. Испанский король Филипп II, рассказывают, впервые в жизни смеялся, получив известие о Варфоломеевой ночи, и с удовольствием присутствовал на бесконечных аутодафе на площадях Вальядолида, где ежегодно сжигалось по 20—30 человек из наиболее родовитой испанской знати. Папа не уступал светским властителям Европы. Гимн «Тебя, бога, хвалим» был его ответом на события Варфоломеевой ночи. В Англии, когда возраст короля или время его правления были кратны числу «семь», происходили ритуальные казни: невинные жертвы должны были якобы искупить вину королевства. По жестокости европейские монархи XVI в., века формирующегося абсолютизма, были достойны друг друга.

Июльские казни 1570 г. коснулись только земской приказной среды и не имели отношения к опричникам. Казненные принимали активное участие в посольских делах. Так, Иван Михайлович Висковатый был выдающимся организатором русской дипломатической службы, уму которого удивлялись все иностранные послы. Он смело высказывал свою точку зрения по различным вопросам. Как в 50-е годы наперекор Избранной раде, так и в 70-е он выступал решительным сторонником войны за Прибалтику. Его суждения о церковной живописи расходились со взглядами митрополита Макария. В 1566 г. Висковатый приложил особые «речи» к приговору Земского собора. Вплоть до 1570 г. он оставался доверенным лицом царя.

Чем объясняется такая жестокость расправы над недавно ближайшими сподвижниками царя? Официальная

современная версия («изменное дело», хранившееся в Посольском приказе) гласила, что лица, которых постигла казнь, «составили заговор против ... жизни» царя. Опричный боярин Афанасий Вяземский был убит Григорием Ловчиковым за то, что якобы предупредил новгородцев о готовящемся походе.

С делом о «новгородской измене» не связываются казни тех лиц, которых перечисляет опись дел Посольского приказа. Алексей Данилович Басманов вскоре погиб от руки собственного сына, позднее тоже казненного. Заплечных дел мастер Ловчиков и сам погиб позднее, отвозя очередной донос царю. По-видимому, серьезные финансовые затруднения в обстановке начавшегося экономического упадка вызвали у Ивана чувство раздражения против тех, кто был ответствен за сбор податей и пошлин, т. е. против казначеев (Н. Фуников) и руководства приказа Большого прихода (Иван Булгаков). В ходе опричных переселений вскрылась также неупорядоченность поместных дел, находившихся в ведении Василия Степанова. Подобно тому как новгородским походом Грозный покончил с политической обособленностью Новгорода, так теперь он физически расправился с Земской думой и приказами, приобретшими некоторую видимость самостоятельности и обособленности. Строительство централизованного аппарата власти в России шло далеко не прямолинейным путем. Сначала Грозный сам создал дублирующую друг друга систему приказов и дум, что неизбежно повлекло за собой обособление земщины, подчиненной Боярской думе и общегосударственным приказам, потом, упорно не желая отказываться от государева удела, он не нашел никаких иных средств для подавления земщины, кроме физического истребления ее руководства. События июля 1570 г. показали, что после выполнения основных задач по борьбе с пережитками политической раздробленности опричнина явно изжила себя.

С 1570 г. начинается ее постепенный упадок. В этом году погибли и опричные бояре А. Д. Басманов и В. И. Отин-Плещеев, окольный В. И. Вяземский. В этом же году впервые за последние пять лет думцы вместе с опричниками подписали совместный приговор по внешнеполитическим делам: до этого всеми внешними сношениями ведала по преимуществу Земская дума.

Во второй половине 1570 г. началось осуществление договора с Магнусом. Однако осада Ревеля, ведшаяся с

августа 1570 г. до марта 1571 г. силами опричного и земского войск, не увенчалась успехом. Заключив в декабре 1570 г. в Штеттине договор со шведским королем Юханом III, датский король Фредерик II фактически перестал быть союзником России. Зато на следующий год русские послы добились ратификации перемирия с Речью Посполитой.

Установление мирных отношений России и Речи Посполитой возродило надежды европейских государей на вовлечение России в антиосманскую лигу. Идею союза России с Римской империей, что должно было тотчас повлечь совместные действия против османов, развивал Курбский в беседах с габсбургским агентом в Польше аббатом Циром в ноябре 1569 г. и весной 1570 г. В мае 1570 г. с призывом выступить против «неверных» к Ивану IV обратился венецианский дож. Собирался было направить в Россию своего посла Портико и римский папа. Вопреки ожиданиям европейских держав Иван IV был весьма далек от мысли об участии в антиосманской лиге. В Азове к весне 1569 г. находилась 17-тысячная османская армия со 100 орудиями. Направившись к Астрахани, она соединилась с 40-тысячным крымским войском. Неудача османов в строительстве канала между Доном и Волгой избавила Астрахань от артиллерийского обстрела соединенных сил, а отказ янычар от зимовки в Поволжье спас город от регулярной осады. В этих условиях посольство Новосильцева в Стамбул (январь—сентябрь 1570 г.) имело целью восстановить дружественные русско-турецкие отношения. Султан потребовал уничтожения крепости на Тереке и открытия волжского пути для турецких купцов, т. е. фактически отказа России от активной политики на востоке. 8 апреля 1571 г. в Стамбул отправился новый посол, который должен был согласиться на поставленные требования. В условиях активной подготовки крымского хана к военным действиям против России не оставалось иного выхода.

Уже в начале сентября 1570 г. стало известно о появлении татар под Новосилем и Рыльском. В середине сентября пришли сведения о походе Девлет-Гирея на Тулу и Дедилов. Зимой 1571 г. было решено полностью реорганизовать систему обороны южных границ. Осуществлять эти мероприятия должен был виднейший полководец князь М. И. Воротынский. 16 февраля 1574 г. он подписал устав сторожевой и станичной службы. Новая

оборонительная система (Засечная черта) должна была сочетать подвижные элементы с крепостями. Стремясь не допустить реализации этого плана, Девлет-Гирей в апреле 1571 г. двинулся на Москву, пользуясь бедственным положением России. 1571 год выдался очень тяжелым для страны. Снова свирепствовал голод. Моровая язва, по словам англичанина Дженкинсона, «похитила тогда около трехсот тысяч человек». Чума охватила не только Россию, но и соседние страны, в том числе Польшу.

Крымское войско, насчитывавшее от 40 до 200 тыс. человек, быстро продвигалось на север. Девлет-Гирей сжег тульские посады, разбил под Серпуховом опричный отряд Я. Ф. Волынского. 16 мая Грозный двинулся было к Серпухову, но многие опричники не вышли на службу, и испуганный вестями о быстром продвижении хана царь из-под Серпухова стремительно направился через Александрову слободу к Ярославлю, а потом бежал в Белозерский монастырь. Девлет-Гирей 23 мая неожиданно появился под стенами столицы, куда прибыли государевы воеводы, расположившиеся на улицах Якиманке, Таганском лугу, на Большой улице (ведшей от Варварки к пристани), за Неглинной.

По распоряжению хана крымцы подожгли посады, прежде всего за Неглинной. Поднявшаяся буря разнесла огонь на Арбат и Кремль, где сгорели все церкви и деревянные дворы. После взрыва Пушечной избы загорелся и Китай-город, выгоревший дотла. В огне и дыму погибли И. Д. Бельский, М. И. Вороной-Волынский и многие другие воеводы. Испугавшись «пожарного зноя», Девлет-Гирей отступил от Москвы, захватив огромное количество имущества и пленных. А вскоре, вдоволь намолившись в северных монастырях, в сожженную столицу вернулся Грозный. Город лежал в пепле и развалинах. «Не осталось ни одного деревянного строения, даже шеста или столба, к которому можно было бы привязать коня», — рассказывают Таубе и Крузе. Лишь кое-где торчали каменные трубы. Весь город был наполнен обугленными трупами. Чтобы очистить его, пришлось «наряжать посоху» (вспомогательные отряды) из других городов. Число жертв было огромно. Ведь в Москву, спасаясь от нашествия крымцев, собрались беженцы (по разным подсчетам — 100—120 тыс. человек) из ближайшей и дальней округи. По словам Дженкинсона, поход Девлет-Гирея на Россию в 1571 г. стоил жизни 300 тыс. человек.

Московская трагедия заставила Грозного быть гораздо уступчивее во внешнеполитических вопросах. На переговорах с крымскими послами в июне 1571 г. он соглашался на создание в Астрахани полунезависимого от России княжества. Еще до пожара, на переговорах с английским представителем Робертом Бестом он дал согласие на восстановление торговых привилегий англичан в России.

Поход Девлет-Гирея ясно обнаружил небоеспособность опричного войска. Опричная политика, основывавшаяся на безжалостном грабеже и уничтожении крестьянства, завела страну в тупик. Росло запустение, вызванное бегством крестьян, опричными «правежами», голодом и мором. Решительный перелом в истории опричнины относится к лету 1571 г. Сразу же после похода Девлет-Гирея был казнен главнокомандующий опричным войском князь Михаил Черкасский. Погибли и другие опричники, мнимые и действительные виновники военных неудач. Были казнены князь В. И. Темкин-Ростовский, неудачно оборонявший Москву от крымцев, В. П. Яковлев, отличившийся при осаде Ревеля грабежами и убийствами. Более ста видных опричников были отравлены царским лекарем Елисеем Бомелием. Опричнина была обезглавлена.

В то время как летели головы ближайших сподвижников царя, он сам занимался поисками очередной невесты. Из 2 тыс. девушек в июне 1571 г. он выбрал дочь коломенского сына боярского Марфу Собакину. На свадьбе 28 октября 1571 г. присутствовали Малюта Скуратов, его зять, молодой опричник и будущий царь, Борис Федорович Годунов, родич Малюты Богдан Яковлевич Бельский. Третья супруга Грозного пробыла на царском троне всего 15 дней. 13 ноября она умерла.

В декабре началась война со Швецией, продолжавшаяся две недели. В состав русского войска входили отряды казанских князей, чуваш и мордвы. Однако царь внезапно выразил готовность вести мирные переговоры при условии, если Швеция передаст России Ревель и все свои ливонские земли.

Одновременно со шведской войной продолжались мероприятия по укреплению южной границы. Здесь возводились новые «засеки». Точно устанавливались обязанности отдельных полков и воевод по охране рубежей. На юг было отправлено около 20 тыс. объединенного войска.

Надеясь на силу оборонительных сооружений, Грозный потребовал в январе присылки полномочных крымских послов и не дал никакого ответа на требование хана создать полунезависимое Астраханское ханство. Весной 1572 г. мероприятия по укреплению южной границы продолжались. Была построена подвижная крепость Гуляй-город.

Весной 1572 г. созывается церковный собор, который, несмотря на суровые постановления Стоглава, разрешил царю четвертый (неканонический) брак. Царицей стала дочь другого коломенского сына боярского Мария Колтовская. Брак не отвлек царя от мрачных предчувствий, которые овладели им в начале лета — обычную пору крымских набегов. Завещание передает его душевное состояние. «Тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесна и душевна умножишася... в разбойники впадох мысленныя и чувственныя... сего ради всеми ненавиdim есмь». Он призывает сыновей быть «заодин»; настойчиво повторяет Ивану, чтобы тот не «подоискивал» удела Федора, напоминает пример Каина, убившего Авеля (столь понятный для Грозного после расправы над Владимиром Старицким) и не наследовавшего ему⁴.

Но царь не был бы Грозным, если бы надолго поддавался настроению отчаяния и всепрощения. Другое чувство — страх за свою жизнь — владело им более упорно. Все раннее лето он предусмотрительно хоронился от хана в далеком Новгороде. А в это время его войска во главе с Михаилом Воротынским мужественно держали оборону на юге страны. 23 июля здесь появились крымские отряды, а 27 июля крымский хан был уже на Оке. После успешной переправы передовой полк ногайского мурзы Теребердея был атакован войсками А. Хованского и Д. Хворостинина, оттесненными к Серпухову, где стоял большой полк. Обстрел из пушек Гуляй-города нанес большой урон крымцам. Их основные войска во главе с Девлет-Гиреем продвинулись было до Пахры, но остановились «в болоте», после чего хан вернулся обратно.

Решительная битва произошла 30 июля «на Молодех» в 45 км от Москвы. Русские войска расположились вокруг Гуляй-города, в котором находился Большой полк во главе с Воротынским. Стрельцы, стоявшие вокруг Гуляй-города, погибли под натиском неприятельской конницы. После этого вступила в действие и русская артиллерия. В ожесточенном столкновении ногаи и крымцы потер-

пели сокрушительное поражение. Попали в плен и погибли видные крымские военачальники, погиб предводитель ногайской конницы, попал в плен главный крымский воевода Дивей-мурза. Захваченное у одного из русских пленных послание московского наместника с сообщением о подходе новой большой рати из Новгорода панически испугало Девлет-Гирея, и, сделав неудачную попытку отбить своих мурз, во время которой были убиты его сын и внук, он бежал в степи. Большая часть оставленных им «крымских людей» была перебита, захвачена в плен или утонула в Оке. Победа была полная. Замыслы Девлет-Гирея отторгнуть от России Казань и Астрахань провалились.

Победа смешанного земского и опричного войска показала его силу по сравнению с чисто опричными войсками. Штаден прямо связывает ликвидацию опричнины с битвой при Молодах. «С этим пришел опричнине конец, и никто не смел поминать опричнину, виновного обнажали по пояс и били кнутом на торгу. И все земские, кто [только] оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками»⁵.

Летом 1572 г. мысли Грозного были заняты открывшейся перспективой занятия польского трона им самим или царевичем Федором. 7 июля 1572 г. умер польский король Сигизмунд II Август, и литовские паны, чтобы отвлечь Грозного от военных приготовлений, начали поговаривать о желательности его избрания на престол в Речи Посполитой. Незадолго до отъезда из Новгорода Грозный направляет послов в Швецию, которые должны были напугать короля походом, намечавшимся на декабрь. Это была еще одна неудачная попытка решить ливонский вопрос мирными средствами. Шведские представители так и не появились.

Военные действия 1572 г. показали, что опричнина полностью изжила себя. Этим годом и принято датировать ее конец. Имена опричников на века остались в памяти народной как имена палачей и душегубов. Первым из них стал Малюта Скуратов. В конце жизни он занимал видное положение при дворе. Выдав замуж дочерей, он породнился с братом царя — И. И. Глинским и его любимцами — Б. Ф. Годуновым, Д. И. Шуйским. У истоков опричнины стояли такие деятели, как Алексей и Федор Басмановы, князь Д. И. Вяземский. Храбрые и опытные воители, как показало дело под Рязанью, они были без-

жалостными палачами. Ради спасения своей жизни Федор Васманов не остановился перед убийством собственного отца. Жестокость и распущенность слуг были под стать самому царю. «Прескверные паразиты и маньяки», «прегнуснодейные и богомерзкие Бельские с товарищи», «опришники кровадные», по определению Курбского, вошли в историю как символ насилия и беззакония. В. И. Ленин применял термин «опричники», говоря о слугах самодержавия, палачах освободительного движения. В разгар революции 1905 г. он писал: «Старый порядок разбит, но он еще не уничтожен, и новый, свободный строй существует непризнанный, наполовину таясь, сплошь да рядом преследуемый опричниками самодержавного строя»⁶.

Задачу ликвидации удельно-княжеского сепаратизма опричнина выполнила. В XVII столетии уделов уже не существовало.

Цена, которую уплатила Россия за ликвидацию политической раздробленности, не превосходила жертв других народов Европы, положенных на алтарь централизации. Первые шаги абсолютной монархии в странах Европы сопровождались потоками крови подданных, подчас более упорных в сохранении старины, нежели русские князья. Это — гражданские, или религиозные, войны во Франции, занявшие всю вторую половину века. Это — движение в Нортумберленде и Уестморленде в 1568 г. в Англии. Это — бесконечные аутодафе в Испании, под религиозной оболочкой которых скрывалась борьба за укрепление королевской власти.

Из восточных и юго-восточных европейских государств Россия была единственной страной, не только сумевшей отстоять свою государственную независимость (в отличие от Болгарии, Сербии, Великого княжества Литовского, Венгрии, Чехии и других), но и уверенно продвигавшейся по пути централизации. Естественно, ее политическое развитие можно и нужно сравнивать с эволюцией тех европейских государств, которые несколько раньше или несколько позже (например, Швеция) проделывали тот же путь развития.

Россия пришла к середине XVI в. менее централизованным государством, чем, скажем, Испания, Англия или Франция, где отношения королевской власти с церковью были урегулированы в пользу королевской власти. Принцип «чья власть, того и вера» утвердился на всей тер-

ритории «Священной Римской империи» после Аугсбургского собора 1555 г. В Англии еще до 1547 г. произошло подчинение церкви королевской власти. Лишь в немногих оплотах католичества церковь сохранила свое влияние и силу. Русская же церковь оставалась могущественным оплотом феодальной децентрализации. Борьба за и против централизации в развитых европейских странах (Англии, Франции) в качестве активных сил выдвинула широкие массы дворянства, буржуазии, ремесленников и крестьянства. В Швеции и Испании нажим правительственного аппарата не встречался с активным противодействием широких масс населения. В России же уничтожались не только оплоты или возможные очаги сепаратизма такие, как церковь, Новгород или Старицкое княжество, но подавлялась и сама идея противодействия царской власти.

Опричнина была очень сложным явлением. Новое и старое удивительно причудливо переплеталось в ней. Ее особенностью было то, что централизаторская политика проводилась в крайне архаичных формах, подчас под лозунгом возврата к старине. Так, ликвидации последних удельных владений правительство стремилось добиться путем создания нового государева удела — опричнины. Варварские, средневековые методы борьбы (впрочем, для иных методов условий было немного) царя Ивана с политическими противниками, его безудержно жестокий характер накладывали на все мероприятия опричных лет зловещий отпечаток деспотизма.

Здание централизованного государства строилось на костях многих тысяч тружеников, плативших дорогой ценой за торжество самодержавия. Усиление феодально-крепостнического гнета в условиях растущего разорения страны было важнейшим условием, подготовившим окончательное закрепощение крестьян. В России между нажимом на трудовое население, достигшим в годы опричнины одной из своих вершин, и его ответной реакцией, принявшей в конечном итоге форму крестьянской войны, оказался разрыв в 50 лет. Это объясняется разобщенностью и забитостью крестьянства, неразвитостью его сословного самосознания; слабостью городов. Опричнина показала силу царской власти. Ее слабость обнаружит XVII столетие, когда вслед за крестьянской войной возродится и сословное представительство в виде земских соборов.

КНЯЗЬ ИВАНЕЦ МОСКОВСКИЙ И НАСЛЕДНИК ПРУСА

1 января 1573 г. русские войска, возглавлявшиеся Иваном IV, взяли Вайсенштейн (Пайду), крупнейшую после Ревеля крепость Эстонии. И только гибель под ее стенами ближайшего сподвижника, Малюты Скуратова, омрачала радость царя. Опричнина уже не существовала. Запоздалым эхом периода репрессий была казнь в апреле 1573 г. трех виднейших воевод — Михаила Воротынского, Никиты Одоевского и Михаила Морозова.

Подорвав опричнину, Грозный вернул прежнее значение Боярской думе. Она снова стала принимать самое деятельное участие в управлении государством. Стабилизация внутреннего политического положения страны выразилась в возвращении в 1573 г. сыну Владимира Андреевича Старицкого Василию отцовского удела — г. Дмитрова. Этот удел просуществовал только до 1574 г., когда князь Василий умер. Торжественное бракосочетание его сестры Марии с принцем Магнусом 12 апреля 1573 г. должно было укрепить связь царя Ивана с вассальным ему «ливонским королем». Внешнеполитическая обстановка, казалось, складывалась благоприятно для Ивана IV. После смерти Сигизмунда II Августа часть шляхты даже поддерживала его кандидатуру на польский престол. Опасаясь возможного успеха царя, Андрей Курбский пишет памфлет «История о великом князе Московском», в котором, подробно расписывая опричные ужасы, предостерегает от избрания Ивана IV на польский престол. Ведя весной и летом 1573 г. в Новгороде переговоры с польскими послами, царь Иван выставлял явно нереальные требования: наследственность трона, соединение Речи Посполитой с Россией на века, присоединение Ливонии и Киева. Польский сейм предпочел избрать королем наследника французского престола Генриха Анжуйского.

От активных действий на западном театре военных действий русское правительство временно вынуждено было отказаться. Положение на юге и востоке было тревожно: восстания в Поволжье и набеги крымцев отвлекали значительную массу вооруженных сил. К 1575 г. международное положение изменилось в пользу России. Новое польское бескорольевье совпало с успехами союзника Ивана IV — принца Магнуса, который летом 1575 г. взял крепость Пернов. Со Швецией в том же году было заклю-

чено двухлетнее перемирие. Снова встал вопрос о возможности русской кандидатуры на польский престол. Грозный вступил в переговоры с австрийским императором Максимилианом и предложил ему разделить Речь Посполитую: Польшу — эрцгерцогу Эрнесту, а Великое княжество Литовское — Федору, сыну Грозного. К этому предложению имперская дипломатия отнеслась одобрительно. Но она не хотела согласиться на передачу Прибалтики Ивану IV и стремилась втянуть Россию в бесперспективную войну с Османским султанатом. Переговоры затягивались.

Летом 1575 г., узнав о готовящемся набеге крымцев, Иван Грозный поспешил в Серпухов. Опасения его не оправдались. Мпительный правитель, вернувшись в столицу осенью того же года, казнит боярина Петра Куракина, а также бывших опричников, недавних фаворитов, одного из своих любимцев — боярина В. И. Умного-Колычева, окольного Бориса Тулупова и до 40 дворян по обвинению в «злых умыслах» против царя. Опале и казни подверглись и представители духовенства. 20 октября был убит новгородский архиепископ Леонид, по сведениям англичанина Горсея якобы занимавшийся колдовством с помощью «ведьм». Грозный, вызвав его в Москву, «саи на нем оборвал и, в медведно опив», собаками застравил¹. В Новгороде вместе с ним были казнены «15 жен, а сказывают ведуныи волхвы»². Головы казненных по приказу Грозного были брошены по дворам митрополита Антония и многих правителей земщины. Угроза недвусмысленная. Но дальше этого пока дело не пошло. Это была последняя вспышка массовых казней при Иване IV.

Сразу же после казней Грозный возводит на великое княжение «всея Руси» служившего ему верой и правдой казанского царевича Семиона Бекбулатовича (внука ордынского хапа Ахмата), бывшего касимовского царевича, женатого на дочери князя Мстиславского. Себе Грозный, помимо царского титула, оставляет титул князя московского, псковского, ростовского. В «челобитной великому князю всея России» Семиону Грозный униженно называет себя Иванцом Московским. На заседаниях Боярской думы он скромно занимает место среди бояр, как равный среди равных. Территория всей России снова делится на несколько частей. Сначала Грозный взял в «удел» Псков, Ростов, Ярославль, Белоозеро, Старицу, Дмитров,

Шелонскую пятину Новгородской земли, Казань и другие земли. Земщину Семиона составляли первоначально исконно русские великокняжеские территории — Владимир, Муром, Мценск, не входившие ранее в опричнину.

Новый поворот внутренней политики Грозного до сих пор является загадкой для исследователей. Для чего понадобился подобный политический маскарад? Современники считали, что Грозного просто напугали предсказания волхвов, которые нагадали смерть «московскому царю». Дело обстояло сложнее. Этот шаг Грозного связан с событиями в Речи Посполитой. После бегства летом 1574 г. Генриха Анжуйского в Париж, где в это время умер Карл IX, польский престол остался свободным. В связи с этим могли возродиться надежды Грозного на польскую корону.

Передачей Семиону титула великого князя всея Руси Иван IV лишил своего сына Ивана возможности занять престол и наследовать этот титул. О распрях Грозного с сыном в это время свидетельствует расправа над ближайшим окружением Ивана Ивановича — троюродным братом Протасием Васильевичем Юрьевым и одним из его сподвижников. Оклеветанные английским врачом Елиссеем Бомеллем, слуги Ивана Ивановича кончили жизнь на плахе. Сам же царевич пока не пострадал, напротив, он стал соправителем московского князя (но не царя и князя всея Руси!), и все документы осени 1575 — лета 1576 г. подписывались от имени двух Иванов — Ивана Васильевича и Ивана Ивановича.

Более важно социально-политическое значение мероприятий 1575—1576 гг. Выделение территорий, ранее отличавшихся сепаратизмом и представлявших некогда самостоятельные уделы, в качестве нового «удела» московского князя было определенной формой преодоления пережитков феодальной раздробленности. Политика удела имела целью дальнейшее искоренение княжеско-боярского сепаратизма в целом и особенно в областях, недавно принадлежавших удельным князьям московского дома и крупным княжатам, с одной стороны, и ликвидацию последних представителей опричного аппарата — думы и приказов, с другой.

Антиопричина 1575—1576 гг. привела к возвышению новых фигур. Упрочили свое положение Нагие. «Дворянин Ближней думы» Афанасий Федорович Нагой получил пост дворового воеводы, который до него занимали

Малюта Скуратов и В. И. Умной. Федор Нагой, старший брат Афанасия, в 1574 г. служил третьим дворовым воеводой, а в 1576 г. исполнял службу окольничего в уделе «князя Ивана Московского». Наряду с Нагими большое влияние на царя приобрели новые фавориты — Годуновы. Борис Годунов получил «за бесчестье» старицкую вотчину Тулунова. К 1576—1577 гг. Годуновы занимали важнейшие посты: боярин Д. И. Годунов — постельничего, его племянник Борис, женатый на дочери Малюты Скуратова, — кравчего, а С. В. Годунов — окольничего. Сестра Бориса Годунова Ирина в 1580 г. стала женой царевича Федора.

События 1575—1576 гг. оказались важным этапом закрепощения крестьян. В весенней «челобитной» 1576 г. Грозный объявил о праве перехода помещиков в его удел из земщины Семиона Бекбулатовича вместе с их «людишками». Здесь речь шла и о крестьянах и холопах.

Весной 1576 г., опасаясь усиления Семиона Бекбулатовича, Грозный переменял его «земщину». На этот раз «великий князь» получил бывшие опричные территории — Оболенскую пятину Новгородского уезда, Кострому и, возможно, Галич. Некоторые из них, поступившие после похода 1569—1570 гг., в частности Оболенская пятина, страдали от запустения³. Ивану Грозному перешли сравнительно заселенные земли Восточного Замосковья. У него оставалась и крайне разоренная Шелонская пятина. Здесь количество пустых поселений увеличилось с 56,1% в 1571 г. до 66,3% в 1576 г., и запустевшая пашня соответственно возросла с 64,6 до 76,2%. Несмотря на пребывание в государевом уделе, которое облегчало переход помещиков с их людьми из соседних земель, хозяйственного возрождения Шелонская пятина не испытала. Эпизод с Семионом Бекбулатовичем оказался кратковременным. В августе 1576 г. «великий князь всея Руси» был сведен с престола и получил в удел Тверь.

Тем временем хозяйственный кризис в стране не только не был преодолен, но все более углублялся. Запустел Великий Новгород, для которого особенно тяжелыми были 1569—1572 и 1575—1576 гг. Голод и чума привели к вымиранию целых улиц. По дорогам страны бродили тысячи и тысячи нищих. Не издавая в отличие от других европейских монархов специальных законов о бродяжничестве, Грозный принял меры для уменьшения их числа. Объявив о раздаче щедрой милостыни нищим, он собрал

толпы их, приказал уничтожить 700 человек наиболее здоровых и сильных, остальных же определил в монастыри и богадельни. На конец 70-х годов приходится новый нажим на крестьян. Быстро росла барская пашня в центральных районах страны. В начале 80-х годов большая часть крестьян Московского уезда трудилась на господской пашне.

В Речи Посполитой между тем произошли события, изменившие ход Ливонской войны. 1 мая 1576 г. состоялась коронация на польский престол трансильванского князя Стефана Батория, которого поддерживал султан. Видный государственный деятель и полководец, Стефан Баторий пользовался огромной популярностью среди польской шляхты, жаждавшей продолжения войны. Возобновление борьбы России с Речью Посполитой становилось неизбежным. Некоторое время Баторий осаждал мятежный Данциг (Гданьск) и не мог направить свои основные силы против Русского государства. В октябре 1576 г. умер германский император Максимилиан II, и проекты русско-имперского союза сорвались. Лишь победоносным наступлением можно было осуществить давно задуманное окончательное присоединение Ливонии. Однако угроза нападения из Крыма заставила царя провести лето 1576 г. в тревожном ожидании нового вторжения.

В июле 1577 г. Иван IV из Пскова двинулся с войсками в Ливонию. В результате летней кампании почти вся Прибалтика (были взяты Динабург, Кокенгаузен, Венден) оказалась под властью царя — по выражению Грозного, «истоптана была ногами его коней». Сдался в плен А. Полубенский, возглавивший польско-литовское войско, а его войска были отеснены за Двину. Рига (как и Ревель) взята не была. Ряд ливонских городов открыл ворота союзнику России — Магнусу. Царь с подозрением отнесся к легкой победе Магнуса, начавшего переговоры о сепаратном договоре с Речью Посполитой. Последовало строгое предписание ограничить владения Магнуса г. Венденом (Цесисом) и землями, лежащими к северу от р. Гауя.

Положение Речи Посполитой осложнялось тем, что летом 1577 г. на Киевщину, Волынь и Подолье совершили опустошительный набег войска крымского хана. Но уже к концу года Баторию удалось покончить с мятежным Гданьском и начать подготовку к походу на Россию. Не понимая страшной опасности, нависшей над страной,

царь Иван в переговорах с Речью Посполитой настаивал на признании за ним не только всей Ливонии, но и короны Польши и Великого княжества Литовского, как якобы законного наследника Пруса, брата римского императора Августа и родоначальника литовских князей. Ни с чем этим Стефан Баторий не мог согласиться, как не мог примириться и с потерей некоторых русских и белорусских земель, вернувшихся в состав Русского государства (Смоленск, Полоцк). Русские, белорусские и украинские земли, находившиеся в пределах Речи Посполитой, были неиссякаемым источником доходов для польской и литовской магнатории. Защита интересов магнатории и была движущей силой действий Стефана Батория. Союзниками Речи Посполитой выступали Швеция и Дания, стремившиеся сохранить свои позиции на Балтике и не допустить Россию к торговле на северных морях. Общественное мнение Европы формировали многочисленные «летучие листки», изображавшие Ивана IV чудовищем, а действия русского войска — цепью злодеяний. Дезинформированные этими листками немецкие государства охотно поставляли наемников в ряды армии Стефана Батория. Назревало решительное столкновение, объявленное противниками России крестовым походом по спасению Европы от «московита».

КОНЕЦ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Минуло 20 лет с начала войны. «Юбилейный» 1578 год прошел под знаком военной и дипломатической подготовки обеих сторон к решающим битвам. Ивану IV не удалось добиться установления союзнических отношений с новым германским императором Рудольфом. Империя с тревогой смотрела на успехи русских войск в Прибалтике. Заключение пятнадцатилетнего перемирия с Данией сделало Фредерика III союзником царя в предстоящей войне с Речью Посполитой. Продолжалась и война со Швецией, в ходе которой на сторону противников России перешел герцог Магнус. Ощутимой потерей был Венден, который русским войскам не удалось вернуть, несмотря на двукратные попытки штурмовать крепость. Зато Баторий, заключив осенью мир с крымским ханом, обеспечил себе тылы и мог вести подготовку к походу. В Вильне были созданы мастерские по отливке пушек, сюда сво-

зились амуниция и продовольствие. Средства предоставил сейм, разрешив новое обложение польского и литовского крестьянства. Баторию удалось даже нанять отряд из 600 запорожских казаков. Вербовались наемники в Венгрии и Германии. Баторий сделал попытку создания армии из крестьян. Однако этот проект в 1579 г. не был осуществлен. Пришлось ограничиться 10-тысячным конным войском, выставленным литовскими панам.

Стремясь предотвратить выступление польского короля, в декабре 1578 г. Иван Грозный принимает решение о новом походе на Ливонию. Поход не мог уже предотвратить вторжения польско-литовских войск. Летом 1579 г. войска Батория направились к Полоцку — ключевому пункту на Двине. Отряды венгров, литовцев и поляков начали осаду новой деревянной полоцкой крепости, воздвигнутой по распоряжению Грозного к северу от перестроенного им Высокого замка. По словам Батория, русские во время осады показали, что в защите крепостей они превосходят другие народы. Войскам польского короля не удалось разрушить крепость раскаленными ядрами, которыми осаждающие вели обстрел. Лишь 30 августа после кровопролитной осады Полоцк пал. Вслед за Полоцком в руки Батория перешли и другие крепости Полоцкой земли — Сокол, Туровля, Суша, Дрисса. И на этот раз, как и осенью 1567 г., когда в поход выступил Сигизмунд II Август, нервы у царя Ивана не выдержали. Падение Полоцка было для него полной неожиданностью. Иван Грозный спешно выехал в Москву, послав к Баторию гонца с мирными предложениями.

Положение России осложнялось и тем, что страна находилась в изоляции. Если против нее выступали совместно Речь Посполитая и Швеция, то России, напротив, приходилось вести войну на два фронта, ибо с 1580 г. возобновились набеги крымского хана. Кроме того, в результате хозяйственного разорения не хватало ни людских, ни денежных резервов для продолжения войны. Стремительный рост государственных налогов с 40-х до 80-х годов XVI в. в 5—6 раз был все еще недостаточен для поддержания роскоши царского двора, содержания многочисленного войска и продолжения разорительной войны. Церковный собор 15 января 1580 г. под давлением царя принимает решение о запрете земельных вкладов в монастыри и о конфискации новоприобретенных монастырями земель. Эти полумеры не могли эффективно

решить вопрос финансового и людского обеспечения Ливонской войны. Народ устал от кровопролития, на соборе раздавались голоса о необходимости скорейшего заключения мира.

Дабы обеспечить себе поддержку империи против Батория, Грозный весной 1580 г. согласился примкнуть к антиосманскому союзу, идею которого постоянно пропагандировали папа и император. К ним был направлен Истома Шевригин. Но эта запоздавшая дипломатическая акция не изменила хода войны.

Летом 1580 г. начался второй поход Батория на Россию. Польский король обрушил свой удар не на Смоленск, как это ожидалось, а на север — на Великие Луки, которые являлись сборным пунктом для войск, направляющихся в Ливонию. Угроза отрезать Прибалтику от России была совершенно реальной. Крепость, находившаяся в глубоком тылу, давно обветшала, ее гарнизон был не подготовлен к длительной обороне. Несмотря на успешную вылазку и захват королевского знамени в первые дни осады, 4 сентября 1580 г. Великие Луки пали. Крепость была сравнена с землей, ее жители и воины, проявившие беспримерное мужество при защите города, убиты. Но дальнейшее продвижение польско-литовских войск было приостановлено.

Парализованный случившимся Иван Грозный не принимал никаких серьезных мер к обороне государства, рассчитывая только на дипломатические переговоры. Он готов был отдать все земли в Ливонии, кроме Нарвы. Весной 1581 г. Грозный уже соглашался отказаться от всей Ливонии, за исключением двух-трех крепостей, а также Полоцка, с тем чтобы король вернул ему Великие Луки. Уступчивость царя только подогревала воинский пыл Стефана Батория.

Целью нового похода Батория был Псков. 20 августа 1581 г. авангард хорошо дисциплинированной 50-тысячной польской армии во главе с королем и гетманом Яном Замойским появился у стен древнего русского города. Пять месяцев продолжалась прославленная в веках псковская оборона. Опытный военачальник князь Иван Петрович Шуйский умело распределил войско (50 тыс. пехоты и почти 7 тыс. конницы) вдоль внешних стен, крепостных сооружений, делившихся на четыре части: детинец, или Кромь, Довмонтов город, Средний и Окольный город, располагавшиеся между реками Великой и Псковой и имев-

шие протяженность около 10 км. Город был хорошо снабжен порохом, снарядами и продовольствием. Один из участников осады писал: «Пушки у них отличные и в достаточном количестве... достанется нашим батареям и насыпям»¹. Он не ошибся. Польско-литовское войско несло большие потери от круглосуточного обстрела позиций.

Чтобы подойти к Пскову, Баторий распорядился копать «траншеи», «борозды» с южной стороны крепости Окольного города. Землей, вырытой из этих траншей, прикрывались орудия, установленные против Покровской и Свипусской башен. Псковичи стали укреплять Окольный город и за каменными стенами возводить вторую деревянную стену. В ров около башен вбивали заостренные колья.

7 сентября начался артиллерийский обстрел башен южной стены Окольного города. Башни были пробиты, удалось сделать пролом стены около 50 м длиной. На следующий день польско-литовские войска и отряды венгерских наемников, закованные в латы, прикрывшись щитами, ринулись в пролом. Под звон осадного колокола церкви Василия на Горке выступили мужественные защитники. Но, несмотря на ожесточенную защиту, неприятелю удалось занять Свипускую и Покровскую башни. Метким огнем из пушки «Барс», стоявшей на Похвальской горке Окольного города, псковские пушкари снесли верхние ярусы этих башен. Какие-то безымянные герои проникли в подземную часть Свипусской башни и взорвали ее вместе с неприятелем. К защитникам крепости присоединилось гражданское население Пскова. Мужчины и женщины стреляли из ружей, поливали осаждающих кипящей водой, забрасывали их камнями и горящими факелами. Женщины подавали пить раненым, уводили их со стен города. Попытка штурма показала, что такую крепость, как Псков, лобовым ударом взять не удастся. Польско-литовские войска перешли к осаде города. Они начали устраивать минные подкопы, сделали попытку «подсечь» каменную стену у Покровской башни кирками. Неоднократно возобновлялся артиллерийский обстрел города.

Последняя попытка штурма (2 ноября) показала непреклонность защитников города. На льду р. Великой, откуда двинулось польско-литовское войско, осталась гора трупов, сраженных артиллерийским обстрелом псковичей. Под стенами Пскова Баторий убедился в суровой решимости

мости русского народа отстоять честь и независимость родной страны. «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на место убитых или взорванных действием подкопа и заграждают грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются»², — писал позднее один из свидетелей псковской обороны иезуит Антонио Поссевино.

Начиналась зима, и польско-литовское войско оказалось в трудных условиях. Войска страдали от холода, терпели нужду от недостатка продовольствия. Не хватало фуража, пороха и ядер, ощущалась острая нужда в деньгах. Ослабла дисциплина. День ото дня очевиднее становилась бесперспективность осады.

Неудача осады Пскова и Печерского монастыря, лютая стужа и болезни подрывали боевой дух осаждавшего Псков войска. 4 января была предпринята вылазка на неприятельский лагерь, которая стоила жизни 300 защитникам Пскова, но не привела к успеху.

Война Речи Посполитой с Россией зашла в тупик. В мире нуждалась и Россия. В Прибалтике перешли в наступление шведы. Возобновились набеги крымцев на южные окраины. Посредником в заключении мира выступил папа Григорий XIII, который считал этот момент весьма подходящим для привлечения России к церковной унии. Подобно своим предшественникам, он не оставлял надежды на расширение влияния папской курии на восточную часть Европы. Папский посол Антонио Поссевино проехал через Польшу, где говорил польскому королю о продолжении войны с Россией, рисуя картины расширения католического государства: Баторию суждено-де сыграть роль второго Карла Великого. Интриги ловкого иезуита облегчила ему пропикповение в Россию. Грозный охотно принял посредничество римского папы и уполномочил его легата на переговоры с Баторием.

Переговоры начались в середине декабря в небольшой деревушке Яме Запольском. Русская сторона требовала возвращения Великих Лук, Заволочья, Невеля, Холма и псковских пригородов. Польские послы пытались было потребовать от России включения в перемирные грамоты и Швеции, выставляя Польшу союзником шведского короля, но потерпели неудачу. Основным камнем преткновения был вопрос о Ливонии. Поляки настаивали на признании всей Ливонии польской территорией, русские требовали возвращения им хотя бы псковских крепостей

для оправдания титула «ливонского государя», который носил Грозный и на который претендовал и Баторий. Русским удалось добиться сохранения только Новгородка Ливонского. 5 января 1582 г. в Яме Запольском было заключено десятилетнее перемирие, согласно которому Речи Посполитой были переданы подвластные России города в Ливонии, а также Велиж и Полоцк. Речь Посполитая поступалась Великими Луками, Себежем и другими русскими землями, занятыми польско-литовскими войсками.

Ям-Запольский мир нанес серьезный удар по престижу русского государя. В перемирной грамоте он вновь назван «великим князем», а не «царем». В его титуле отсутствовали и слова «царь Казанский и царь Астраханский». Особо подчеркивалось посредничество папского посла Поссевино, а тем самым русский государь как бы признавал авторитет главы католичества.

Неудачно складывалась и война со Швецией. Осенью 1581 г. пали Корела, Нарва, Ям и Копорье. 10 августа 1583 г. Россия заключила со Швецией перемирие в Плюс-се. Шведы получили Северную Эстонию и русские города Ям, Копорье и Ивангород. Снова только узкая полоса устья Невы связывала Россию с Балтийским морем. Вновь вставал вопрос о путях торговли с Северной и Западной Европой.

Ливонская война была проиграна. Историческую задачу получения свободного выхода в Балтийское море решить не удалось. Виною тому были многие объективные причины — как сложное внутривосточное положение страны, так и трудности внешнеполитического порядка. России приходилось вести напряженную войну с сильным противником и на Западе, и на Востоке. И все же Ливонская война была событием мирового значения. В ходе ее был сокрушен Ливонский орден, жесточайший враг эстонского и латышского народов. Были созданы предпосылки включения Прибалтики в состав Российской империи в начале XVIII в.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ

К концу Ливонской войны хозяйственная разруха в стране резко усилилась. В некоторых районах Новгородской земли запустело 80—90% сел и деревень. Тяготы возрос-

ших поборов, мор и голод приводили к вымиранию населения и к бегству крестьян на восточные и южные окраины. Правительство Грозного пыталось заботиться прежде всего о благополучии «воинского чина», т. е. военно-служилого люда. С 1581 г. начинается перепись населения с целью навести порядок в обложении его государственными податями. В районах, где проводилась перепись, крестьянам временно, в течение «заповедных лет», запрещалось уходить от господ. Так подготавливалась отмена крестьянского выхода и окончательное утверждение крепостного права. Бегство крестьян и холопов продолжалось. На южных рубежах страны скапливался тот горючий элемент, который в начале XVII в. приведет к грандиозному пожару крестьянской войны.

Введение заповедных лет, этих предвестников окончательного торжества крепостничества, совпало с присоединением Сибири. Ее огромные необжитые или слабо освоенные просторы манили беженцев из крепостнического центра России. Отлив населения ослаблял остроту классовых противоречий в центре, но создавал их очаги на окраинах.

Сибирское ханство было таким же многонациональным политическим образованием, как и Казанское. Остяцкое и вогульское население, югра и самоеды, по-видимому, эксплуатировались князьями, подобно башкирскому и чувашскому в Казанском ханстве. Лишь часть феодализирующейся верхушки остяков и вогулов (манси) вошла в состав «князьков». Внутренние противоречия в Сибирском ханстве облегчили установление вассальных отношений с Россией. Это случилось в 1555 г. при сибирском хане Едигере. Вассальные отношения некоторое время продолжались и при его преемнике Кучуме. После 1572 г. Кучум отказался от уплаты дани и разорвал дипломатические отношения с Россией. Попытка России урегулировать отношения на прежней основе натолкнулась на сопротивление. Русский посол был убит. Поступления драгоценной сибирской пушнины в качестве дани прекратились. В 70-е годы Грозный и его окружение задумываются над планом окончательного присоединения Сибири. Огромную помощь в этом оказали сольвычегодские солепромышленники Строгановы, владевшие бескрайними землями по Каме и Чусовой. Наряду с добычей соли они организовали производство железа, рубили лес, вели крупную пушную торговлю. Получив в 1558 г. первую

жалованную грамоту на «камские изобильные места», к 1579 г. Строгановы стали владельцами 39 деревень с 203 дворами, городком и монастырем. Население, в основном выходцы из центра и Новгорода, увеличивалось с невероятной быстротой. Каждый десяток лет оно удваивалось. Для охраны своих владений Строгановы получили право «прибирать охочих людей» — казаков. Силами строгановских крестьян и казаков воздвигались «крепостцы» на границах владений. К концу XVI в. линия острогов отделяла строгановские земли от владений непокорного Кучума.

Строгановы не переставали мечтать о расширении своих владений. В течение 70-х годов на Обь отправлялись «рабы и слуги» Строгановых для скупки пушнины. В продвижении за Урал Строгановы использовали два пути: старый, «чрезкаменный», по Печоре и ее восточным притокам, а далее через перевал и по западным притокам Оби и новый — вдоль побережья Ледовитого океана. Для плавания на восток на берегу Северной Двины были построены два корабля. В 1574 и 1575 гг. Строгановы получили земли по Туре и Тоболу. Им вменялось в обязанность «на Иртыше и на Оби и на иных реках, где пригодится... крепости делати и сторожей с вогняным нарядом держати»¹.

Организованный Строгановыми поход дружины Ермака состоялся в 1581 г. Поддержку казачьим отрядам оказывали местные племена, недовольные правлением Кучума. В то самое время, когда на западе завершилась опустошительная Ливонская война, здесь, на востоке закладывались прочные основы расширения Российского царства. Пройдя по Чусовой, войско Ермака перевалило Уральский хребет и спустилось по Тагилу на Туру — «ту бе и Сибирская страна». Продвигаясь по Туре, Тоболу и Иртышу, Ермак подошел к столице Кучума — Кашлыку. На засеке Чувашиного мыса произошла «сеча зла». Войско Кучума не выдержало напора русских и разбежалось. Кучум оставил столицу и откочевал в степь. Окрестное население признало власть Ермака, принеся ему дань. Первоначальный успех не был прочным. Войско Ермака поредело и не могло долго сохранять власть над внешне покорными князьками, поддерживавшими сношения с кочевавшим в степях Кучумом. Положение осложнилось мятежом князьков во главе с советником — «карачей» Кучума. Не помогло Ермаку и прибытие в конце 1584 г.

отряда князя Семена Болховского и головы Ивана Глухова с 500 казаками. В августе 1585 г. Ермак попал в засаду и погиб. Походом Ермака началось освоение огромного и благодатного края, куда устремились не только торговые и военно-служилые люди, но и беглые крестьяне, холопы и ремесленники.

Вольные казаки не принесли ни себе, ни местным народам той свободы, к которой они стремились. Переселенцы, как и местные племена, обязаны были только платить дань. Из-за Уральского хребта золотая волна пушнины, добываемой русскими, бурятами, хакасами и другими народами, потекла в царскую казну. В поисках «государевой прибыли» вслед за крестьянством, бежавшим от угнетения из центра России, двигались царские войска.

Мирное крестьянское заселение сопровождалось и насильственным подчинением местных сибирских народов. Военные гарнизоны новых городов стали верной опорой царской власти в Сибири. Если некоторые народы (такие, как буряты, якуты, хакасы, алтайцы) смогли сохранить национальную самобытность, то другим этого сделать не удалось. Котты, асаны, арины, смоки и другие народности слились с пришлым населением. Русская колонизация способствовала хозяйственному подъему края. Принесенные переселенцами навыки земледельческого труда были усвоены местным населением. Совместная борьба народов Сибири не позволила царизму утвердить те жесткие формы крепостничества, которые были в центре страны.

КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ

Проведя последние годы жизни как бы в оцепенении, Иван Грозный, скованный тяжелым недугом (отложения солей в позвоночнике лишали его возможности двигаться и заставляли держать голову высоко поднятой), стал очевидцем неудачи в Ливонской войне.

Потерпев поражение в войне, царь рассчитывал добиться успеха в дипломатической игре. В августе 1582 г. в Лондон было отправлено посольство Федора Писемского, целью которого было установление союзнических отношений с Елизаветой II. Грозный выдвинул проект женитьбы на Марии Гастингс — дальней родственнице английской королевы. Все это происходило при жизни ше-

стой жены царя — Марии Федоровны Нагой, с которой он вступил в брак осенью 1580 г. * Иван IV настаивал, чтобы Елизавета добилась от Батория отказа от Полоцка и Ливонии. Однако английская королева не склонна была поддерживать предложения Ивана IV и думала только о получении новых торговых льгот.

19 ноября 1581 г. Иван Грозный стал виновником большого несчастья. От удара посохом в висок, нанесенного им в припадке слепой ярости, скончался его сын и наследник престола Иван Иванович. Царевич Иван последние годы был очень близок к Грозному, принимал участие во всех важнейших государственных делах. Царь-сыноубийца снова хотел отказаться от престола, признал безвинно убиенными всех пострадавших в опричнину. По его распоряжению были составлены синодики с перечислением жертв царского гнева. В окружении Грозного не осталось никого из его талантливых сподвижников, разрабатывавших в середине века широкую программу государственных преобразований. Сошли в могилу и наиболее энергичные проводники опричной политики. Царя теперь окружал сонм тусклых теней, послушных исполнителей его подчас сумбурных предначертаний. Даже те немногие люди (такие, как Борис Годунов), которые могли бы дать Грозному совет, предпочитали безмолвствовать из боязни вызвать гнев крутого властителя.

18 марта 1584 г. (кириллов день) во время игры в шахматы с одним из приближенных Иван IV почувствовал себя плохо и, не приходя в сознание, скончался. Ходили слухи о насильственной смерти. Для всей его жизни, бывшей вопиющим нарушением норм христианской морали, которую насаждала церковь, характерен и ее заключительный аккорд. Шахматы в это время были запрещены. Стоглав в число «игрищ еллинского бесования» включал «всякое игранье и эрни и шахматы»...

В соответствии с рассказом Дж. Горсея последние часы Грозного изображены А. К. Толстым в трагедии «Смерть Иоанна Грозного». Иван IV начал партию в шахматы с Богданом Бельским, присутствующий тут же шут, указывая на шахматы, говорит:

Точь в точь твои бояре! Знаешь что?
Живых ты всех по боку, а этих

* Пятый брак с Анной Васильчиковой был очень кратковременным.

Всех в Думу посади. Дела не хуже
У них пойдут, а есть они не просят!
И о а н н. Ха-ха! Дурак не слишком глуп сегодня!

В ходе игры Иван роняет короля (по терминологии того времени «царя»), а шут, бросаясь его поднимать, заявляет: «Ай-ай-ай! Царь шлепнулся!» Нечаянное пророчество шута сбывается очень быстро. Борис Годунов — по пьесе А. К. Толстого — приносит известие, что волхвы настаивают на верности своего пророчества о смерти Грозного в кириллов день. Грозный понимает замысел Годунова:

Ты... Ты...

Я понял взгляд твой!... Ты меня убить...

Убить пришел! Изменник!.. Палачей!..

Федор, сын!.. Не верь ему!.. Он вор!..⁴

Эта сцена изображена К. Е. Маковским, одним из наиболее известных художников-поретвижников, и П. П. Гнедичем, создавшим иллюстрации к пьесе А. К. Толстого. Все трое отметили зафиксированное в документах присутствие Бориса Годунова. Какова в действительности его роль в смерти Грозного, сказать трудно.

18 марта 1584 г. формально кончилось время Грозного. Престол занял «тихомирный» и безвольный царевич Федор, проводивший больше времени в молитвах, нежели за государственными делами.

Кем же был тот политический деятель, который 37 лет носил титул первого русского царя? Советский ученый М. М. Герасимов по сохранившемуся черепу и скелету Грозного создал скульптурный портрет, по которому можно судить о его облике. К 54 годам царь был уже стариком, лицо его было покрыто глубокими морщинами, под глазами — огромные мешки. Ясно выраженная асимметрия (левый глаз, ключица и лопатка были значительно больше правых), тяжелый нос потомка Палеологов, брезгливо-чувственный рот придавали ему малопривлекательный вид.

Русские и иностранные современники сохранили несколько зарисовок внешнего облика царя в последние годы его жизни. Имперский посол Даниил Принц из Бухова в 1567 г. писал: «Он очень высокого роста. Тело имеет полное силы и довольно толстое, большие глаза, которые у него постоянно бегают, наблюдают все тщательным образом. Борода у него рыжая с небольшим оттенком черноты, довольно длинная и густая, но волосы на голо-

ве, как большая часть русских, бреет бритвой»². Сходно характеризовал Грозного боярин Иван Михайлович Катырев-Ростовский: «Царь Иван по своему внешнему облику был некрасив. Нос у него был длинный и поклый (пригнутый книзу.— *Авт.*). Высокий, худощавый, он вместе с тем был широкоплечим и мускулистым. Это был человек рассудительный и многоречивый, достаточно образованный, отважный в бою и всегда готовый стать за свое отечество. С подданными своими очень жесток, неумолим и склонен к пролитию крови и убиению; во время своего царствования множество народа от мала и до велика погубил, многие города разорил... Тот же царь Иван сделал много благ. Его очень любили воины, ибо он из своих сокровищ давал безотказно потребное им»³.

Катырев-Ростовский не пожалел красок, чтобы приукрасить первого российского царя. Позволительно, в частности, усомниться в его храбрости. Панический страх заставлял Ивана IV либо в бездействии стоять «на берегу» Оки во время опасности, грозившей с юга, либо гнал его на север под защиту крепких монастырских стен. Страх перед подданными заставлял «грозного» царя укрываться то за стенами Александровой слободы, то возводить двор-крепость в пределах собственной столицы, то отстраивать новую на севере — Вологду, то готовиться к бегству в чужие государства.

Тяжелое сиротское детство, самоуправство Шуйских наложили отпечаток на всю его жизнь, лишив его доверия и подданным. Тем не менее это был проницательный политик, понимавший по-своему правильно сложные внешне- и внутривнутриполитические задачи России. Грозный боролся со старицким князем Владимиром и его окружением, что объективно означало осуществление настоящей потребности упрочения единства русских земель. Он много сделал для развития экономических отношений со странами Востока и Запада. Это отвечало насущным интересам широких кругов феодалов и купечества. На заре самостоятельной деятельности Иван IV умел ценить талантливых и самобытных сподвижников. Но мнительный характер и обостренное чувство собственного величия неизбежно приводили его к разрыву с теми, кто искренно, настойчиво и дальновидно проводил мероприятия, направленные на укрепление самодержавия.

Грозный был фанатично религиозен. Еще в юные годы он выучил наизусть множество библейских и евангельских

преданий, заботился о сохранении и упрочении порядка церковных служб и благоустройстве церквей. Считая себя наместником бога на земле и возглавляя опричное монашеское «братство», занимавшееся беспощадным уничтожением «крамолы», Грозный многословно и напыщенно защищал чистоту православной веры от протестантов и католиков, сочинял церковные каноны, обличал монахов Кирилло-Белозерского монастыря с яростью, достойной истинного «реформатора». Искореня «крамолу» и укрепляя свою власть «помазанника божия», он вместе с тем составлял синодики для поминовения умерщвленных жертв самодержавия. Своеобразный писатель, Грозный любил живое слово, пробивавшееся в его сочинениях искрами истинного таланта сквозь шелуху церковно-правоучительной словесности.

Для России время правления Ивана Грозного осталось одной из самых мрачных полос ее истории. Разгром реформационного движения, бесчинства опричнины, «новгородский поход» — вот некоторые вехи кровавого пути Грозного. Впрочем, будем справедливы. Рядом вехи другого пути — превращение России в огромную державу, включившую земли Казанского и Астраханского ханств, Западной Сибири от Ледовитого океана до Каспийского моря, реформы управления страной, упрочение международного престижа России, расширение торговых и культурных связей со странами Европы и Азии.

Процветание Российского царства зиждилось не только на закреплении русского крестьянства, но и угнетении народов Поволжья и Сибири. Проблемы крепостничества, завязанные в gordiev узел при Грозном, унаследовал XVII век, когда закрепощенный крестьянин и бесправный холоп сказали свое слово, во время «гражданского пожара» Первой Крестьянской войны вынесли приговор самодержавию.

НАУЧНЫЕ ЗНАНИЯ

Эпоха бурного строительства Российского царства, формирования новых социальных и экономических отношений поставила особые задачи перед русской культурой, по-прежнему пронизанной христианскими догмами. Государство же было заинтересовано в развитии прикладных наук — геометрии, географии, механики, металловедения,

архитектуры. Без них нельзя было строить мощные укрепления, лить пушки, открывать новые земли, совершенствовать производства и ремесла. Строителям и чиновникам быстро разраставшегося бюрократического аппарата необходима была грамота. Начатков клерикального образования для дьяков и подьячих было недостаточно. Нужны были книги — основной источник познаний. Миссионерская деятельность в новоприсоединенных землях требовала такого количества книг, которым не располагали центральнорусские епархии.

Всеми этими обстоятельствами объясняется поддержка, оказанная Грозным и митрополитом Макарием Ивану Федорову, основавшему в Москве типографию, деятельность которой началась в 1563 г. Книгопечатание в России в течение XVI в. было государственной монополией. Федоров не был первым издателем книг в России. На протяжении 50—60-х годов XVI в. было напечатано несколько так называемых безвыходных, т. е. анонимных, книг. Это узко-, средне- и широкошрифтное четвероевангелие и другие богослужебные книги. И состав этих книг, и бумага, и орнаментика ведут к Москве. К сожалению, неизвестно, кем была организована деятельность первопечатников, откуда вышли эти книги. Скорее всего, это был Сильвестр, один из выдающихся деятелей Избранной рады. Среди типографов этого времени могли быть «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев, новгородец Васюк Никифоров, Иван Федоров, Петр Тимофеев Мстиславец, Андроник Тимофеев Невежа.

1 марта 1564 г. был завершен первопечатный Апостол, в августе—октябре 1565 г. увидели свет два издания Часовника. Над изданием книг трудился Иван Федоров, человек, рассматривавший свое дело как высокое призвание. Много лет спустя он гордо заявил: «Не удобно ми бералом ниже семяя сеянием время живота своего съкращати, но имам убо вместо рала художество наручных дел сосуды, вместо же житных семян духовная семена по вселенной разсевати»¹. Отпечатанный красивым и четким шрифтом, украшенный многочисленными заставками и иллюстрациями, исполненными с большим художественным вкусом, Апостол находился на уровне самой высокой полиграфической техники своего времени. Вскоре Ивану Федорову пришлось покинуть страну. Причины его отъезда в Литву не вполне ясны. Однако дело книгопечатания на Руси не заглохло. В Москве 8 марта 1568 г. начала

печататься Псалтырь Никифора Тарасиева и Андроника Тимофеева Невежи. В 70-е годы деятельность Андроника Тимофеева была перенесена в Александрову слободу. К концу 70-х годов в России были изданы основные церковнослужебные книги. Много их поступало и из-за границы. Постоянными покупателями заблудовских и львовских изданий Ивана Федорова выступали Строгановы, нуждавшиеся в книгах для церквей во вновь присоединяемых землях.

Монополию просвещения держали священники. Но грамотность была распространена гораздо шире. С начатками ее было знакомо почти все купечество. Высшие слои дворянства и боярства также умели читать и писать. поголовно грамотными были дьяки, число которых быстро увеличивалось. Сеть школ была еще крайне мала. Несмотря на решения Стоглавого собора расширить количество «книжных» училищ, существовавших ранее только в Москве и Новгороде, во многих городах так и не удалось организовать школ, даже церковных.

Во второй половине XVI в. относится создание первых арифметик, которые в XVII в. станут главным пособием обучения молодых людей. В арифметиках рассматривались действия с дробями, состоявшими, по терминологии того времени, из «верхних» и «нижних» чисел. Излагалось и тройное правило («строка тройная»), широко употреблявшееся для решения задач на темы, касающиеся торговли и ссудных операций. Во всех арифметиках употреблялись русские меры, приводилась русская система устного исчисления. Первым пособием по геометрии было изданное в 1556 г. руководство писцам «с приложением землемерных начертаний». Подробные сведения о вычислении площадей геометрических фигур содержала статья «О земном же верстании, как земля верстать». Математические расчеты, связанные с измерением площадей, содержатся и в сочинении Ермолая Еразма «Благохотящим царем правительница и землемерие».

Расширились этнографо-географические представления. В Азбуковники были занесены сведения о западных и некоторых восточных народах. Были составлены карты-схемы многих земель Российского царства — «Чертеж Смоленской и рубеж Смоленским волостям», «Чертеж Лукам Великим и Псковским пригородкам с литовским городом с Полотцком», «Чертеж Ливонских городов»¹.

Знакомство с теоретическими сведениями из области механики и математики обнаружили архитекторы, строители собора Василия Блаженного.

Большим багажом практических сведений в области металловедения обладали литейщики. Артиллерия широко использовалась в восточных и западных походах. При осаде Казани употреблялись пушки с колоритными названиями «Змей летячий» и «Змей свертный». В городе вплоть до 1565 г. оставались пушки «Сокол» и «Львиная голова».

Богатейший опыт солеваренного дела был обобщен в «Росписи, как зачат делат новая труба на новом месте», которая содержит техническую инструкцию по бурению для добычи рассола, строительству буровых вышек и технике проходки грунта.

Некоторые успехи сделала и практическая медицина. Иноземные врачи и раньше пользовали великих князей и членов их семей. И при дворе Грозного подвизался не только печальной памяти англичанин Елисей Бомелий, но и много других врачей — «фрязинов», немцев. Больницы и богадельни были образованы при всех крупнейших монастырях. Туда предписывалось помещать нищих чернецов и черниц. Практическая медицина еще неразрывно была связана со знахарством. С распространением медицинских знаний постепенно отступало знахарство, связанное с различными суевериями.

Впервые пробудился интерес к рациональному ведению сельского хозяйства. Свидетельством этого остался «Назиратель» * — своеобразная практическая энциклопедия по вопросам сельскохозяйственного труда и быта.

В целом, несмотря на поддержку государством некоторых прикладных наук, их прогресс был медленным. Контакты с зарубежными странами в области книгопечатания, практической медицины и астрономии существенно не влияли на уровень их развития. Причину этого следует искать в положении науки, которая из служанки богословия постепенно превращалась в служанку теократического государства, унаследовавшего от церкви основные принципы в области просвещения и культуры.

* «Назиратель» — перевод знаменитого в средневековье сочинения Петра Кресценция, написанного в Италии в начале XIV в. В России был известен польский перевод сочинения Петра Кресценция, изданный в 1549 г. в Кракове,

НОВЫЕ ЛЮДИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

В тени, отброшенной на русскую историю мрачными фигурами Грозного и опричников, на первый взгляд меркнет созидательная работа талантливых мастеров и художников, творивших подлинные шедевры искусства и материальной культуры. Но все это лишь на первый взгляд.

Прогресс русской культуры воплощался в людях, тесно связанных с развитием государства, нуждавшегося в специалистах, знакомых с основами математики и геометрии, свойствами руд и металлов. И вот появились архитекторы, опытные инженеры, проектировавшие строительство новых крепостей (Иван Григорьевич Выродков и Постник Яковлев), приказные дельцы (Иван Висковатый), писцы, описывавшие земли, картографы, составившие при Грозном первый чертеж государства, литейщики (такие, как Богдан и его ученик Пятой, Андрей Чохов, Кузьмин Первый). К середине XVI в. выросли кадры, способные справляться со сложными инженерными задачами. Среди них первое место принадлежало Ивану Григорьевичу Выродкову, который в необычайно короткий срок (за 4 недели) поставил крепость г. Свияжска и руководил сооружением тур, опоясавших Казанскую крепость. «Хитрец, градозавец и делатель», инженер, воин и государственный деятель, этот человек, отличающийся универсальностью интересов и занятий, входит в плеяду русских гуманистов.

Атмосфера начала царствования Грозного вызвала к жизни политических деятелей широкого размаха, таких, как Сильвестр и Адашев, понимавших основные задачи переустройства страны, она давала возможность изложения своих взглядов Пересветову и Ермолаю Еразму. Наиболее образованные думные люди вели переговоры с представителями иностранных держав и решали важные государственные задачи (И. М. Висковатый, Алексей Адашев). Без знаний не могли обходиться и торговые люди, побывавшие в заморских странах. Все они — будь то дворяне, защищавшие самодержавие и выколачивавшие оброк из своих крестьян, или торговые люди — тесно были связаны с царской властью. Для них дальнейшие судьбы страны становились делом жизни. Вопросы улучшения государственного строя России, будущего воинников и холопов, права и обязанностей государя обсуждали в конце 40—50-х годов такие мыслители, как Ермолай Еразм, И. С. Пересветов.

На вопросы о судьбах различных сословий передовая общественная мысль давала иной ответ, чем правящий класс, указывала иной путь, чем тот, на который вступило Российское царство. Впрочем, она не осмеливалась поднять голос против нарождающегося самодержавия, горячо поддерживая идею царской власти.

Твердое убеждение во всемогуществе государя разделял и Андрей Курбский. Ему были свойственны представления о высоком назначении царя, который, по его словам, «должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всенародных человек, понеже дар духа дается не по богатеству внешнему и по силе царства, но по правости душевной»¹. Апофеоз власти самодержца у Пересветова и других передовых идеологов объясняется не только силой дворянского сословия, но и слабостью русских городов. Носителями передовых идей выступали дальновидные представители дворянства, а не горожане.

Взрыв реформационных настроений знаменовал кризис традиционного православия, коренной поворот в мировоззрении. Формировался новый тип человека, вольно или невольно испытывавшего влияние реформационных движений, человека, в себе самом, а не в боге увидевшего смысл мироздания.

Новые люди появлялись и в городе, и в деревне. Предприимчивое русское купечество вело торговлю на севере в районе Норвегии, у берегов Северного Ледовитого океана до устья Оби и даже до Мангазеи, ездило в далекие восточные страны, поддерживая постоянные торговые отношения со Средней Азией, Ираном и Турцией. Тип нового человека, целую прослойку торговых мужиков, «которые рожью торгуют и деньги в рост дают», заметили даже законодательные памятники XVI в. Им, этим торговым мужикам — Амосовым, Своеземцевым, Прощелыкиным и др., конечно, далеко было до людей эпохи Возрождения. С последними могли сравниться лишь Аника Строганов, да его сыновья — Семен, Максим и Никита, соледобытчики, основатели крупнейшего торгового дома, активно участвовавшие в присоединении Сибири, опытные организаторы различных ремесел, в первую очередь металлообработки, иконописного дела, переписки рукописей. Даже рядовые торговые люди по своему подходу к жизни отличались от предшествующих поколений. Их настольными книгами были не столько Евангелие и Апостол, сколь-

ко «Торговая книга», перечислявшая все виды товаров, которые можно купить и продать, с подробнейшим указанием сортов и цен.

«Новые люди» формировались и за монастырскими стенами. Монастыри, все теснее и теснее связанные с рынком, нуждались в строгом учете произведенной, закупленной и проданной продукции. Монастыри начинают систематически вести приходо-расходные книги. Настоятель, келарь и казначей делили время между чтением богослужебных книг и проверкой записей в приходо-расходных. Только строгий «бухгалтерский» учет мог обеспечить руководимым им монастырям процветание в трудные годы правления Грозного. Наиболее ярким представителем новых людей в среде церковников был Филипп Колычев, одаренный и изобретательный инженер, мысль которого обращалась и на усовершенствование орудий сельскохозяйственного труда, и на устройство мельниц, и др.

Человек середины XVI в. как бы впервые увидел окружающий мир во всем его разнообразии. Художники, иллюстрируя житийные, богословские и исторические сочинения, тщательно выписывали разнообразные города, реки, моря, корабли со всеми деталями оснастки (в миниатюрах Егоровского сборника), оружие и убранство домов, княжеские и боярские регалии (в Лицевом летописном своде). Правда, в изображениях господствовал привычный для иконописцев штамп, но реально переданные детали нарушали привычные традиции, восходившие еще к Византии. На иконах реалии окружающего человека мира, в особенности архитектурного пейзажа, вытеснили с первого плана фигуру святого. Особенно заметно это в клеймах* житийных икон, таких, как «Тихвинская богоматерь» или «Аптолий Римлянин». По многим иконам того времени с большой достоверностью можно реконструировать комплексы монастырских зданий. Так, на иконе «Воздвижение креста» из Троице-Сергиева монастыря довольно точно воспроизведены пятиглавый собор с позамарным покрытием и шатровая колокольня на мощных столбах. Многочисленные жапровые сцены, обрамлявшие в клеймах изображение какого-либо святого, по стилю напоминают миниатюры. В повествовательных композициях на произведениях мелкой пластики и иконах все чаще

* Клейма — небольшие изображения сцен из сличенного писания или житий святых, помещаемые на полях иконы.

встречаются фигуры зверей и птиц, изображения небесных светил, сложных архитектурных форм, точно переданной одежды и предметов быта. Проникновение реалистических мотивов приводило порой к неожиданным результатам. Образ святого терял возвышенные черты. «Предстоящие» в композициях середины и второй половины XVI в., и в первую очередь Богородица, — живые люди, изнемогающие под бременем несчастья, а не святые, с радостью принимающие испытание, посланное богом. Изображение реальных черт мира, окружающих человека, нахлынувших новых жизненных впечатлений приводит к изменению самой манеры письма художника, измелчанию и детализации, резко контрастирующей с возвышенной монументальностью произведений предшествующего XV в.

Новые тенденции в быту проявлялись в более стертой форме. Люди той поры остались верны старым традиционным формам жизни, но увидели в ней самой новую ценность и прелесть. Не убиение плоти, не аскетизм — вершина христианского отречения от всего земного, а воспевание земной жизни — вот что отличает психологию нового человека. «Все хотят на земле жить и забыли о загробной жизни» — этот упрек одного из церковных иерархов первой трети века с большим основанием следовало адресовать новому поколению².

Энциклопедией русского быта можно назвать «Домострой», сборник поучений по всем отраслям домашнего хозяйства, написанный Сильвестром для сына Анфима, занимавшегося крупной оптовой торговлей и постоянно связанного с иностранными купцами. «Домострой» с его любованием житейскими мелочами, скрупулезной требовательностью к соблюдению разумных правил ведения хозяйства, строгой регламентацией быта и духовной жизни мирян знаменовал упадок внутренней религиозности и проникновение рационализма в мировоззрение торговых слоев. Рост городов и бюргерства вызывал появление подобных хозяйственных энциклопедий, регламентировавших быт зажиточного горожанина, и в других странах. «Домострой» Сильвестра перекликается с чешскими памятниками — четвертой книгой «Учения христианского» Фомы Щитного, предшественника Яна Гуса, «Советами отца сыну» Смиля Фляшки (XIV в.), итальянским «Рассуждением об управлении семьей» Пандольфини, французским «Парижским хозяином» (XV в.) и т. д. В «До-

мострое», как и во всех этих сочинениях, быт трактовался как единственная форма удовлетворения человеческих потребностей на земле. Формальное соблюдение религиозных обрядов — вот что требовал от «рачительного» хозяина составитель «Домостроя». Еда воспринималась отнюдь не как греховное потворствование плоти, а как законное для каждого христианина удовольствие. «Домострой» подробнейшим образом описывал, как следует накрывать на стол, как уставлять на чистой скатерти бесконечные столовые «суды» (ковши и судки столовые, уксусницы, перечницы и солопицы, ложки, блюда и ставцы). В «Домострое» содержались рецепты приготовления постных кушаний (блинов, пирогов с рыжиками, груздями, маком, кашей и капустой, каш, рыбы в разных видах, немецких сельдей), скоромных (из мяса, вотчины, сала), различных напитков и сладких кушаний (брусничной воды, пива мартовского, малинового морса, яблок и груш в квасу и в патоке, пастил и т. д.).

В глазах читателя «Домостроя» дом был не его временным земным прибежищем, преддверием ада, рая или чистилища, а человеческой храминой, о которой он обязан был заботиться не меньше, чем о настоящих храмах. Дома украшались орнаментальными и животными мотивами. Змеи, звери и «неверные храбрые мужи» оказались настолько распространёнными во внешнем оформлении домов, что это послужило темой специального осуждения Стоглавого собора.

Все большее распространение получали восточные и итальянские шелковые ткани, западные сукна, даже высшее черное духовенство не отставало от общего поветрия. Модным среди мирян было ношение «платья и одежды иноверных земель», в том числе и восточных тюбетеек. Распространение предметов роскоши сопровождалось все

Дьяк Посольского приказа.
Гравюра XVI в.

большим вниманием к человеческому телу. И мужчины, и женщины начали тщательно следить за собой. Мужчины стали выщипывать усы, бриться и «подсекать» бороду ради моды. Как ни протестовал против этих новых веяний Стоглав, он не в силах был остановить общего движения.

Широко распространились такие игры, как шахматы и шашки. Запрещения Стоглава «бесчинствовать» шахматами и предостережения «Домостроя» относительно будущей судьбы игроков — проклятия на этом свете и мучения ада на том — не могли остановить увлечения ими. Играл сам царь, играли его приближенные, играли городские жители и крестьяне.

Сдвиги в мировоззрении и миропонимании не привели к освобождению от пут религиозной философии. Выбираясь из них, светский человек России попадал в новые, становясь лицом «государственным».

Для укрепления своего положения государство широко использовало православие и церковь, а последняя — царскую власть для упрочения господства над душами и телами верующих. Союз православной церкви и царизма обеспечил победу контрреформации в России. Под ее знаком прошло развитие русской культуры 50—80-х годов XVI в. Как бы ни складывались взаимоотношения царизма и церкви, они выступали единым фронтом против развития свободомыслия и творческой мысли.

НА СЛУЖБЕ ЦАРЮ И ЦЕРКВИ

Процесс политического объединения и централизации страны оказал воздействие на различные области культуры. В руках царя сосредотачивалась основная масса средств, которыми не располагали ни князья, ни бояре, ни даже монастыри для финансирования любых начинаний в области культуры — строительства, росписей, организации летописного дела. Лишь некоторые удельные центры могли позволить себе обзавестись новыми храмами. Так, в Старице в 1561 г. был сооружен Борисоглебский собор, знаменитый своими изразцовыми рельефами. Собор в Дмитрове при Владимире Старицком (1566—1569) был украшен такими же рельефами. Монастырское строительство в 50-е годы почти прекратилось. Даже

Троице-Сергиеву монастырю понадобилось 80 лет, чтобы завершить заложенный в 1554 г. по образцу московского Успенский собор. Давно прекратили свою деятельность местные центры летописания. Только на северо-западе (в Новгороде и Пскове) или в отдельных монастырях по-прежнему велись небольшие летописи, составители которых изредка размышляли о судьбах страны в тяжелые годы опричнины. Но в них вместо общерусских сведений внимание преимущественно обращалось на известия, относящиеся к местной церковной истории, на стихийные бедствия и т. д.

Пожалуй, не осталось ни одной области культуры, развитие которой не было бы подчинено непосредственному царскому велению. «Земной бог» вмешивался во все — и в дела земные, и в дела духовные. Общерусское летописание полностью стало государственным делом. Его вели теперь в государевом дворце, под руководством близких к царю Алексея Адашева и Ивана Висковатого. Сам царь участвовал в этом, «переписывая» историю в связи с новыми политическими катаклизмами. Летопись становилась хроникой придворных событий, войн и дипломатических приемов, основанной на материалах государственного архива, превращаясь в свод выдержек из посольских и разрядных книг.

Дольше всех подобие самостоятельности сохраняла одна область литературы — публицистика. Середина XVI в. — это время раздумий, размышлений и споров о будущем страны. Проекты, предложения, челобития сыпались как из рога изобилия. Основные догматы православия подверглись сокрушительной критике «еретиков». Борец за счастье угнетенного люда Феодосий Косой выступил со взглядами, которые могут считаться вершиной русской общественной мысли того времени. Под напором передовой общественной мысли религиозная культура средневековья дала трещину. Но клерикальная реакция подавила передовые идеологические течения. Торжество контрреформации наложило отпечаток и на развитие общественной мысли. В канун введения опричнины в России безраздельно господствовал один публицист — сам царь. Он обнаружил различные стороны литературного дарования: сарказм — в письмах в Кирилло-Белозерский монастырь и к томившемуся в плену Василию Грязному, велеречие и неводержанность — в посланиях Курбскому. Фактическое исчезновение в годы опричнины публици-

стики как жанра свидетельствует о глубоком и трагическом кризисе общественной мысли. Пустоту, образованную гонениями на еретиков, заполнили церковь и самодержавная власть. Место ярких и самобытных произведений передовых писателей занимают вышедшие как бы из-под одного пера жития святых, размножавшиеся церковниками по мере причисления к лику общерусских святых того или иного местного деятеля. В связи с канонизационными соборами 1547—1549 гг. в макарьевском кружке были составлены особая редакция жития Александра Невского, освободившего Псков от немецких рыцарей, Ефросипа, основателя Псково-Печерского монастыря, в 1558 г. — новгородских святых Никиты и Нифонта, повесть о юрьевском «мученике» Исидоре. Антиливонские выпады в этих произведениях подготавливали общественное мнение России к войне за Прибалтику. Даже житийная литература оказалась на службе царизма. Лишь в изображении эпизодов классовой борьбы крестьянства жития правдоподобны. Они ярко и красочно рассказывали о тех тяготах и муках, которые пришлось вынести «святým», которые то «в доспесех с мечи», то «с копни и рогатины» защищали захваченные у крестьян земли. Эти сцены по драматизму не уступают лучшим произведениям художественной литературы предшествующего времени.

Стоглав как памятник публицистики середины XVI в. показывал состояние официальной идеологии. Он был лишен каких-либо творческих начал. Стоглав, подчинив отправление религиозных церемоний тщательному контролю церкви и государства, требовал от каждого верноподданного совершать молитвы за царя, одни на случай, если он оставался в столице, другие — если он выступал в поход. Стоглаву вторил и «Домострой», предписывавший возносить молитвы о здравии царя — в церкви и дома. «Домострой» учил: «Царя бойся и служи ему верою... с покорением истинну отвечаай ему яко самому богу». Все должны были слушаться и царских наместников: «...также и князем покаряйтеся и должную ему честь воздавай яко от него посланом во отмщение»¹.

На канун опричнины приходится создание произведений, целью которых был пересмотр истории России с точки зрения официальных концепций (Казанская история, Степенная книга, Лицевой летописный свод). «Степенная книга», написанная в 1560—1563 гг. по поруче-

нию митрополита Макария царским духовником Афанасием (Андреем, позднее митрополитом), оказалась одним из наиболее значительных историко-литературных произведений эпохи. Она содержала историю России в виде последовательного ряда биографий правителей, начиная с киевских князей. Каждая биография представляла особую «степень»; семнадцатая посвящена была жизни и деяниям Ивана Грозного. Степенная книга рассказывала о роли церкви и высших церковных иерархов в строительстве государства, о деяниях митрополитов, утверждала идею единства самодержавной и духовной власти, их союза в деле упрочения власти государей. В 1564—1565 гг. была написана «Казанская история», повесть, излагающая историю Казанского ханства и многовековой борьбы с ним России. Автор провел в плену около 20 лет и был освобожден в 1552 г. На страницы «Казанской истории» попали и реалистические описания битв и страданий русских воинов, были упомянуты разногласия среди воевод в связи с трудностями похода. В центре повествования — панегирически описанные воинские подвиги Ивана IV. Авторы «Степенной книги» и «Казанской истории» пользовались беллетристическими приемами изложения. Ополчившаяся на занимательное светское чтение официальная литература (будь то церковная, будь то светская) уже не могла придерживаться старых канонов, что ярко свидетельствовало о ее внутреннем кризисе.

Основной круг чтения закопопослушного читателя определялся житийными и святоотеческими произведениями, которые, как и некоторые сочинения светского или полусветского содержания (книга Иосифа Флавия «О пленении Иерусалимском», «Космография» Козьмы Индикоплова и т. д.), были включены Макарием в «Великие Четыи Минеи». Беллетристические произведения (например, «Повесть о Динаре») были лишены диалогов, остро сюжетных конфликтов, резких поворотов в судьбах героев. Победа иверской (грузинской) царицы Динары над персами приписывается ее набожности.

«Душеполезные» произведения типа «Повести о Динаре», «Повести о Евстратии-Велизарии», «Прения живота со смертью» вытеснили переводные занимательные сочинения предшествующего времени. Эти повести приобретали характер агиографических (житийных) сочинений (например, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», «Сказание

о Вавилоне», включенные в «Великие Четьи Миней»); Переводный с немецкого памятник «Прение живота со смертию», вышедший из кругов новгородских клерикалов в конце XV в., хотя и имел диалоги, но был лишен действия. Из перевода аналогичного польского произведения «Разговор магистра Поликарпа со смертию» были удалены все сатирические элементы. Текст, потерявший элементы занимательности, приблизился к унылым, однообразным произведениям церковной поучительной литературы.

Строительство каменных сооружений было подчинено целям внешней и, в особенности, внутренней политики государства. Управление строительством сосредотачивалось в руках царя, что было оформлено в 1583 г. созданием приказа Каменных дел. Если при отце Грозного Василии III кремли-крепости создавались главным образом в южных городах, на границе с Крымским ханством (Коломна, Тула, Зарайск), то основное место в крепостном строительстве во время Грозного заняло сооружение крепостей на севере страны, где царь хоронился или намеревался отсиживаться от своих действительных или мнимых врагов. Так возникла крепость Александровой слободы, где было сооружено и несколько храмов, больше похожих на башни, чем на церкви. Продолжалось строительство на востоке (в Свияжске и Казани им руководил псковский городской мастер Постник Яковлев) и на западе (в 1557 г. Иван Выродков и П. П. Головин ставили «...город от Немец усть-Неровы реки... у моря для пристанища морьскаго корабленого»²).

Архитектурным памятником, который должен был увековечить венчание Грозного на царство, был храм Иоанна Предтечи (покровителя Ивана Грозного), в 1553—1554 гг. построенный в соседнем с Коломенским селе-усадьбе Дьякове. Он состоит из пяти восьмигранных столпов с наибольшим из них в середине. Центральный столп имеет два яруса полукруглых и треугольных кокошников. Архитектура храма отличается стремлением поразить воображение грандиозностью и неожиданностью архитектурных решений. Разрыв с традициями византийского зодчества нашел выражение в отказе от обычного крестово-купольного храма.

Жизнерадостная и нарядная церковь Покрова Богородицы (храм Василия Блаженного), «преудивлепа различными образцы и многими переводы»³, была исполнена

чувства ликования. На высоком подклете с открытыми арками и наружной галереей (гульбищем) расположены девять столпов. Центральная часть собора (собственно Покровский храм) — это столп с шатром, плавно переходящим из трех рядов кокошников. Остальные восемь столпов, окружающие центральный, — более низкие, они отличаются по высоте, объему, отделке, но очень удачно образуют единое целое. То общий мотив кокошников, полукруглых или граненых, то похожая форма орнаментов или арок, то остроугольные «стрелы» на гранях башен роднят между собой отдельные храмы. Нынешняя пестрая окраска собора появилась лишь в XVII—XVIII вв. Первоначально сочетание красного кирпича и белого камня скрадывало некоторое изобилие архитектурных форм и придавало храму если не большую нарядность, то большую монументальность.

Покровский собор узаконил новую для каменного зодчества форму шатровых сооружений, ставших преобладающими в дворцовом строительстве третьей четверти XVI в. Дворцовая архитектура пыталась утвердить идею прославления самодержавия, прибегая для этого к новым формам. Шатровые церкви как символ укрепляющейся царской власти были воздвигнуты в Брусенском монастыре, расположенном внутри кремля г. Коломны (1552), в Воротынске на Угре (середина XVI в.), в Лютикове монастыре (1559). Вслед за переходом Старицы в руки Ивана IV там также началось сооружение шатрового храма.

Скульптурным мемориалом венчания Грозного на царство должен был стать Мономахов трон, или место (1551 г.), установленный в Успенском соборе. Нижняя часть его в форме куба покоится на четырех зверях, свернувшихся клубком. Стенки украшены двенадцатью резными сценами низкого рельефа, изображающими сказание о получении Владимиром Мономахом царских регалий — шапки и барм от византийского императора Константина Мономаха. Владимир Мономах и его окружение представлены в виде царя и бояр в нарядах XVI в. Пластичность и динамичность резьбы может дать некоторое представление об искусстве скульптуры того времени. Произведения мелкой пластики (нагрудные иконы, иконки-складни, мощевики-ковчег и кресты) после Стоглава, как показала Т. В. Николаева, отличались бóльшим единообразием, чем ранее. Возможности проникновения в

изобразительное искусство народной традиции уменьшались.

Москва, вернее Кремль «царствующего града», стала и центром художественной жизни. Сюда были собраны лучшие иконописцы из всех городов, они расписывали стены царского дворца, подновляли или заново изготавливали иконы для опустошенных пожаром 1547 г. кремлевских церквей. Здесь строились новые церкви, иллюстрировались летописи, задуманные как рукописный мемориал царствования Ивана IV. Прославлению военных побед посвящена роспись Золотой палаты Кремлевского дворца (1547—1552) *. В росписи использованы сюжеты русской истории, библейских рассказов и притч⁴. Аллегорические фигуры «Целомудрие», «Разум», «Чистота», «Правда», «Неправда», «Безумие» наглядно иллюстрировали моральный кодекс христианства, так постоянно пропагандируемый митрополитом Макарием в его посланиях царю. Добродетели и пороки в виде жещин напоминают об образах раннего Возрождения.

В связи с грандиозными работами, производившимися в Кремле, встал вопрос о форме новых произведений. Впервые в истории русской художественной культуры вопросы искусства становятся предметом обсуждения церковных соборов (1551 и 1554 гг.), складывается определенный план создания произведений различных видов искусства: монументальной живописи, книжной иллюстрации и прикладного искусства, в частности резьбы по дереву.

Стоглав установил специальные правила о том, как следует писать иконы. Во «избежание шатости в людях» из-за разнообразия образных композиций на иконах Стоглавый собор принял решение о введении лицевых иконописных «подлинников», дающих образцы, т. е. схематическую характеристику, изображений отдельных святых и целых композиций. Отличия одного святого от другого описывались так — «брада покороче Сергиевы», «брада Власиева», «образом велик, брада певелика» или «сед, брада долга до пояса, на конце узка, не подвоилась, но повисла в один косм». Такие инструкции содействовали стандартизации обликов святых и должны были искоренить «самомышление» иконописца, литейщика, резчика.

* Она известна лишь по подробному описанию конца XVII в. знаменитого художника Симона Ушакова, проанализированному О. И. Подобедовой.

Стоглав ополчился и на иконописцев, которые «по торгам ходят с образы без чести». В творчестве мастеров, писавших иконы вне мастерских, «на широкого потребителя» и продававших их вразнос, органически соединялись и пародные представления о тех или иных святых, и элементы ремесленничества, сплавленные с трафаретным изготовлением по «подлинникам».

Вопрос об изображении современников встал в связи с изготовлением икон для Благовещенского собора. Молящиеся цари, святители, народ напоминали живых людей, хотя изображения и были лишены портретного сходства. В угоду царю Стоглав подтвердил право изображать на иконах не только святых, но и живых царей и священнослужителей. Наместники бога на земле таким образом как бы причислялись к лику святых.

Собор волновал и вопрос об «изобразимости божества». Речь шла о запрещении писать на иконах бога-отца, как это делалось на Западе. Образец так называемой новозаветной Троицы (бог-отец и бог-сын на престолах с голубем между ними) представила четырехчастная икона, изготовленная для Благовещенского собора Московского Кремля псковскими мастерами вскоре после пожара 1547 г. Удивление непривычного к новому изображению московского зрителя вызывали и изображения Христа: то в образе воина, сидящего на кресте, то в образе обнаженного ангела, прикрытого крыльями. Создание четырехчастной иконы возбудило массу кривотолков. Наиболее резко в 1553 г. высказался Висковатый, которому митрополит решительно возразил: «Не велено вам о божестве и божиих делах испытывати... Знал бы ты свои дела, которые на тебе положены, не разроняй списков»⁵. Церковь свято охраняла свое право решать все вопросы, связанные с богословием. Висковатый не успокоился и на следующий год представил митрополиту новый список «О мудровании и о своем мнении о святых иконах». Этот список был рассмотрен на соборе 1554 г., который занимался делом М. Башкина. Висковатый протестовал как против изображения невидимого божества — бога-отца в ангельском образе, так и против натуралистических сцен (аллегии «блуждения» (блуда), олицетворенного в женской фигуре, которая «спустя рукава кабы пляшет»). Упреки Висковатого в «латынском мудрствовании», т. е. проникновении католических влияний, задели церковников за живое. Собор 1554 г. отверг упреки осмелившегося

иметь собственное мнение дьяка, но вынужден был признать справедливость обвинений в «латынстве», ярко выразившемся в изображении распятого Христа со сжатыми ладонями. В целом же писания Висковатого были признаны собором «развратными и хульными».

Собор 1554 г. постановил и впредь держаться символично-дидактического жанра. В 60—70-х годах в иконах нового типа, выдержанных в богословско-дидактическом стиле, содержатся огромные многофигурные композиции, почти лишенные выразительности. Изредка и в них проглядывает живая мысль художника. Так, изображение Ирода на иконе Рождества Богородицы, возможно, отражает желание иконописца посрамить всемогущего государя.

Собор 1554 г. разделил живопись на два вида — историческое, или бытийное, письмо, т. е. изображения на евангельские и библейские сюжеты, и приточное (изображения на темы притч). Среди произведений первого вида, в целом сохранявших традиционный характер, и позднее появлялись близкие к тем, что смущали Висковатого. Зиновий Отенский, тот самый, которому принадлежит критика учения Феодосия Косого, выступил против изображения бога-отца в виде царя Давида, вооруженного железной рукавицей и мечом, против изображения молодого Христа с мечом в руках. Несмотря на это, к концу XVI в. католические влияния в изображении бога-отца возобладали. Многочисленны заимствования из немецких гравюр в иконах св. Николая с житием из Боровичей (1561 г.), «Жизни Христа» 1560 г. из Московского Успенского собора и в миниатюрах Егоровского сборника и жития Николая Чудотворца из немецкой хроники Шеделя (1493—1494 гг.).

Наряду с изображением притч стали появляться и аллегории современных событий. Такова знаменитая икона «Церковь воинствующая» — живописный мемориал «Казанского взятия»; идейный замысел ее — прославление Грозного — близок росписям Золотой палаты. На огромной иконе два центра. Один — «Горний Сион» — изображает Москву, перед ним сидит богоматерь с младенцем на руках. На другом воссоздан нечестивый библейский город Содом, погрязший в грехах, — символ Казани. Тремя рядами движется бесчисленное воинство от Сиона к Содому. Воинство ведет сам воевода небесных сил — архангел Михаил. За ним следует молодой воин на ко-

не — Иван Грозный, а далее князя Владимир Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской и др., наследником воинской славы которых был Грозный. Впрочем, икона весьма далека от монументальности. Многочисленные реалистические детали снаряжения войска дробят внимание зрителя и отвлекают его от основной идеи произведения.

В 60-е годы велись работы еще над одним грандиозным памятником правления Ивана IV — лицевым летописным сводом. Каждый лист общерусской Никоновской летописи должен был быть иллюстрирован. Созданный по непосредственному распоряжению царя, свод содержал историю человечества от библейских времен до его царствования, он увековечивал и прославлял власть русских самодержцев, незыблемую до конца мироздания. Лицевой свод невольно перерос свое непосредственное назначение. В лаконичном и условном стиле его миниатюр детально и разнообразно изображены всевозможные стороны русской жизни: города, утварь, одежда, оружие. Лицевой свод показал новые приемы композиций. Вместо двуплановых (на первом ранее помещались фигуры, а на втором — палаты и горки) миниатюры стали многоплановыми. Изображение, подобно иконному, разворачивается по плоскости вверх (по принципу непрерывного действия).

Прославлению царской власти были посвящены произведения различных ремесел. Даже пушки использовались для этой цели. Так, на пищаля мастера Богдана было помещено изображение двуглавого орла с опущенными крыльями и широко распушенным хвостом. Ювелирное искусство также было в основном поставлено на службу монарха. В Москве сосредоточились лучшие злато- и сереброкузнецы, сканых дел мастера. По указу Ивана IV из Новгорода, славившегося своими ювелирами, в 1556 г. в Москву были востребованы серебряные мастера «Ортемка да Родивонка Петровы дети с братьею и детьми, которые их братья и дети горазди серебром образов окладывати»⁶. Роскошь царского двора, пышность одежд и украшений должны были внушать представление о безграничности власти Грозного не только его собственным подданным, но и иностранцам. Царскую казну пополнило много новой утвари, в том числе очень строгое, с ритмичным узором блюдо Марии Темрюковны, серебряная заздравная чаша 1564 г. и, наконец, корона, по словам посла австрийского императора Максимилиана II, Перя-

штейпа, превосходившая роскошью короны других европейских государей. Не менее роскошны были и вклады Ивана IV в крупнейшие монастыри: цаты (подвески) и золотому окладу иконы Троицы Андрея Рублева, оклад иконы «Одигитрии» Архангельского собора, оклад рукописного Евангелия в Благовещенском соборе в Москве и другие. На басменных * окладах икон ощущение роскоши достигается сочетанием крещатого и чешуйчатого орнаментов из эмали различных оттенков голубого тона. В 70-е годы эмаль и скань дополняются мельчайшей зернью и чеканными цветами и листьями, припаянными в различных наклонах¹. Особенно великолепен оклад Евангелия **. Чекапные изображения фигур и растений сочетаются с эмалевыми цветами и надписями чернью по глади золотых лент, оконтуривающих композицию. В ювелирных изделиях широко используются драгоценные камни — сапфиры в сочетании с изумрудами и красными яхонтами. Неотделанные камни, лишенные блеска, цветовыми пятнами украшали изделия.

Те же тенденции к пышности и великолепию отличают и шитье. Последним значительным произведением этого времени, выполненным в традициях русского и южнославянского шитья с богатой красочной гаммой, была плащаница, вышитая шелком в мастерской Евфросинии Старицкой 1565 г. для Кирилло-Белозерского монастыря. В шитье постепенно начинает преобладать металлическая — золотая и серебряная нить.

В годы опричнины интерес царя к изобразительному искусству приобретает особую целепаправленность. На фресках крытых галерей и приделов, пристроенных к Благовещенскому собору (1564), и великокняжеской усыпальницы Михайло-Архангельского собора (1564—1565) были запечатлены предки Грозного. Далекие от портретного сходства, фрески точно указывали сан, чин и возраст воспроизводимого лица. Изображения античных мудрецов, в том числе Аристотеля и Гомера, отличаются присутствием чисто русских деталей. Гомера художник облек в царскую мантию, под которой видны русская рубашка и штаны. Римского поэта Вергилия снабдили короткой туникой и плащом — одеждой мучеников, извест-

* Басма — чеканка на тонких листах металла.

** Из Благовещенского собора Московского кремля,

пой русской и византийской иконописи, и шапкой, похожей на ту, что носили в старину крестьяне.

Тенденции официального искусства прослеживаются и в новоприсоединенных районах, в частности, в стенописи собора Свияжского монастыря (1561). Здесь и многочисленные сюжеты аллегорического характера, и апокрифические легенды, причем в некоторых изображениях животных явно чувствуется западное влияние. Автор стенописи изобразил царя и настоятеля монастыря Германа в алтарной композиции «Великий вход», которая иллюстрировала литургическое песнопение.

В художественной жизни России произошло парадоксальное явление, на которое обратил внимание М. В. Алпатов. По мере усиления повествовательного начала в изобразительном искусстве московские мастера стали опираться на достижения новгородской и псковской школ. Мастера Новгорода вызывались не только в Москву. Сходным образом формировались кадры ремесленников и в Казани (они набирались в Костроме, Москве, Владимире и других городах). Многочисленные местные школы и направления постепенно сменялись одним общерусским, сохраняя местные особенности только в частности. Язык изобразительных произведений так же многословен и велеречив, как «многошумящая» послания царя. Художники этого времени, чтобы воспрепятствовать разномыслию, пытаются объяснить каждое слово иллюстрируемого ими текста — будь то житие святого, легенда из Ветхого завета или притча. Произведения перегружены деталями, многочисленными фигурами, лишь косвенно относящимися к теме; они лишены той глубины, цельности и величественности, которой по праву гордится русское искусство XV в.

Во время Ливонской войны, поглощавшей большие средства и требовавшей напряжения сил всей страны, несколько ослабела и строительная деятельность. Был сооружен только один более или менее значительный храм — Успенский собор в Вологде, задуманный как повторение московского. Это отвечало тогдашнему желанию Ивана IV перевести в Вологду столицу государства и митрополичью резиденцию. Но Успенский храм в Вологде (1568—1570) — огрубленный вариант московского собора. Стены его лишены колончатого пояса, окна очень высоко подняты к законам. Суровое и тяжеловесное здание производит впечатление скорее крепости, нежели обычно-

го храма, и передает свойственную Грозному гигантоманию и суровый дух опричнины.

В 70-е годы прекратилось создание каких-либо новых памятников архитектуры и живописи *.

ЖИВОТВОРНЫЙ РОДНИК

Влияние церкви и самодержавной власти смогли затормозить и видоизменить развитие культуры, но не уничтожить ее. Народ оставался хранителем ее ценностей и той основы, на которой возник новый подъем культуры в XVII в. Народная традиция наиболее непосредственно проявляется в прикладном искусстве. К сожалению, большая часть произведений прикладного искусства не дошла до нашего времени. Сгорели или искрошились от ветхости знаменитые кирилловские чаши — «потешельные» (праздничные) и «гостиные», исчезла известная на всю Россию калужская и тверская посуда, отличавшаяся простотой и дешевизной. В Твери делались ставцы белые и красные с «кровлями» (крышками) и без них, осиновые белые блюда. Стерлись вологодские «ренчатые» или украшенные костью, тверские простые и олифленные ложки.

Сохранились только знаменитые новгородские коробы — красные и желтые, окованные черным и белым железом, снабженные замками. Коробы — неременная принадлежность монастыря и монастырского подворья, богатого боярского и купеческого двора — использовались также для хранения царского архива и казны. Коробы новгородского производства расходились по всей стране и вывозились далеко за ее пределы. Уцелели и немногочисленные прялки, каждая из которых — будь то расписная или резная — воспринимается как чудо красоты.

Не сохранились деревянные изделия прикладного искусства, широко употреблявшиеся в быту: украшенные резьбой или росписью, то геометрической, то растительной, рубели, коромысла — нехитрые хозяйственные принадлежности, носившие неповторимый отпечаток мастерства рук, изготовивших их, и сохранившие традиции местности, откуда вышли эти вещи. Пожалуй, в области деревообработки, не регламентированной строгими нормами государственных или церковных распоряжений, мог

* Единственным исключением может служить храм в с. Городне, к югу от Москвы (1578—1579).

дольше сохраниться дух неповторимости, противоборствовавший единообразию, охватившему культуру.

Этой тенденции противостояла и устная народная культура. Игры, вождение медведей, сопровождавшиеся острыми шутками о правителях, будили живую мысль народа, вызывая противодействие церкви и государства.

Русская контрреформация вела ожесточенную борьбу с народным искусством и, в первую очередь, скоморошеством. Представление о скоморохах как «видимых бесах» проникло и в апологетическую литературу. Крестьяне, судя по былинам о Вавиле-скоморохе, поддерживали «веселых людей», живших в деревнях с ними рядом. Ненависть церковников вызывали и остатки языческих обычаев — русалии на Иванов день, поминание родителей в троицкую субботу и другие народные празднества. Несмотря на запрещение народной музыки — «гуслей, и смыков, и сопелей, и всякого гудения»¹, она оказала влияние на военную музыку XVI в. В 60-е годы вошло в обычай перед началом битвы «бити по пабату и в сурну играти»².

Терпела русская церковь только юродивых. Предание приписывало псковскому юродивому Николе заслугу спасения Пскова. Он встретил Ивана IV при въезде в город и поучал его «ужасными словесы еже престати велия кровопролития»³. Грозный не послушался. Тогда Никола послал царю кусок сырого мяса. На что Грозный ответил: «Я христианин и мяса в пост (дело происходило во время великого поста. — Авт.) не ем». Никола заметил: «Неужели съесть постом кусок мяса какого-нибудь животного грешно, а нет греха есть столько людского мяса, сколько он уже съел?». Он предупредил, что с царем «случится какое-нибудь серьезное происшествие, если он не перестанет умерщвлять людей». По другому преданию, Никола остановил казни словами: «Ивашка, Ивашка, до каких пор будешь ты без вины проливать христианскую кровь. Подумай об этом и уйди в эту же минуту или тебя постигнет большое несчастье»⁴. Испуганный словами юродивого, Грозный якобы отказался от казней в Пскове и быстро покинул город⁵.

XVI век дал России Василия Блаженного, канонизированного церковью в 1588 г. Этот «святой» выступал в роли правдолюбца. Он наказывал недобросовестных продавцов, укорял Грозного за то, что тот, стоя в церкви, думал о новом дворце, строявшемся на Воробьевых горах.

Жизнь этого юродивого обрастало легендами, в которых народ делал его обличителем несправедливых деяний царя. Хотя Василий не дожил до опричнины, по преданиям, в Новгороде во время похода Грозного Василий, находившийся якобы в какой-то пещерке у Волхова, зазывает к себе царя, угощает его, подобно Николе, сырой кровью и мясом. В ответ на отказы царя он показывает ему души невинных мучеников, возносящиеся на небеса. Царь в ужасе приказывает остановить казни. В преданиях о юродивых ясно слышится голос народа, резко порицавшего бессмысленные расправы Грозного. Не менее отчетливо прозвучал он и в песнях. Народ осудил скорый и неправый суд Ивана IV в песнях «Взятие Казани», «Гнев Ивана Грозного на сына», его безжалостную расправу над новгородским населением, заклеил прозвищем «вора и душегуба» царского сатрапа Малюту Скуратова и ненавистную Марию Темрюковну, в которой народ видел виновницу перемен в государстве.

Вера в непобедимые силы народа звучит в песнях о чванливом Кострюке-Мастрюке, воплотившем реальные черты одного из инициаторов опричнины черкесского князя Михаила Темрюковича. Кострюк, похваставшийся «выбороть матушку каменну Москву», оказался слабее первого же бойца, вышедшего против него. Заслугу взятия Казани, главного внешнеполитического успеха времени Грозного, народ приписывал не столько царю, сколько неизвестному пушкарю, сумевшему организовать подкоп и взрыв под стенами города. Народная память надолго удержала представление о беспримерном подвиге освобождения пленных в Казани в песне «Молодец зовет девицу в Казань»:

Казань город на костях стоит,
Казаночка — речка кровава течет,
Мелки ключики — горючи слезы,
По лугам-лугам все волосы,
По крутым горам все головы,
Молодецкие все стрелецкие⁶.

В былинах о Вавиле-скоморохе изображен царь Собака, правивший в «инишьем» (другом) царстве. Крестьянину Вавиле, присоединившемуся к скоморохам, удалось свергнуть жестокого тирана, окружившего свой двор тыном, колья которого были украшены человеческими головами. В этом мотиве — отзвук репрессий, чинимых опричниками, и мечты крестьян о «своем» царе, грядущем

торжестве счастья и справедливости. Крестьяне еще не мыслили иной формы государственного устройства, кроме монархической.

В произведениях народного творчества складывался идеал крестьянина, свободного в выборе своей судьбы. На усиление эксплуатации задавленное непосильными поборами в пользу царской казны, неграмотное и бесправное крестьянство отвечало побегами с пасиженных мест, уходило на «вольные» земли. Безвестные русские землепроходцы и мореплаватели по предприимчивости, упорству, жизненной энергии не уступали своим западным современникам. Крестьяне несли на новые земли мечту о воле и любовь к возделываемой ими земле, а не только меч и смерть, подобно иным открывателям неведомых земель в Новом свете.

Народная память свято сохранила воспоминание о тех вольных людях, которым Россия обязана присоединением новых земель. Герой народного творчества, в противоположность героям церковных житий, активно вмешивался в жизнь, сам выбирал судьбу. В песнях о Ермаке Тимофеевиче звучит тема свободного выбора пути. Казачество, формировавшееся в XVII в. на Дону, противопоставляло царевым слугам, покорным, безвольным и трусливым, удалого и смелого Ермака.

Живые родники народного творчества пробивались на окраинах Русского государства, особенно на севере, переживавшем пору значительного экономического подъема. Здесь строились небольшие церковки «посадского типа», прообраз будущей светской и церковной архитектуры XVII в. Это были одноглавые кубические бесстолпные храмы с крещатыми сводами (церковь Исидора Блаженного в 1566 г. в Ростове Ярославском). Новый тип храма с бочкообразным покрытием куполов, явно заимствованным из народного зодчества, сложился в Каргополе. Традиции народного деревянного зодчества давали себя знать и в крепостном строительстве севера и востока страны. Сооружение деревянных крепостей велось в тех районах, которые были недавно присоединены; крепости там воздвигались впервые. Так строили Строгановы укрепленные городки. В 1584 г. была сооружена деревянная крепость Архангельска, единственного русского морского порта. На иностранцев крепость производила сильное впечатление. По словам одного из них, «это укрепление представляет замок, сооруженный из бревен, заостренных

и перекрытых. Постройка из бревен превосходна: нет ни гвоздей, ни железных скреп. Все так хорошо сделано, что нечего похвалить. Ни один архитектор не сделает лучше того, как они делают»⁷.

В районе Среднего Поволжья, в таких центрах, как Углич, Ярославль, Кострома, Нижний Новгород, складывается новый слой художников — городских светских мастеров. Особенно выделяется строгановская школа письма, в творчестве Прокопия Чирина и Истомы Савина давшая выход новому мироощущению — любованию реалиями мира. Творившие не под бдительным надзором светских и духовных властей, лишённые той профессиональной выучки, которой отличались княжеские и монастырские мастера, художники Поволжья создавали произведения, в которых яснее выражалось их отношение к жизни. Пожалуй, эти черты наивной непосредственности в искусстве местных художников — наиболее чистый источник реалистического искусства XVII в.

Время Грозного — время грандиозных перемен в области культуры. Введение и совершенствование книгопечатания послужило мощным толчком для распространения грамотности. Величайшие географические открытия на севере и востоке страны расширили кругозор русского человека. Новые и старые земли оказались изображёнными на картах, позднее послуживших основой для иностранных карт России.

Россия, единственная независимая славянская страна с преобладающим православным населением, стала оказывать не только материальную, но и культурную помощь другим славянским народам. На это время приходится распространение русских церковных книг в Болгарии и Сербии. Для этих стран Россия стала символом независимости, надежды на избавление от османского ига.

* * *

Эта книга — дань уважения народу, творившему историю нашей страны в трудные времена первого самодержавного царя и нашедшему в себе силы преодолеть тот кризис, в который была ввергнута страна к концу XVI века. Во время первой Крестьянской войны народ показал, что с самодержавием, за которое ратовал Грозный, можно бороться. Через три с половиной столетия был свергнут этот строй и осуществились мечты и чаяния народов России о свободе и счастливой доле.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 361.

Венчание на царство

- ¹ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). СПб., 1904, т. XIII, с. 150.

Российское царство

- ¹ *Водарский Я. Е.* Население России за 400 лет (XVI — начало XX в.). М., 1973, с. 27.
² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 191.
³ *Максим Грек.* Сочинения. Казань, 1860, ч. 2, с. 38.
⁴ Там же, с. 131.

Лестница чинов

- ¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

Боярское правление

- ¹ Цит. по ст.: *Ржигза В. Ф.* Литературная деятельность Ермолая Еразма.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1926, вып. 33, с. 143.
² Писцовые книги Московского государства. СПб., 1877, ч. I, отд. 2, с. 188.
³ Акты Археографической экспедиции (далее: ААЭ). СПб., 1836, т. I, № 209, с. 198.
⁴ Там же, № 194, с. 172.
⁵ ПСРЛ, т. XIII, с. 439.
⁶ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. I, с. 110.
⁷ Там же. М., 1955, вып. II, с. 229.
⁸ ПСРЛ, т. XIII, с. 443—444.
⁹ Там же, с. 145.

Восстание в царствующем граде

- ¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 154, 455.
² Там же, с. 455.
³ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951, с. 35.
⁴ Там же, с. 523.

Собор примирения

- ¹ ПСРЛ. Л., 1925, т. IV, ч. 1, вып. 3, с. 620.
- ² Материалы по истории СССР. М., 1955, вып. II, с. 56; ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 181.
- ³ Русская историческая библиотека (далее: РИБ). СПб., 1914, т. XXXI, с. 151, 172, 239.

Варя реформ

- ¹ Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956, с. 166—167.
- ² Там же, с. 153, 167, 177.
- ³ Цит. по ст.: Ржигза В. Ф. Указ. соч., с. 193.
- ⁴ Материалы по истории СССР, вып. II, с. 56; ПСРЛ, т. 34, с. 181.
- ⁵ Судебники XV—XVI вв. М.; Л., 1952, с. 165.
- ⁶ Там же, с. 176.
- ⁷ РИБ. СПб., 1878, т. IV, стб. 1440.
- ⁸ Стоглав. СПб., 1863, с. 48.
- ⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с. 490.
- ¹⁰ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925, с. 113.

Подрайская землица

- ¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 155.
- ² ПСРЛ. М., 1965, т. XXIX, с. 58.
- ³ Там же, с. 62.
- ⁴ Там же, с. 98.
- ⁵ Казанская история. М.; Л., 1954, с. 47.

На перепутье

- ¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 523.
- ² Там же, с. 524.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же, с. 526.
- ⁵ Там же, с. 267.
- ⁶ ААЭ, т. I, № 238/IV.
- ⁷ Сочинения Ивана Пересветова, с. 181.
- ⁸ Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку. М., 1908, с. 66.
- ⁹ РИБ, т. IV, стб. 1418.
- ¹⁰ Зиновий. Истины показание. Казань, 1863, с. 26.
- ¹¹ Там же, с. 58—59.
- ¹² Там же, с. 56.
- ¹³ Послание многословное.— Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском уни-те (далее: Чтения ОИДР), 1880, кн. 2, с. 144.
- ¹⁴ Там же, с. 143.
- ¹⁵ Там же, с. 144.
- ¹⁶ Там же, с. 284.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 105.
- ¹⁸ Там же, т. 7, с. 362.
- ¹⁹ ПСРЛ, т. XXIX, с. 9.
- ²⁰ Там же, т. XIII, с. 267—268.

Последние реформы Избранной рады

- ¹ Цит. по ст.: Копанев А. И. Уставная земская грамота крестьянам трех волостей Двинского уезда 25 февраля 1552 г.— В кн.: Исторический архив. М., 1953, т. VIII, с. 19.

- ¹ Водарский Я. Е. Указ. соч., с. 23.
- ² ПСРЛ, т. XIII, с. 253.

Начало Ливонской войны

- ¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 287.
- ² Там же, с. 296.
- ³ Там же, с. 333.
- ⁴ Новое известие о России времен Ивана Грозного, «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934, с. 18.
- ⁵ РИБ, т. XXXI, с. 395—398.
- ⁶ Послания Ивана Грозного, с. 30.

Введение опричнины

- ¹ ПСРЛ, т. XIII, с. 392.
- ² Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе.— Русский исторический журнал, 1922, кн. 8, с. 38.
- ³ Там же, с. 36.

Земский собор 1566 г.

- ¹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813, т. I, № 92.
- ² Сборник Русского исторического общества (далее: Сб. РИО). СПб., 1910, т. 129.
- ³ Бурный расцвет торговли в период нарвского плавания дал основание историкам экономической истории (С. В. Бахрушин, А. Атмани, П. Женап) утверждать, что причиной Ливонской войны были нужды торговли.
- ⁴ Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904.

Опричная дубина

- ¹ Новое известие о России времен Ивана Грозного, с. 56.
- ² Послание Таубе и Крузе, с. 43.
- ³ Гос. б-ка им. В. И. Ленина, Рукописный отд., Троицкое собрание, № 694, л. 109 об.— 112 об.
- ⁴ Там же, л. 114 об.
- ⁵ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950, с. 480.
- ⁶ Исторические песни XIII—XVI вв. М.; Л., 1960, № 206, 215, 218.
- ⁷ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 395.
- ⁸ Там же, с. 342.
- ⁹ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 273, 269.
- ¹⁰ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909, т. II, с. 96, 101, 103 и след.
- ¹¹ Ильинский А. Г. Городское население Новгородской области в XVI в.— В кн.: Историческое обозрение. СПб., 1897, т. IX, с. 37.
- ¹² Штаден Г. Указ. соч., с. 145.
- ¹³ Послание Таубе и Крузе, с. 50.
- ¹⁴ Архив Маркса и Энгельса, 1946, т. VIII, с. 165.
- ¹⁵ Послание Таубе и Крузе, с. 50.
- ¹⁶ Загорский В. Ф. История землевладения Шелонской пятины в

конце XV и XVI веках.— Журнал Министерства юстиции, 1909, № 12, с. 203.

¹⁷ Садинов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950, с. 462.

¹⁸ Послание Таубе и Крузе, с. 38.

¹⁹ Штаден Г. Указ. соч., с. 122.

Закат опричнины

¹ Сб. РИО. СПб., 1892, т. 71, с. 593.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 165.

³ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1865, с. 102.

⁴ Духовные и договорные грамоты..., с. 428—431.

⁵ Штаден Г. Указ. соч., с. 110.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 115.

Князь Иванец Московский и наследник Пруса

¹ Псковские летописи, вып. II, с. 262.

² Скрынников Р. Г. Указ. соч., с. 288.

³ Самоковцов Д. Я. Указ. соч., т. II, с. 474—475. В переписи поместий значилось: «А про засев, про рожь, сказати было некому, сколько в которой деревни ржи сеяно, потому что все деревни пусты».

Конец Ливонской войны

¹ Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, с. 93.

² Цит. по кн.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.; Л., 1952, с. 20.

Присоединение Сибири

¹ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1, с. 341.

Конец царствования

¹ Толстой А. К. Собр. соч. М., 1963, т. 2, с. 251, 254.

² Чтения ОИДР, 1876, кн. 3, отд. IV, с. 27.

³ РИБ. СПб., 1908, т. XIII, с. 619—620 (даем в переводе на современный язык).

Научные знания

¹ У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 239, 243.

² Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии А. А. Зимина. М., 1978, вып. 1, с. 41, 53, 93.

Новые люди в русской культуре

¹ РИБ, т. XXXI, стб. 214—215.

² См.: Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века.— В кн.: Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1909, вып. 21; Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881,

На службе царю и церкви

- ¹ Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку. М., 1908, с. 7—8.
- ² ПСРЛ, т. XIII, с. 281.
- ³ Кузнецов И. О построении московского Покровского (Василия Блаженного) собора.— Чтения ОИДР, 1896, кн. 1, с. 10.
- ⁴ Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. М., 1972, с. 59—69.
- ⁵ Московские соборы на еретиков XVI века.— Чтения ОИДР, 1847, кн. 3, отд. II, с. 8.
- ⁶ Дополнения к Актам историческим. СПб., 1840, т. I, № 82, с. 144.
- ⁷ О технике изготовления скани и басмы см. подробнее: Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1949.

Животворный родник

- ¹ Стоглав, с. 263.
- ² ПСРЛ, т. XIII, с. 353.
- ³ Псковские летописи, вып. I, с. 116.
- ⁴ Послание Таубе и Крузе, с. 50.
- ⁵ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 101—102.
- ⁶ Исторические песни XIII—XVI вв., № 86.
- ⁷ Соваж Ж. Записка о путешествии в Россию в 1586 году.— Русский вестник, 1841, т. I, вып. 1, с. 223—230.

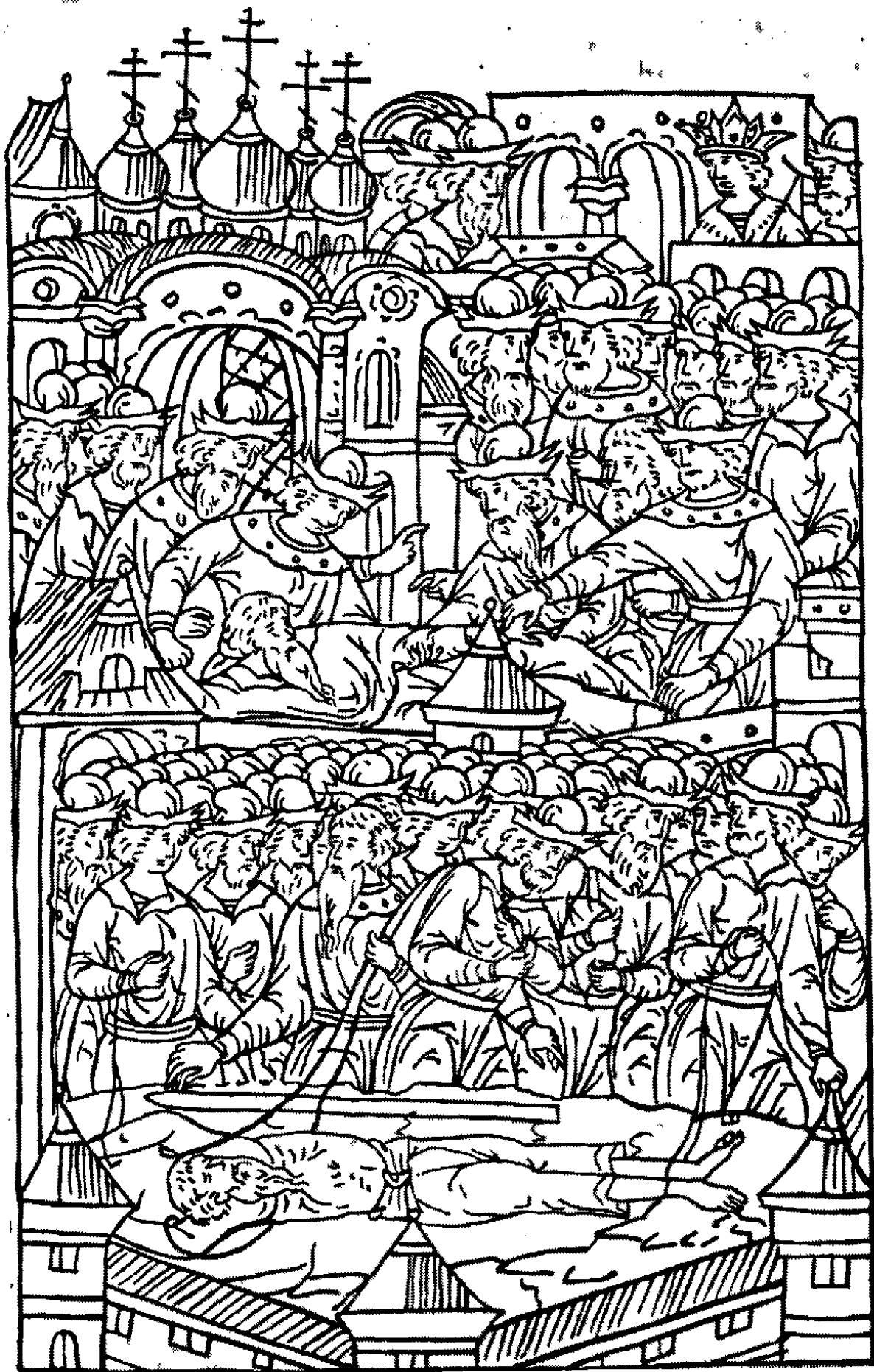
ЛИТЕРАТУРА

- Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1952—1954, т. I, II.
- Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947.
- Бурдей Г. Д.* Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.
- Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1977.
- Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962.
- Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. I.
- Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М.; Л., 1944.
- Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и комментарии А. А. Зимина. М., 1978.
- Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954. Кн. II.
- Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963.
- Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958.
- Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
- Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977.
- Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967.
- Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.
- Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957, т. II.
- Ключевский В. О.* Боярская дума. Пг., 1919.
- Колычева Е. И.* Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971.
- Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970.
- Королук В. Д.* Ливонская война. М., 1954.
- Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: Вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. М., 1963.
- Лебедев Д. М.* Очерки по истории географии в России XV—XVI веков. М., 1956.
- Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888.
- Маковский Д. П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963.
- Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М., 1951.

- Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). СПб., 1904.
- Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
- Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.
- Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969.
- Панеях В. М.* Кабальное холопство на Руси в XVI веке. Л., 1967.
- Панеях В. М.* Холопство в XVI — начале XVII в. М., 1975.
- Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965.
- Подобедова О. И.* Московская школа живописи при Иване IV: Работы в Московском Кремле 40—70-х годов XVI в. М., 1972.
- Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. М., 1963.
- Пронштейн А. П.* Воликий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.
- Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897.
- Рожков Н. А.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899.
- Савва В. И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 4.
- Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966.
- Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969.
- Скрынников Р. Г.* Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973.
- Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975 (допечатка — М., 1980).
- Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975.
- Слуховский М. И.* Русская библиотека XVI—XVII вв., М., 1973.
- Смирнов И. И.* Иван Грозный. Л., 1944.
- Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.
- Смирнов Н. А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1948. Т. 1.
- Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М., Л., 1947. Т. 1.
- Соловьев С. М.* История России. М., 1960. Кн. III.
- Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Тихомиров М. Н.* Российское государство XV—XVII веков. М., 1973.
- Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII веков. М., 1968.
- Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
- Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973.
- Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978.
- Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. I.
- Шмидт С. О.* Становлению российского самодержавства. М., 1973.
- Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI веке. СПб., 1889.
- Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978.

**Работа крестьян на монастырь.
Миниатюра из «Жизни Сергия Радонежского». Конец XVI в**

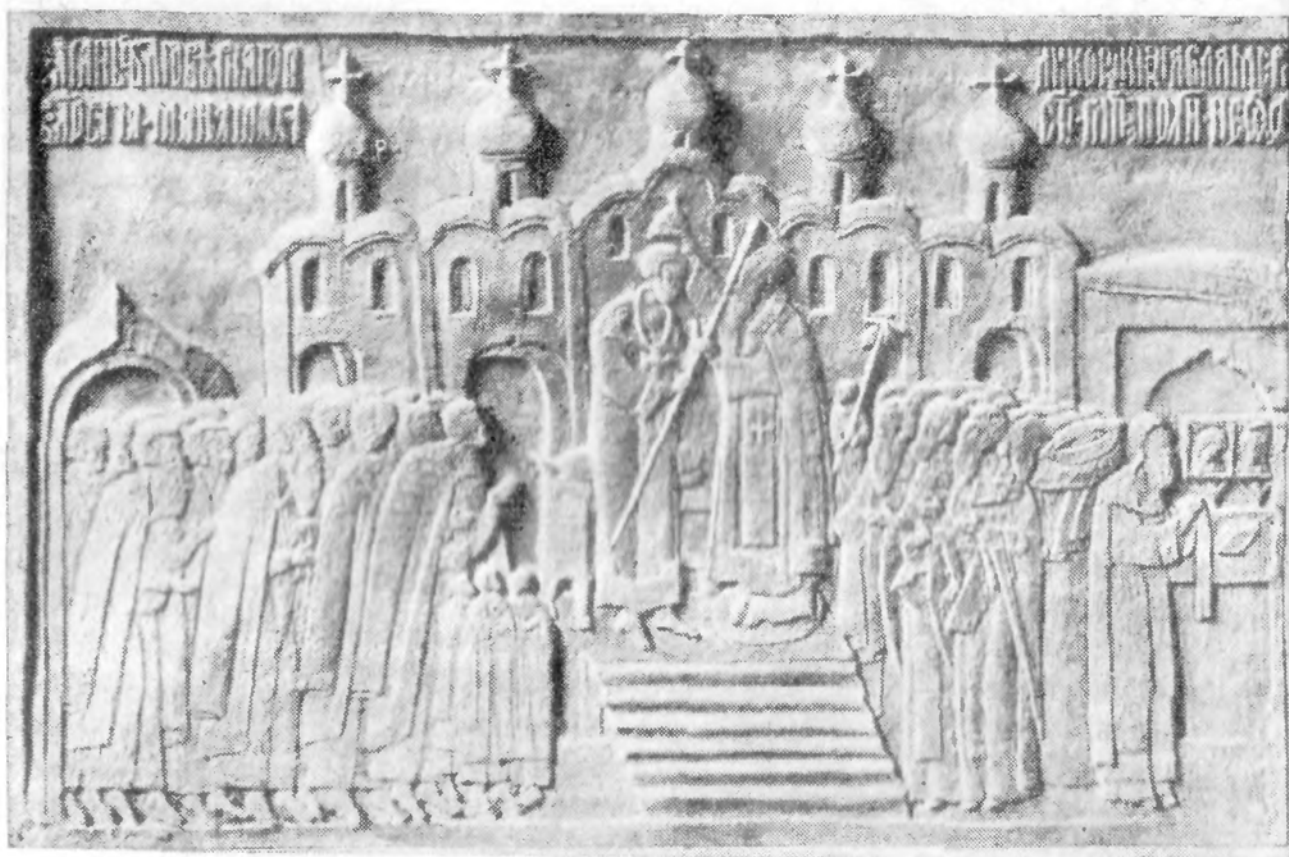
Убийство князя Ю. В. Глинского.
печата из Лицевого свода. XVI в.

прибираетъ разоужа дѣишѣстѣ по
и хѣтѣ того родитѣся . хѣтѣмъ же т
ратѣишѣмъ кѣмъ сѣдѣтъ жѣтѣи

пригопѣрѣцѣской о кормленіихъ ѿ

Приговор о кормлении.
Миниатюра из Лицевого свода. XVI в.

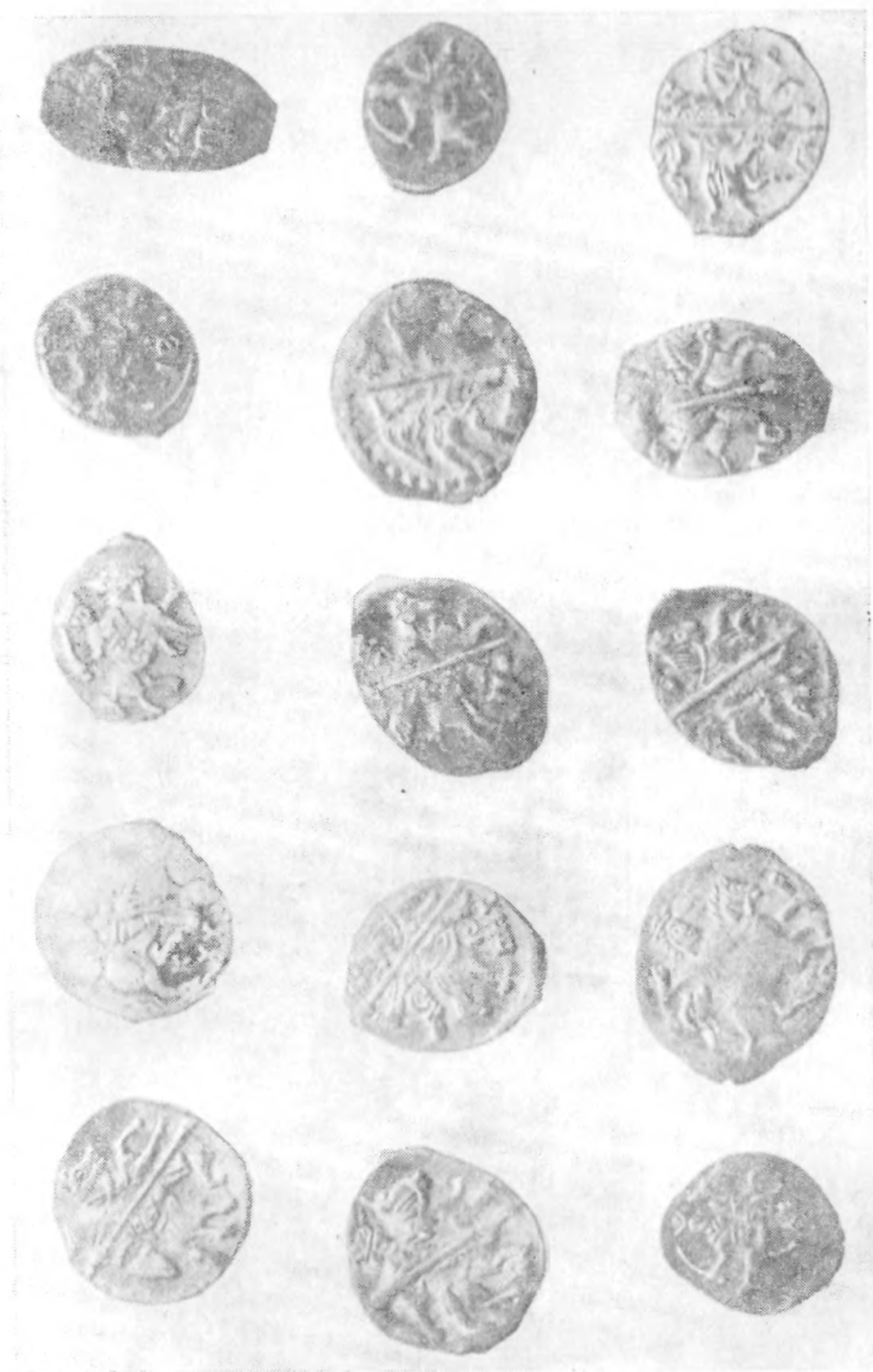
Венчание на царство.

Деталь царского места в Успенском соборе Московского кремля.

Заседание Боярской думы.

Деталь царского места в Успенском соборе Московского кремля.

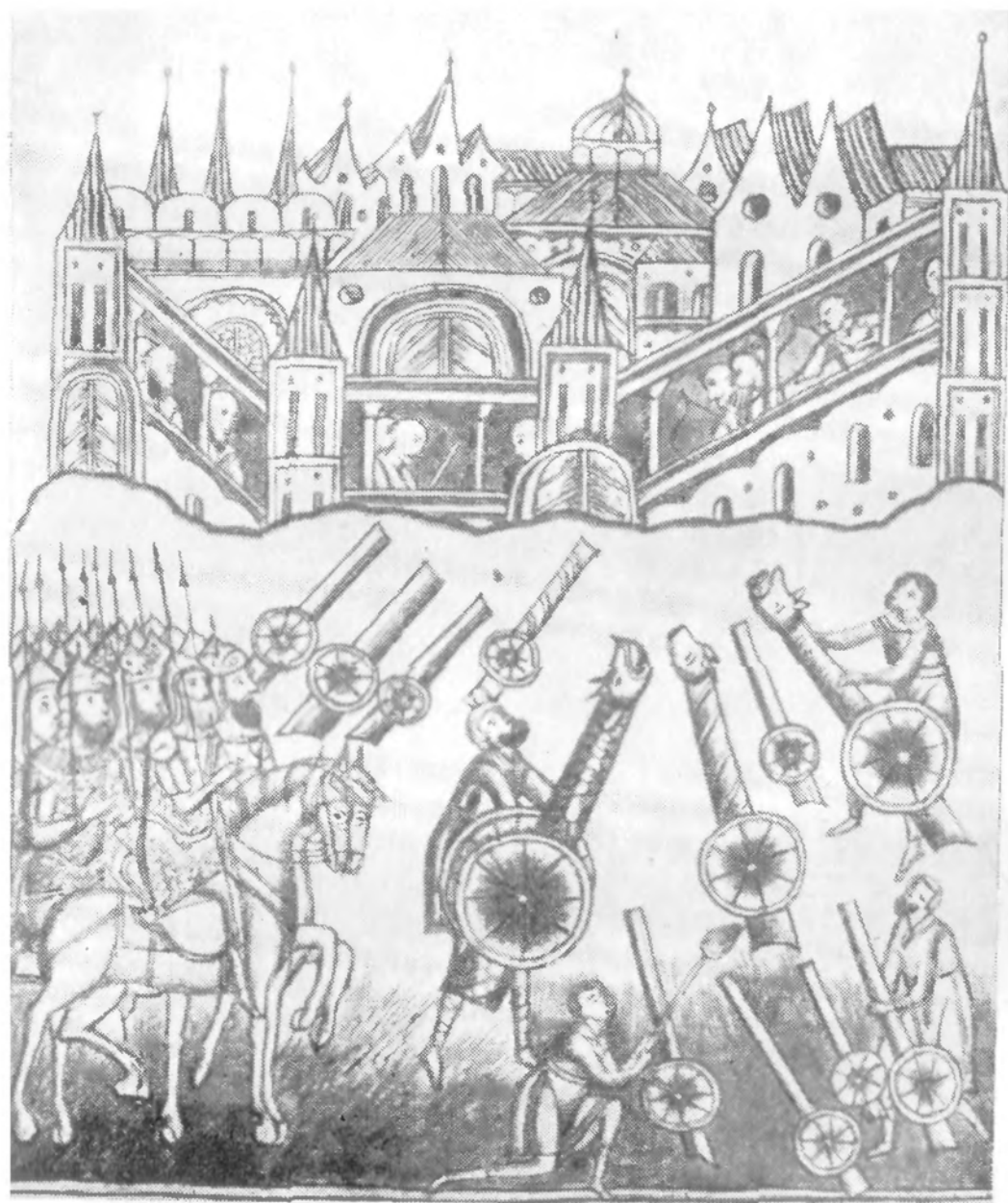
Монеты времен Ивана Грозного. Государственный исторический музей.

Монеты времен Ивана Грозного. Государственный исторический музей.

Хоругвь Казанского похода.
Государственный исторический
музей.

УЧИТЕЛЯГО ОМНОГН ПРІЛЕЖАНІЕ ОУЧА
 ШЕГО . НО ОТРОКЪ НЕВНИМАШЕ НЕ ОУ
 МѢАШЕ . НЕ ТОЧЕНЪ БЫ ДРЪЖИНЪ СВОИ
 ОУЧАЩИМ СЯ СНИМЪ . О СЕМЪ ОУ БО МНОГО
 БРАНИ БЫВАШЕ О РОДНІТЕЛЮ СВОЕМ . БОЛѢ
 ШО УЧИТЕЛА ТОМНІ . А О ДРЪЖИНЫ ОУКА
 РАЕМЪ . О ТРОКЪ ВЪ ТАИНѢ ЧАСТО О СЛЕЗА

Школа. Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI в.

Осада Казани русскими войсками.

Миниатюра из списка «Казанской истории». Начало XVII в.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	8
Введение	6
Венчание на царство	8
Российское царство	12
Лестница чинов	24
Боярское правление	31
Восстание в царствующем граде	39
Собор примирения	43
Заря реформ	46
Подрайская земляца	58
На перепутье	69
Последние реформы Избранной рады	80
Восток или запад?	87
Начало Ливонской войны	93
Введение опричнины	104
Земский собор 1566 г.	110
Опричная дубина	114
Закат опричнины	123
Князь Иванец Московский и наследник Пруса	134
Конец Ливонской войны	139
Присоединение Сибири	144
Конец царствования	147
Научные знания	151
Новые люди в русской культуре	155
На службе царю и церкви	160
Животворный родник	172
Примечания	177
Литература	182

Александр Александрович Зимин,

Анна Леонидовна Хорошкевич

РОССИЯ ВРЕМЕНИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Утверждено к печати редколлегией
серии научно-популярных изданий
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Паникратова
Художник М. М. Бабенков
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Ф. М. Хениох
Корректоры Л. И. Карасева, Л. И. Кириллова

ИБ № 18485

Сдано в набор 07.09.81

Подписано к печати 15.03.82

Т-03954, Формат 84×108¹/₃₂

Бумага книжно-журнальная

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,3. Уч.-изд. л. 10,9

Тираж 100 000 экз. 1 завод (1—50,000)

Тип. аак, 1055. Цена 70 коп.

Издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного.— М.: Наука, 1982. 184 с. с ил.

Книга посвящена времени Ивана Грозного, т. е. тому периоду, когда Россия, как и другие страны Европы, шла по пути к абсолютизму. Авторы показывают закономерности и своеобразие этого процесса, сильные и слабые стороны растущего самодержавия, роль народных масс в сложных и противоречивых событиях русской истории середины и второй половины XVI в.

А. А. Зимин — профессор, доктор исторических наук, автор исследований: «Реформы Ивана Грозного» (М., 1960), «Опричнина Ивана Грозного» (М., 1964), «Россия на пороге нового времени» (М., 1972), «Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.)» (М., 1977) и др.

А. Л. Хорошкевич — доктор исторических наук, автор работ: «Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV—XV вв.» (М., 1963), «Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в.» (М., 1980).

5.5

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

В. Т. ПАШУТО

На первой странице обложки воспроизведено изображение г. Тольска из Ремезовской летописи.

© Издательство «Наука», 1982 г.

3 $\frac{0505010000-137}{054(02)-82}$ 43—80НП.

70 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ
КНИГА:

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА